

Магнитогорский государственный технический университет
им. Г. И. Носова

Libri Magistri

2023. № 4 (26)

Научный рецензируемый журнал

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций – регистрационный номер ПИ № ФС 77 – 85231 от 25.04.2023.

© Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Магнитогорский государственный технический университет им. Г. И. Носова», 2023

Учредитель - Магнитогорский государственный технический университет им. Г. И. Носова (д. 38, пр. Ленина, г. Магнитогорск, Челябинская обл., Россия, 455000).

Издается 4 раза в год
Основан в феврале 2015

Магнитогорск
2023

Nosov Magnitogorsk State Technical University

Libri Magistri

2023. № 4 (26)

Scientific peer-reviewed journal

The journal is registered by the Federal Service for Supervision in the Sphere of Telecom, Information Technologies and Mass Communications – registration number PI № FS 77 – 85231 dated 25.04.2023.

**© Federal State Budgetary Institution of Higher Professional Education
Nosov Magnitogorsk State Technical University, 2023**

Founder -Nosov Magnitogorsk State Technical University (38, Lenin St.,
Magnitogorsk, Chelyabinsk Region, 455000).

Published four times a year
Founded in February 2015

Magnitogorsk
2023

2023. 4 (26).

Редакционная коллегия:

С. В. Рудакова – главный редактор, д-р филол. наук, профессор кафедры языкознания и литературоведения Магнитогорского государственного технического университета им. Г. И. Носова (Россия, Магнитогорск);

Т. Е. Абрамзон – ответственный редактор, директор института гуманитарного образования, д-р филол. наук, профессор кафедры языкознания и литературоведения Магнитогорского государственного технического университета им. Г. И. Носова (Россия, Магнитогорск);

Т. Е. Автухович – д-р филол. наук, профессор, профессор кафедры русской филологии Гродненского государственного университета имени Янки Купалы (Беларусь, Гродно);

М. Боровски – канд. гуманитарных наук, адъюнкт по кафедре русской литературы и культуры Вроцлавского университета (Польша, Вроцлав);

Р. Кидэра – канд. филол. наук, внештатный преподаватель, Досияс университет в Японии (Япония, Киото);

Н. В. Кононова – д-р филологии, Рижская основная школа имени ВалдаАвотиня, центр развития (Латвия, Рига);

А. Ю. Леонтьева – канд. филол. наук, доцент кафедры русского языка и литературы НАО «Северо-Казахстанский университет имени Манаша Козыбаева» (Республика Казахстан, Петропавловск);

Е. В. Ничипорчик – д-р филол. наук, заведующий кафедрой русского, общего и славянского языкознания Гомельского государственного университета имени Ф. Скорины (Беларусь, Гомель);

И. Регеци – д-р философии, д-р литературы и культурных исследований (Dr. Habil), адъюнкт-профессор, доцент Института славистики, Дебреценский университет (Венгрия, Дебрецен);

Л. Росси – профессор русской литературы Миланского государственного университета (Италия, Милан);

А. Ф. Строев – д-р филол. наук, профессор кафедры сравнительного литературоведения университета Париж-III (Новая Сорбонна) (Франция, Париж);

Слободанка Владив-Гловер – адъюнкт-профессор в Школе языков, литератур, культур и лингвистики, университет Монаша (Австралия, Мельбурн);

З. П. Табакова – д-р филол. наук, профессор; профессор кафедры русского языка и литературы НАО «Северо-Казахстанский университет имени Манаша Козыбаева» (Республика Казахстан, Петропавловск);

Б. П. Ашрапов – кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры языкознания и сравнительной типологии факультета иностранных языков ГОУ «Худжандский государственный университет им. академика Б. Гафурова» (Республика Таджикистан, Худжанд);

М. А. Амелин – русский поэт, переводчик, литературный критик и издатель, главный редактор «Объединенного гуманитарного издательства» (Россия, Москва);

А. П. Власкин – д-р филол. наук, профессор, независимый исследователь (Россия, Магнитогорск);

А. К. Гладков – канд. ист. наук, старший научный сотрудник Отдела западноевропейского Средневековья и раннего Нового времени Института всеобщей истории РАН (Россия, Москва);

М. Л. Ковшова – д-р филол. наук, ведущий сотрудник сектора теоретического языкознания ФГБУН «Институт языкознания РАН» (Россия, Москва);

В. Л. Коровин – д-р филол. наук, доцент кафедры истории русской литературы Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова (Россия, Москва);

В. А. Котельников – главный научный сотрудник Отдела новой русской литературы Института русской литературы («Пушкинский дом»), зав. группой по изучению и изданию наследия К. Н. Леонтьева (Россия, Санкт-Петербург);

О. Г. Лазареску – д-р филол. наук, профессор кафедры русской литературы Московского педагогического государственного университета (Россия, Москва);

Н. В. Налегач – д-р филол. наук, профессор кафедры журналистики и русской литературы XX века Института филологии, иностранных языков и медиакоммуникаций Кемеровского государственного университета (Россия, Кемерово);

Н. В. Патроева – д-р филол. наук, профессор, заведующий кафедрой русского языка Петрозаводского государственного университета (Россия, Петрозаводск);

А. В. Растягаев – д-р филол. наук, профессор, заведующий кафедрой филологии и массовых коммуникаций Самарского филиала Московского городского педагогического университет (Россия, Самара);

С. Е. Рахманкулова – д-р филол. наук, ведущий научный сотрудник научно-исследовательской лаборатории «Искусственный интеллект и когнитивные исследования», профессор кафедры английского языка Высшей школы перевода Нижегородский государственный лингвистический университет им. Добролюбова (Россия, Нижний Новгород);

С. А. Песина – д-р филол. наук, профессор кафедры лингвистики и перевода Магнитогорского государственного технического университета им. Г. И. Носова (Россия, Магнитогорск);

Ю. В. Сложеникина – д-р филол. наук, профессор кафедры филологии и массовых коммуникаций Самарского филиала Московского городского педагогического университета, декан филологического факультета (Россия, Самара);

О. Ю. Колесникова – канд. филол. наук, доцент кафедры языкознания и литературоведения Магнитогорского государственного технического университета им. Г. И. Носова (Россия, Магнитогорск);

Н. В. Позднякова – канд. филол. наук, доцент кафедры русского языка, общего языкознания и массовых коммуникаций Магнитогорского государственного технического университета им. Г. И. Носова (Россия, Магнитогорск);

А. Л. Солдатченко – докт. пед. наук, доцент кафедры языкознания и литературоведения Магнитогорского государственного технического университета им. Г. И. Носова (Россия, Магнитогорск);

О. В. Франчук – канд. филол. наук, доцент кафедры русского языка, общего языкознания и массовых коммуникаций Магнитогорского государственного технического университета им. Г. И. Носова (Россия, Магнитогорск);

А. В. Петров – д-р филол. наук, профессор, независимый исследователь (Россия, Магнитогорск);

Т. Б. Зайцева – технический редактор, д-р филол. наук, профессор кафедры языкознания и литературоведения Магнитогорского государственного технического университета им. Г. И. Носова (Россия, Магнитогорск).

Фото на обложке – автор Нуждина Е. С., магистр-филолог МГТУ им. Г. И. Носова.

2023. 4 (26).

Editorial Board:

Svetlana Rudakova – Editor-in-Chief, Doctor of Sciences (Philology), Head of the Department of Linguistics and Literary, Nosov Magnitogorsk State Technical University (Russia, Magnitogorsk);

Tatiana Abramzon – Deputy Editor, Doctor of Sciences (Philology), Director of the Institute for the Humanities, Professor of the Department of Linguistics and Literary, Nosov Magnitogorsk State Technical University (Russia, Magnitogorsk);

Tatiana Avtukhovich – Doctor of Sciences (Philology), Professor of the Department of Russian Philology, Yanka Kupala State University of Grodno (Belarus, Grodno);

Marcin Borowski – PhD, Assistant Professor, Department of Russian Literature and Culture, University of Wrocław (Poland, Wrocław);

Ritsuko Kider – Associate Professor, Candidate of Sciences (Philology), Part-time Lecturer, Doshisha University in Japan (Japan, Kyoto);

Natalia Kononova – Doctor of Sciences (Philology) (Latvia, Riga);

Anna Yurievna Leontyeva – Candidate of Philology, Associate Professor; Associate Professor of the Department of Russian Language and Literature, North Kazakhstan University named after Manash Kozybayev (Republic of Kazakhstan, Petropavlovsk);

Alena Nichyporchyk – Doctor of Sciences (Philology), Head of the Department of Russian, General and Slavic Linguistics (Belarus, Gomel);

Ildikó Regéczy – Academic degree: Dr. Habil. in Literature and Cultural Studies, Kandidátus (PhD) Degree in Literature, Associate Professor, Institute of Slavic Studies, University of Debrecen (Hungary, Debrecen);

Laura Rossi – Professor of Russian Literature, University of Milan (Italy, Milan);

Alexandre Stroev – Doctor of Philology, Professor of the Department of Comparative Literary Studies, University Paris-III (New Sorbonne) (France, Paris);

Slobodanka Vladiv-Glover – Adjunct Associate Professor in the School of Languages, Literatures, Cultures and Linguistic, Monash University (Australia, Melbourne);

Zinaida Petrovna Tabakova – Doctor of Philology, Professor; Professor of the Department of Russian Language and Literature, North Kazakhstan University named after Manash Kozybayev (Republic of Kazakhstan, Petropavlovsk);

Bahodurjon Pulotovich Ashrapov – candidate of philological sciences, senior lecturer of the department of linguistics and comparative typology attached to the faculty of Foreign languages under the SEI «Khujand State

University named after academician B. Gafurov» (Tajikistan Republic, Khujand-city);

Maxim Amelin – Russian Poet, Translator, Literary Critic and Publisher, Chief Editor of the United Humanitarian Publishing House;

Alexander Vlaskin – Doctor of Sciences (Philology), Professor (Russia, Magnitogorsk);

Alexander Gladkov – Candidate of Historical Sciences, Senior Scholar of the Department of the Western European Middle Ages and Early Modern times of the Institute of General History of the Russian Academy of Sciences (Russia, Moscow);

Maria Kovshova– Doctor of Sciences (Philology), leading Researcher, Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences (Russia, Moscow);

Vladimir Korovin – Doctor of Sciences (Philology), Department of History of Russian Literature, Lomonosov Moscow State University (Russia, Moscow);

Vladimir Kotelnikov – Doctor of Sciences (Philology), General Research Officer of Department of New Russian Literature of Russian Literature Institute (the Pushkin House), Russian Academy of Sciences, Group Curator of K. N. Leontiev writings Publication Group (Russia, Saint Petersburg);

Natalia Nalegach – Doctor of Sciences (Philology), Professor of the Department of Journalism and Russian Literature of the 20th century, Kemerovo State University;

Olga Lazarescu – Doctor of Sciences (Philology), Professor of the Department of the Russian Literature, Moscow State Pedagogical University (Russia, Moscow);

Natalia Patroeva – Doctor of Sciences (Philology), Professor, Head of the Department of the Russian Language, Petrozavodsk State University (Russia, Petrozavodsk Petrozavodsk);

Andrey Rastyagaev – Doctor of Sciences (Philology), Professor, Head of the Department of Philology and Mass Communications, Moscow City University (Samara Branch) (Russia, Samara);

Svetlana Rakhmankulova – Doctor of Sciences (Philology), Senior researcher at Artificial Intelligence and Cognitive Research Laboratory, Full Professor at the Department of the English Language, Higher School of Translation and Interpreting, Linguistics University of Nizhny Novgorod (Russia, Nizhny Novgorod);

Julija Slozhenikina – Doctor of Sciences (Philology), Professor, Head of the Department of Philology and Mass Communications, Moscow City University (Samara Branch) (Russia, Samara);

Svetlana Pesina – Doctor of Sciences (Philology), Professor, of the Department of Linguistics and Translation, Nosov Magnitogorsk State Technical University (Russia, Magnitogorsk);

Olga Kolesnikova – PhD in Philology, Assistant Professor of the Department of Linguistics and Literary, Nosov Magnitogorsk State Technical University (Russia, Magnitogorsk);

Natalia Pozdnyakova – PhD in Philology, Assistant Professor of the Department of the Russian Language, General Linguistics and Mass Communication, Nosov Magnitogorsk State Technical University (Russia, Magnitogorsk);

Aleksandr Soldatchenko – Doctor of Sciences (Pedagogy), Assistant Professor of the Department of Linguistics and Literary, Nosov Magnitogorsk State Technical University (Russia, Magnitogorsk);

Oksana Franchuk – PhD in Philology, Assistant Professor of the Department of the Russian Language, General Linguistics and Mass Communication, Nosov Magnitogorsk State Technical University (Russia, Magnitogorsk);

Alexej Petrov – Doctor of Sciences (Philology), Professor (Russia, Magnitogorsk);

Tatiana Zaitseva – Technical Editor, Doctor of Sciences (Philology), Professor of the Department of Linguistics and Literary, Nosov Magnitogorsk State Technical University (Russia, Magnitogorsk).

Author of the photo on the cover: Nuzhdina E. S., Master's Degree in Philology of NMGU.

СОДЕРЖАНИЕ

РАЗДЕЛ I. ИСТОРИЯ И ТЕОРИЯ ЖАНРОВ: ДИАЛЕКТИКА ФОРМЫ И СОДЕРЖАНИЯ

Маслова А. Г. ЖИТИЙНЫЕ ТРАДИЦИИ В «ТРАУРНОЙ»
ЛИРИКЕ *Е. И. КОСТРОВА* 11

РАЗДЕЛ II. ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ТЕКСТА: ТРАДИЦИИ, ТИПЫ, КОНКРЕТНЫЕ РАЗБОРЫ

Черепанова С. Н. ДЕЛУ ВРЕМЯ – ПОТЕХЕ ЧАС:
ПЕРЕОСМЫСЛЕНИЕ А. П. ЧЕХОВЫМ УСАДЕБНОГО ДОСУГА 24

РАЗДЕЛ III. ЛИНГВИСТИКА ТЕКСТА

Bystrov D. M., Yastrebov-Pestritskiy M. S. THE LEXICAL CORE
OF PROTO-INDO-EUROPEAN LANGUAGE: THE COMPLETE
SWADESH LIST 36

РАЗДЕЛ IV. ПОЭТИКА ЛИТЕРАТУРЫ

Сираждинова Л. Р. ЛИТЕРАТУРНЫЕ
ПРЕДШЕСТВЕННИКИ ГЕРОЯ ПЕТРОВСКОЙ ЭПОХИ
В ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ТЕКСТАХ 79

РАЗДЕЛ V. НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ. Материалы Международного круглого стола «Русское слово: взгляд молодых исследователей», посвященного Году русского языка, проведенного 17 мая 2023

(Гомельский государственный университет им. Франциска
Скорины; Магнитогорский государственный технический
университет им. Г. И. Носова; Южный федеральный
университет; Новосибирский государственный технический
университет; Тверской государственный университет)

Жавнерович М. С., Рудакова С. В. ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ
И ПАРЕМИИ В РЕКЛАМНОМ ТЕКСТЕ 90

Коновалов М. А., Савельев К. Н. ПРОБЛЕМА РЕЦЕПЦИИ
И АДАПТАЦИИ ТВОРЧЕСТВА ЭДГАРА АЛЛАНА ПО
В МАССОВОЙ КУЛЬТУРЕ 100

АВТОРАМ

115

CONTENTS

PART I. HISTORY AND THEORY OF GENRES: THE DIALECTIC OF FORM AND CONTENT

Maslova A. G. HAGIOGRAPHIC TRADITIONS
IN E. I. KOSTROV'S «MOURNING» LYRICS 11

PART II. PHILOLOGICAL TEXT ANALYSIS: TRADITIONS, TYPES AND CONCRETE EXAMPLES

Cherepanova S. N. BUSINESS FIRST, PLEASURE
AFTERWARDS: A. P. CHEKHOV'S REINTERPRETATION OF MANOR
LEISURE 24

PART III. LINGUISTICS OF THE TEXT

Быстров Д. М., Ястребов-Пестрицкий М. С. ЛЕКСИЧЕСКОЕ
ЯДРО ПРАИНДООЕВРОПЕЙСКОГО ЯЗЫКА: ПОЛНЫЙ СПИСОК
СВОДЕША-207 36

PART IV. POETICS OF THE LITERATURE

Sirazhdinova Lubov R., Lazarescu O. G. LITERARY
PREDECESSORS OF THE HERO OF THE PETER THE GREAT ERA
IN LITERARY TEXTS 79

**PART V. Scientific Life. Materials of the International
Round Table "The Russian Word: the Young Researchers'
View " dedicated to the Year of the Russian Language, held
on May 17, 2023 (Francisk Skorina Gomel State University,
Nosov Magnitogorsk State Technical University, Southern
Federal University, Novosibirsk State Technical University,
Tver State University)**

Zhavnerovich M. S., Rudakova S. V. PHRASEOLOGICAL UNITS
AND PAROEMIAS IN THE ADVERTISING TEXT 90

Konovalov M. A., Savelev C. N. THE PROBLEM OF RECEPTION
AND ADAPTATION OF EDGAR ALLAN POE'S WORKS IN POPULAR
CULTURE 100

TO AUTHORS 115

РАЗДЕЛ I. ИСТОРИЯ И ТЕОРИЯ ЖАНРОВ: ДИАЛЕКТИКА ФОРМЫ И СОДЕРЖАНИЯ

ББК 83.3
УДК 821.161.1

А. Г. Маслова¹
ORCID: 0000-0002-9118-2983
Вятский государственный университет
610000, г. Киров, ул. Московская, д.36
ag.maslova@mail.ru

ЖИТИЙНЫЕ ТРАДИЦИИ В «ТРАУРНОЙ» ЛИРИКЕ Е. И. КОСТРОВА

В статье рассматривается взаимосвязь произведений Е. И. Кострова, написанных на смерть видных государственных деятелей, с агиографическим жанром Древней Руси. В исследовательский оборот впервые вводятся тексты, публиковавшиеся в XVIII веке и впоследствии не переиздававшиеся: «Стихи на кончину Московского градоначальника князя Василия Михайловича Долгорукого-Крымского» (1782), «Стихи на кончину князя Василия Владимировича Долгорукого» (1782), «Стихи на кончину его сиятельства графа Федора Григорьевича Орлова» (1796). Анализируются также «Стихи на кончину сенатора Петра Васильевича Хитрова» (1793), вошедшие в сборник «Поэты XVIII века» (1972). В исследовании используется сравнительно-типологический метод. Устанавливается преемственность между плачами и риторическими приемами в произведениях Древней Руси, оплакивающих и прославляющих умершего святого, и «траурными» элегиями Е. И. Кострова. Ведущими эмоциональными темами в древнерусской агиографии и произведениях Кострова являются скорбь и восхищение. Связь с эмоционально-экспрессивным стилем древнерусской литературы в наибольшей степени выявляется в более ранних траурных элегиях. В них даются яркие эмоциональные

¹ Маслова Анна Геннадьевна, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русской и зарубежной литературы и методики обучения, Вятский государственный университет, г. Киров, Россия.

картины всеобщего плача, нагнетается атмосфера печали. Плачи в более поздних произведениях тоже присутствуют, но на первый план выходят другие темы: философские рассуждения о жизни и смерти и изображение добродетелей и заслуг умершего. Сквозным, связанным с русской православной ментальностью, мотивом во всех текстах является мотив переселения души умершего в пространство Вечности. Тема веры в умиротворенную жизнь души в Божественных селеньях оказывается ведущей в элегии, написанной в последний год жизни Е. И. Кострова. Основная идея всех его произведений заключается в утверждении добродетели и бессмертия тех, кто вел праведную жизнь на земле.

Ключевые слова: русская поэзия XVIII века, древнерусская агиография, траурная элегия, житийный плач, аксиология литературы

Введение. Первый переводчик «Илиады» на русский язык Е. И. Костров, заслуживший в екатерининскую эпоху славу «российского Гомера» и состоявший с 1779 года в должности стихотворца при Московском университете, создавал произведения самых различных жанров. Наиболее часто представлены в его поэзии оды и эпистолы, написанные на официальные торжественные «случаи» – день коронации, восшествия на престол, рождения представителей царствующей династии и т. п. [10, 67–83] Однако в данном исследовании мы обращаемся к другим произведениям поэта, которые не только не становились предметом исследовательского внимания, но и по каким-то причинам не вошли в «Полные собрания сочинений г. Кострова», издававшиеся в 1802 и 1849 годах.

В творчестве университетского поэта выделяется особый корпус произведений «На смерть...», вписывающихся в жанр «траурной лирики», как его определил Д. В. Ларкович в своей монографии, где он анализировал жанр «траурной» оды Г. Р. Державина [8, 73].

Е. И. Костров написал несколько стихотворений-некрологов, связанных со смертью видных государственных деятелей. Это «Стихи на кончину Московского градоначальника князя Василия Михайловича Долгорукого-Крымского» (февраль 1782), «Стихи на кончину князя Василия Владимировича Долгорукого» (октябрь 1782), «Стихи на кончину его превосходительства тайного советника, сенатора Петра Васильевича Хитрова» (апрель 1793), «Стихи на кончину его сиятельства графа Федора Григорьевича Орлова» (май 1796). Первые два произведения были опубликованы в «Московских ведомостях» (см.: [4; 7]), последние два вышли отдельными изданиями

(см.: [5; 6]). «Стихи на кончину Петра Васильевича Хитрова» были переизданы в томе «Поэты XVIII века» серии «Библиотека поэта» в 1972 году, остальные ни разу не переиздавались. В целом корпус траурных стихотворений Е.И. Кострова ранее не рассматривался исследователями как единая тематическая группа произведений, претерпевающая в творчестве поэта художественную эволюцию.

Целью данного исследования является введение в научный оборот практически неизвестных текстов Е.И. Кострова и осмысление их в контексте русской литературной традиции.

Предваряя анализ указанных траурных произведений Е. И. Кострова, необходимо упомянуть об образовании поэта, которое повлияло на присутствие в его поэзии агиографических элементов. Сын дьячка, рано потерявший своего отца, поступил на учебу в Вятскую духовную семинарию в 1765 году, где изучал древнегреческий и латинский языки, штудировал древнерусские книги, занимался на курсе пиитики, по всем предметам учился «превосходно и, по-видимому, в семинарии стяжал уже славу поэта» [1, 18]. В 1773 году он отправился в Москву, где поступил на учебу в Славяно-греко-латинскую академию, а затем, отказавшись от духовной карьеры, продолжил учебу в Московском университете. Биографические данные свидетельствуют о том, что полученное Е. И. Костровым образование, безусловно, включало чтение и осмысление древнерусской и святоотеческой литературы, в том числе житийных текстов.

Ход и результаты исследования. В первых двух «траурных» стихотворениях, написанных в начале 1780-х годов, проявилось влияние на поэта древнерусской житийной традиции. В отличие от од, в которых преобладает восторженная лира, данные произведения Е. И. Кострова как выпускника Вятской духовной семинарии тесно связаны с плачами, характерными для житийных текстов, написанных в стиле «плетения словес». В качестве примера можно назвать «Житие Стефана Пермского», написанное Епифанием Премудрым, завершающееся тремя плачами, и «Слово о житии и преставлении великого князя Дмитрия Ивановича, царя русского», где присутствуют плач княгини Евдокии и плач русского народа. Житийные плачи искусно совмещают похвалу заслугам святого, перечисление его добродетельных качеств, печаль по поводу его смерти и утверждение христианской идеи бессмертия души. Отметим также, что для Кострова была актуальна и светская традиция классицистической «траурной» элегии: «Элегия на смерть Петра Великого» (1725) В. К. Тредиаковского, элегии А. П. Сумарокова

«На смерть сестры авторовой Е. П. Бутурлиной» (1759),
«К г. Дмитревскому. На смерть Ф. Г. Волкова» (1763),
«К г. Дмитревскому. На смерть Т. М. Троепольской» (1774) и др.

В февральском номере «Московских ведомостей» 1782 года опубликовано стихотворение Е. И. Кострова «На кончину... князя Василия Михайловича Долгорукого-Крымского». Ориентируясь на традиции классицистической элегии, Е. И. Костров пишет свое произведение шестистопным ямбом, без разделения на строфы. Первые же строки создают эмоциональную атмосферу горечи и плача:

Что тако сетуешь средь мирных дней, Москва?

Какой печальный стон сынов твоих терзает?

И лаврами твоя венчанная глава

Почто себя в юдоль прискорбий уклоняет? [4, 81].

Поэт использует характерные для эмоционально-экспрессивного стиля древнерусской агиографии риторические фигуры. Д. С. Лихачев так охарактеризовал особенности экспрессивно-эмоционального стиля русской литературы конца XIV–XV вв.: «Невыразимость чувств, невыразимость высоты подвигов святого органически связаны со всей стилистикой житийных произведений – с их нагромождением синонимов, тавтологических и плеонастических сочетаний, неологизмов, эпитетов, с их ритмической организацией речи, создающей впечатление бесконечности чувств. Всё это призвано внушить читателю грандиозность и значительность происходящего, создать впечатление его непередаваемости человеческим словом» [9]. В стихотворении Е.И. Кострова мы видим подобные приемы. Нагнетается атмосфера всеобщей печали следующими практически друг за другом синонимичными лексемами и словосочетаниями: «сетуешь», «печальный», «юдоль прискорбий», «горести», «слез», «стенания», «печали общей мрак», «тоской терзаясь», «грудь наполненну стенаний». Сообщив о причине слез, проливаемых Москвой и её жителями, автор подчеркивает, что покинувший земную юдоль московский градоначальник «в вечность преселился» и удостоился радости стать собеседником «днесь живущим выспръ эфире». Звучит прямой призыв к обретшему вечный покой князю обратить свой взор на Москву:

Но ах! еще, еще, Россию ты любя,

Прости свой взор на дол подсолнечного мира.

Прости и виждь, о князь, как сетуют сердца,

Тобою некогда согреты, оживленны,

Но ныне своего защитника, отца

Навек уже, навек, к несчастью, лишены <...>
Возри! стремится вся те очи лобызать,
Которы с кротостью к несчастливым взирали,
И те уста, что суд и милость изливать
К отраде бедности гонимой поспешали [4, 81].

Наибольшую печаль по поводу смерти В. М. Долгорукого испытывают те, кому когда-то он помогал в несчастье, кого спасал от бедности. Наряду с печалью здесь отражается и круг добродетелей, которыми был наделен объект всеобщих стенаний. Это действенный отклик равнодушного государственного деятеля на беды и несчастья нуждающихся, готовность оказать необходимую помощь. В анализируемом фрагменте стихотворения обнаруживаются параллели со «Словом о Законе и Благодати» митрополита Илариона, в котором автор обращается с призывом к умершему князю Владимиру встать из гроба и посмотреть на Русь, обретшую благоденствие в христианстве: «Встань, о честная глава, из гроба твоего! Встань, отряси сон! <...> Посмотри же и на град <твой>, величим сияющий, посмотри на церкви процветающие, посмотри на христианство возрастающее, посмотри на град, иконами святых блистающий...» [13]. Но если писатель древней эпохи с оптимизмом взирает на христианскую Русь, то Е. И. Костров сосредоточивает внимание на теме скорби и несчастий тех, кто лишился покровительства и помощи ушедшего из жизни градоначальника.

В финале стихотворения, созданного на смерть В. М. Долгорукого, присутствует мысль о бессмертии безвременно ушедшего из жизни добродетельного чиновника. Бессмертие достигается истинным признанием заслуг достойного государственного деятеля современниками:

Тобой возвышенны трофеи на полях
Разрушит, может быть, и время быстротечно,
Щедроты же твои во радостных сердцах
Пребудут навсегда, не истребятся вечно [4, 81].

Анализ стихотворения показывает, что траурная элегия «На кончину... князя Василия Михайловича Долгорукого-Крымского» воспроизводит основные содержательные и художественные элементы древнерусских житийных плачей, синтезирующих традиции ораторской прозы, призванной прославить объект воспевания, утвердить духовную силу и вечную ценность тех добродетелей, которыми обладал герой, и причитаний, гиперболизирующих всеобщую печаль и нагнетающих соответствующие эмоционально-экспрессивные элементы.

Наряду с передачей характерной для классицизма абстрактной «коллективной» эмоцией, отражающей «ритуальное переживание» [11], в «Стихах на кончину князя Василия Михайловича Долгорукого-Крымского» мы можем увидеть и индивидуальное лирическое начало: в изображении рыданий потерявших своего защитника вдов и сирот, бедных и гонимых, слышится и плач самого лирического героя. Мы знаем, что Е. И. Костров сам вышел из беднейших социальных слоев и на собственном опыте испытал, как важна для таких, как он, помощь равнодушных людей, наделенных богатством и властью.

В том же 1782 году, 1 октября, в «Московских ведомостях» появляется еще одна «траурная» элегия Е. И. Кострова – «Стихи на кончину его сиятельства князя Василия Владимировича Долгорукого». Здесь, как и в предыдущем случае, на первый план выходят две темы: похвала покинувшему земную юдоль защитнику гонимых и несчастных и изображение всеобщей печали, уныния, слез тех, кто остался без защиты покровителя.

Согласно христианскому учению, душа, покинувшая земное бытие, не умирает, и эта мысль является сквозной в древнерусских текстах и в последующей русской поэзии, звучит она и в стихах-некрологах Е. И. Кострова. Именно «глубокая осмысленная вера в бессмертие души, надежда и упование на милость Божию кающимся грешникам и блаженную жизнь за гробом» является, как отмечает Н. П. Саблина, является главным ментальным состоянием русского народа со времени принятия крещения, это характерная черта Православия, один из ведущих его догматов [12, 111]. В «Стихах на кончину князя Василия Михайловича Долгорукого-Крымского» Е. И. Кострова также упоминается, как и в предыдущей элегии, о мире Вечности, куда переселился герой:

Дражайший князь! Прости! Оставил землю ты,
Оставил суетны и тщетныя мечты,
Грядешь на небеса, чтоб в лике лучезарных,
Любовью ко Творцу горящих, благодарных,
Взирать на Вышняго и невечерний свет,
Где горестей уже и мрачной ночи нет [7, 631].

Обращается автор с призывом к умершему взглянуть на мир, который он покинул, услышать рыдания и жалобы тех, кого «единым взором ты напасти прекращал, слезами токи слез несчастным осушал» [7, 631]. Сострадание, равнодушие здесь также оказывается высшим мерилом достоинств человека, удостоившегося высшей награды на Небесах.

Таким образом, как и в древнерусских плачах, завершающих житийные произведения, в «траурных» произведениях Е. И. Кострова 1782 года ведущими оказываются две темы: восхваление добродетельных качеств героя и изображение всеобщего плача оставшихся без его покровительства людей. В элегических стихах, написанных на смерть отличившихся своими благими делами современников, лирический герой Е. И. Кострова оплакивает умерших, сетуя на то, что путь их, усеянный добродетельными деяниями, прерван. Наряду с этим возникает и обязательный для агиографии мотив: утверждение бессмертия души, удостоившейся Божественного вознаграждения за свои добродетели.

Более поздние «траурные» произведения Е. И. Кострова 1790-х годов уже менее связаны с традициями древнерусских житийных текстов. На первый план в «Стихах на кончину Петра Васильевича Хитрова» выдвигаются философские мотивы, связанные с размышлениями лирического героя о кратковременности земной жизни, исполненной страстей и суеты, которой противопоставлен мир вечности. В этом произведении слышатся отголоски траурной оды Г. Р. Державина «На смерть князя Мещерского», раскрывающей антиномии противоречивого земного бытия, вмещающего жизнь и смерть, радость и печаль:

Средь пиршеств радостных, средь дружеских бесед
Музыки сладостью, забывши всё, пленяюсь;
Но вдруг печальный глас о смерти весть дает;
Я, содрогаясь, в унынье погружаюсь [3, 180].

Смерть становится событием, заставляющим задуматься о скоротечности человеческой жизни, о времени, неумолимо приближающем человека к смерти. Сравним эти строки с фрагментом из стихотворения Г. Р. Державина: «Утехи, радость и любовь / Где купно с здравием блистали, / У всех там цепенеет кровь / И дух мятется от печали. <...> Где пиршеств раздавались лики, / Надгробные там воют клики» [2, 86].

Выдвинув, подобно Г. Р. Державину, на первый план антиномичные вопросы быстротечности жизни и неотвратимости смерти, которые актуализируют трагическое мироощущение мгновенности человеческой земной жизни, Е. И. Костров в дальнейшем, как и в произведениях «на смерть» начала 1780-х годов, показывает печаль, скорбь, «стениящие сердца», актуализируя тему плача. Но в данном произведении плач уже не занимает такого существенного места, в основном поэт сосредоточивается на перечислении заслуг покинувшего земной мир Петра Васильевича

Хитрова. Как и в древнерусских житиях, здесь перечисляются самые различные добродетели героя, чуждого лести, охраняющего законы, всегда стоящего на стороне совести, оказывающего помощь вдовам и сиротам, являющегося «прибежищем гонимому от сильных», способного «сострадать страдающим сердцам», душа которого «в тени притворства не скрывалась» и «совесть правая в чертах лица являлась» [3, 181]. Все эти добродетели, по мысли автора, совмещаются в двух емких характеристиках: «Был верный церкви сын, был добрый человек» [3, 180].

Как и следует согласно агиографической традиции и христианскому сознанию в целом, добродетельное земное бытие вознаграждается Вечным блаженством, и ушедший из земного мира «верный церкви сын» и «добрый человек» достиг бессмертия:

Достиг пристанища ты в кроткой ладие
И вечности с холмов житейско видишь море;
Твое превыше туч в спокойстве бытие;
А мы в волнах сует и со страстями в споре! [3, 181].

Последним из анализируемой серии стихотворений является созданное в мае 1796 года произведение «Стихи на кончину его сиятельства графа Федора Григорьевича Орлова». Оно написано в последний год жизни поэта, и в нем мы можем увидеть иные акценты. Тема вечности, принимающей в свое лоно душу достойного человека, оказывается в этой элегии преобладающей, за счет чего создается умиротворенное настроение, ведь покинувший земной мир граф переселяется в «селенья» «вечнаго и праведна Царя» [6, 2]. В то же время мотив плача тех, кто лишился в земной жизни «радостей и счастья» в связи со смертью графа, остается: «Лишились мы – кого? плененны кем сердца, / Лишились радостей и счастья творца, / Мне ль капли исчислить тех добродушных слез, / Которыя о нем восходят до небес!» [6, 2–3] Наиболее значимым качеством ушедшего из жизни графа названа скромность, противопоставленная гордости и пышности: «Во знак, чтоб гордости своей всю никто не множил, / Граф скромностью своей всю гордость уничтожил, / Всю пышность, как Зенон, он гордо презирал, / Что льстило всем, того он строго избегал» [6, 3]. В финале Е. И. Костров повторяет характерный для древнерусских текстов об усопших прием, использованный в стихотворении 1782 года «На кончину... князя Василия Михайловича Долгорукого-Крымского», призывая умершего взглянуть на земной мир («Простри свой взор с небес», «Воззри на россов ты, на братьев ты воззри...») [6, 3]) и увидеть слезы и печаль соотечественников.

Заключение. Таким образом, можно отметить некоторую эволюцию «траурной» лирики Е. И. Кострова. В начале 1780-х годов поэт отразил в своих произведениях усвоенные им в духовной семинарии традиции плачей из древнерусской агиографии, откликавшейся на смерть досточтимых святых. Ведущими эмоциями в этих «траурных» элегиях становятся горечь и «стенания», а также восхищение добродетелями ушедшего из земного бытия оплакиваемого героя стихотворения. В более поздний период, в начале 1790-х годов, творчество Е. И. Кострова насыщается философскими мотивами мгновенности человеческого земного бытия и неотвратимости смерти. Земной мир предстает как воплощение «сует» и страстей. В последний год жизни поэт сосредоточивает внимание на теме вечности, успокоения умершего в царстве правды. Но и в стихах 1790-х годов плачи остаются, подчеркивая настроение скорби, связанной с потерей человека, отличающегося добродетельными качествами. Во всех произведениях присутствует утверждение таких вечных ценностей, как милосердие, сострадание чужому горю, помощь нуждающимся, честность и пребывание в ладу со своей совестью, скромность. Эти добродетели, по мысли православного поэта, вознаграждаются в ином мире, души умерших обретают покой на Небесах, где нет ни горестей, ни мрачной ночи.

Список источников

1. Бронников К. Г. Поэт осмнадцатого столетия. Творческий путь Е. И. Кострова. Москва: Прометей, 1997. 80 с.
2. Державин Г.Р. На смерть князя Мещерского // Державин Г. Р. Стихотворения. Ленинград: Советский писатель, 1957. С. 85–87. (Библиотека поэта; Большая серия).
3. Костров Е. И. Стихи на кончину его превосходительства тайного советника, сенатора и ордена св. Анны кавалера Петра Васильевича Хитрова, последовавшую апреля 17 дня 1793 году // Поэты XVIII века. В 2 т. Т. 2. Ленинград: Сов. писатель, Ленинградское отделение, 1972. С. 112–190.
4. Костров Е. И. Стихи на кончину великого Патриота, Героя, Градоначальника и любезнейшего всем согражданина Его Сиятельства князя Василия Михайловича Долгорукого-Крымского // Московские ведомости. 1782. № 11. 5 февраля. С. 81.
5. Костров Е. И. Стихи на кончину его превосходительства, тайного советника, сенатора Петра Васильевича Хитрова, последовавшую апреля 17 дня, 1793 года. Москва: Унив. тип., у В. Огорокова. 1793. 4 с.

6. Костров Е. И. Стихи на кончину его сиятельства графа Федора Григорьевича Орлова, двора ея императорского величества действительного камергера и разных орденов кавалера, 1796 года, мая 17 дня. Москва: Унив. тип., у Хр. Ридигера и Хр. Клаудия, 1796. 4 с.

7. Костров Е. И. Стихи на кончину его сиятельства князя Василия Владимировича Долгорукого // Московские ведомости. 1782. № 79. 1 октября. С. 631–632.

8. Ларкович Д. В. Г. Р. Державин и художественная культура его времени: формирование индивидуального авторского сознания. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2011. 344 с.

9. Лихачев Д. С. Экспрессивно-эмоциональный стиль конца XIV–XV в. // Лихачев Д. С. Человек в литературе Древней Руси [Электронный ресурс]. URL: <http://drevne-rus-lit.niv.ru/drevne-rus-lit/lihachev-chelovek-v-literature/ekspressivno-emocionalnyj-stil.htm> (дата обращения: 03.07.2023).

10. Маслова А. Г. Творчество Е. И. Кострова в контексте русской поэзии XVIII века. Киров: ООО «Издательство «Радуга-ПРЕСС», 2019. 182 с.

11. Погосян Е. А. Восторг русской оды и решение темы поэта в русском панегирике 1730–1762 гг.: дис. ... д-ра философии по русской литературе. Тарту, 1997. 159 с. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ruthenia.ru/document/534639.html#p.6> (дата обращения: 17.03.2018).

12. Саблина Н. П. «Жизнь жительствоует»: тема смерти и бессмертия у русских поэтов // Проблемы исторической поэтики. 2005. Вып. 7. С. 111–124.

13. Слово о Законе и Благодати митрополита Илариона [A word about the Law and Grace of Metropolitan Hilarion] [Электронный ресурс]. URL: <http://drevne-rus-lit.niv.ru/drevne-rus-lit/text/slovo-o-zakone-i-blagodati/slovo-o-zakone-i-blagodati.htm> (дата обращения: 03.07.2023).

REFERENCES

1. Bronnikov K. G. Poet os'mnadcatogo stoletiya. Tvorcheskij put' E. I. Kostrova [Poet of the eighteenth century. The creative path of E. I. Kostrov]. Moscow: Prometej, 1997. 80 p. (In Russ.)

2. Derzhavin G. R. Na smer' knyazya Meshcherskogo [To the death of Prince Meshchersky] // Derzhavin G. R. Stihotvoreniya [Poems]. Leningrad: Sovetskij pisatel', 1957. P. 85–87. (Biblioteka poeta; Bol'shaya seriya). (In Russ.)

3. Kostrov E. I. Stihi na konchinu ego prevoshoditel'stva tajnogo sovetnika, senatora i ordena sv. Anny kavalera Petra Vasil'evicha Hitrova, posledovavshuju aprelja 17 dnja 1793 godu // Poety XVIII veka [Poets of

the XVIII century]. V 2 t. T. 2. Leningrad: Sov. pisatel', Leningradskoe otdelenie, 1972. P. 112–190. (In Russ.)

4. Kostrov E. I. Stihi na konchinu velikogo Patriota, Geroya, Gradonachal'nika i lyubeznejshogo vsem sograzhdanina Ego Siyatel'stva knyazyza Vasiliya Mihajlovicha Dolgorukogo-Krymskogo [Poems on the death of the great Patriot, Hero, Moscow mayor and most amiable fellow citizen of His Excellency Prince Vasily Mikhailovich Dolgoruky-Crimean] // *Moskovskie vedomosti* [Moscow Vedomosti]. 1782. № 11. 5 fevralya. P. 81. (In Russ.)

5. Kostrov E. I. Stihi na konchinu ego prevoskhoditel'stva, tajnogo sovetnika, senatora Petra Vasil'evicha Hitrova, posledovavshuyu aprelya 17 dnya, 1793 goda [Poems on the death of His Excellency, Privy Councilor, Senator Pyotr Vasilyevich Khitrov, following April 17, 1793]. Moscow: Univ. tip., u V. Okorokova. 1793. 4 p. (In Russ.)

6. Kostrov E. I. Stihi na konchinu ego siyatel'stva grafa Fedora Grigor'evicha Orlova, dvora eya imperatorskogo velichestva dejstvitel'nago kamergera i raznyh ordenov kavatera, 1796 goda, maya 17 dnya [Poems on the death of His Excellency Count Fyodor Grigoryevich Orlov, the court of her Imperial Majesty the real Chamberlain and various orders of the knight, 1796, May 17]. Moscow: Univ. tip., u Hr. Ridigera i Hr. Klaudiyaya, 1796. 4 p. (In Russ.)

7. Kostrov E. I. Stihi na konchinu ego siyatel'stva knyazyza Vasiliya Vladimirovicha Dolgorukogo [Poems on the death of His Excellency Prince Vasily Vladimirovich Dolgoruky] // *Moskovskie vedomosti* [Moscow Vedomosti]. 1782. № 79. 1 oktyabrya. P. 631–632. (In Russ.)

8. Larkovich D. V. G. R. Derzhavin i hudozhestvennaya kul'tura ego vremeni: formirovanie individual'nogo avtorskogo soznaniya [G. R. Derzhavin and the artistic culture of his time: the formation of an individual author's consciousness]. Ekaterinburg: Izd-vo Ural. un-ta, 2011. 344 p. (In Russ.)

1. 9. Lihachev D. S. Ekspressivno-emocional'nyj stil' konca XIV–XV v. [Expressive and emotional style of the late XIV–XV centuries] // Lihachev D. S. *Chelovek v literature Drevnej Rusi* [Man in the literature of Ancient Russia]. URL: <http://drevne-rus-lit.niv.ru/drevne-rus-lit/lihachev-chelovek-v-literature/ekspressivno-emocionalnyj-stil.htm> (data accessed 03.07.2023) (In Russ.)

10. Maslova A. G. *Tvorchestvo E.I. Kostrova v kontekste russkoj poezii XVIII veka* [E. I. Kostrov's creativity in the context of Russian poetry of the XVIII century]. Kirov: OOO «Izdatel'stvo «Raduga-PRESS», 2019. 182 p. (In Russ.)

11. Pogosyan E. A. Vostorg russkoj ody i reshenie temy poeta v russkom panegirike 1730–1762 gg. [The Delight of the Russian Ode and the solution of the poet's theme in the Russian panegyric of 1730–1762]: dis. ... d-ra filosofii po russkoj literature. Tartu, 1997. 159 s. URL: <http://www.ruthenia.ru/document/534639.html#p.6> (accessed 17.03.2018) (In Russ.)

12. Sablina N. P. «ZHizn' zhitel'stvuet»: tema smerti i bessmertiya u russkih poetov [«Life lives on»: the theme of death and immortality among Russian poets] // Problemy istoricheskoy poetiki [The Problems of Historical Poetics]. 2005. Vyp. 7. P. 111–124. (In Russ.)

13. Slovo o Zakone i Blagodati mitropolita Ilariona. URL: <http://drevne-rus-lit.niv.ru/drevne-rus-lit/text/slovo-o-zakone-i-blagodati/slovo-o-zakone-i-blagodati.htm> (accessed 03.07.2023) (In Russ.)

HAGIOGRAPHIC TRADITIONS IN E. I. KOSTROV'S
«MOURNING» LYRICS

Anna G. Maslova

Doctor of Sciences (Philology), Associate Professor, Professor
of Department of Russian and Foreign Literature and Teaching Methods,
Vyatka State University
(Kirov, Russia)

Abstract

The article examines the relationship of E.I. Kostrov's works, written on the death of prominent statesmen, with the hagiographic genre of Ancient Russia. For the first time it introduces into scientific use texts published in the XVIII century and not reprinted later: «Poems on the death of the Moscow mayor Prince Vasily Mikhailovich Dolgoruky-Crimean» (1782), «Poems on the death of Prince Vasily Vladimirovich Dolgoruky» (1782), «Poems on the death of His Excellency Count Fyodor Grigoryevich Orlov» (1796). The article also analyzes «Poems on the death of Senator Pyotr Vasilyevich Khitrov» (1793), included in the collection «Poets of the XVIII century» (1972). The study uses a comparative typological method. It establishes the continuity between the lamentations and rhetorical techniques in the works of Ancient Russia, mourning and glorifying the deceased saint, and the «mourning» elegies of E.I. Kostrov. The leading emotional themes in Old Russian hagiography and Kostrov's works are sorrow and admiration. The connection with the emotionally expressive style of ancient Russian literature is most clearly revealed in earlier mourning elegies. They give vivid emotional pictures of universal groaning, intensify the atmosphere of grief. Lamentations are also present in later works, but other themes prevail: philosophical arguments about life

and death and the depiction of the virtues and merits of the deceased. In all texts the cross-cutting motive is transmigration of the soul of the deceased into the space of Eternity which is associated with the Russian Orthodox mentality. The theme of faith in the peaceful life of the soul in Divine Villages turns out to be the leading one in the elegy written in the last year of E.I. Kostrov's life. The main idea of all the works is to affirm the virtue and immortality of those who led a righteous life on earth.

Keywords: Russian poetry of the XVIII century, old Russian hagiography, mourning elegy, hagiographic lament, axiology of literature

Для цитирования: Маслова А. Г. Житийные традиции в «траурной» лирике Е. И. Кострова // Libri Magistri. 2023. № 4 (26). С. 11–23.

Поступила в редакцию 01.08.2023

РАЗДЕЛ II. ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ТЕКСТА: ТРАДИЦИИ, ТИПЫ, КОНКРЕТНЫЕ РАЗБОРЫ

ББК 83.3(2)
УДК 821.161.1

С. Н. Черепанова²
ORCID: 0000-0002-9846-4000
университета им. свв. Кирилла и Мефодия в Трнаве
Nám. J. Herdu 2, 917 00, Trnava, Slovak Republic
Svetlanancherepanova@gmail.com

ДЕЛУ ВРЕМЯ – ПОТЕХЕ ЧАС: ПЕРЕОСМЫСЛЕНИЕ А. П. ЧЕХОВЫМ УСАДЕБНОГО ДОСУГА

В статье внимание автора сосредоточено на анализе усадебного времяпрепровождения в ранних произведениях А. П. Чехова («Цветы запоздалые», «Добродетельный кабатчик», «Безнадежный»). Усадебный досуг в предшествующей Чехову литературе представлял собой философские беседы, увлечение музыкой и чтением, различного рода развлечения. Времяпрепровождение определялось личностью владельца усадьбы. Чехов, опираясь на традиции изображения усадебного досуга предшествующей литературы, пародийно переосмысляет их. Сцена чаепития в «Цветках запоздалых» лишена философских размышлений и идеологических споров. Более того, такого рода беседы здесь невозможны, следовательно, невозможно и сближение главных героев. Комический эффект создается при помощи семантического сдвига. В «Добродетельном кабатчике» читатель сталкивается с подменой роли слуги и помещика. Чехов пародийно обыгрывает стереотип о «всепрощающем народе». В рассказе «Безнадежный» представлено несколько вариантов времяпрепровождения барина. Если в предшествующей литературе любование природой, игра в шашки или в винт, обращение к альбому – это способ вести диалог, размышлять, обращаться к прошлому, то для чеховского героя – это всего лишь способ скоротать время. На основе анализа вышеуказанных произведений автор приходит

² Черепанова Светлана Николаевна, аспирант, университета свв. Кирилла и Мефодия в Трнаве, философский факультет, кафедра русистики, г. Трнава, Словацкая Республика.

к выводу о том, что Чехов, разрушая ставшее стереотипным усадебное времяпрепровождение дворян, показывает утрату усадебной культуры.

Ключевые слова: А. П. Чехов, пародия, усадьба, усадебное времяпрепровождение, «Цветы запоздалые», «Добродетельный кабатчик», «Безнадежный»

Введение. Исследователи усадебной культуры отмечают в качестве характерной особенности мира усадьбы умеренную, замкнутую жизнь, которая определяется «предпочтениями их владельцев» [5]. Безусловно, личность владельца усадьбы влияла на выбор досуга: охота, рыбалка, карточные вечера, балы, катания на лодках, театральные вечера, занятия наукой, сельскохозяйственные увлечения и т. д. В. Г. Щукин, рассуждая об особенностях времяпрепровождения в усадьбе, отмечает цикличность усадебных процессов, их поступательность и неотвратимость. По мнению литературоведа, усадебному миру присущ элемент игры, театральности: «Каждый вступающий в мир усадьбы, <...> должен быть готов к переменам и перевоплощениям, должен играть ту роль, которая предназначена ему декорациями усадьбы, зовущими к любованию природой и искусством» [15, 229–230]. Театральность усадебной жизни связана с эмоциональной составляющей: эмоциональная значимость усадебного ландшафта усиливается напряженной работой человеческой души, внутреннего, духовного мира обитателей усадеб.

В данной работе мы сосредоточим внимание на анализе усадебного времяпрепровождения в чеховских рассказах («Цветы запоздалые», «Добродетельный кабатчик», «Безнадежный»), сопоставив с усадебным досугом предшествующей литературы. В дочеховской литературе времяпрепровождение в усадебном пространстве предполагало философские разговоры, беседы о жизни, различного рода откровения.

Основная часть. Обратимся к усадебному времяпрепровождению в повести «Цветы запоздалые» (1882), а точнее, рассмотрим сцену беседы. Традиционно беседы в дворянском доме имеют не только светский характер. За столом также поднимаются вопросы идеологического характера. Таковы сцены из «Рудина», «Отцов и детей», «Накануне», «Дворянского гнезда». Например, за чаепитием в «Рудине» происходит словесный поединок между Пигасовым и Рудиным, в «Отцах и детях» такой идеологический спор возникает между Базаровым и Павлом Петровичем. Также для тургеневских героев характерны разговоры на отвлеченные темы:

о природе, музыке, о её роли в жизни человека. Занятие музыкой или слушание музыки усиливает остроту чувств у героев дочеховской литературы, помогает выразить внутреннее состояние. Такова, например, сцена объяснения в любви в «Обломове» И. А. Гончарова. В пении Ольги отразилась вся страсть жизни: «Боже мой, что слышалось в этом пении! Надежды, неясная боязнь гроз, самые грозы, порывы счастья – все звучало, не в песне, а в ее голосе. <...> Щеки и уши рдели у неё от волнения; иногда на свежем лице ее вдруг сверкала игра сердечных молний, вспыхивал луч такой зрелой страсти, как будто она сердцем переживала далекую будущую пору жизни, и вдруг, опять потухал этот мгновенный луч, опять голос звучал свежо и серебристо» [2, 208]. Музыка проявила искренние чувства: «Ольга поняла, что у него слово вырвалось, что он не властен в нем и что оно – истина» [2, 209].

В повести Чехова нет места беседам, которые бы наводили на размышления, касались бы высоких нравственных материй. Рассмотрим сцену домашнего чаепития, в частности сцену игры на фортепиано. Чеховское чаепитие проходит безмолвно: «наступило молчание – жуткое, противное, во время которого почему-то чувствуется ужасно неловкое положение и желание сконфузиться. <...> Тишина воцарилась гробовая, изредка нарушаемая глотательными звуками. Топорков глотал очень громко. Он, видимо, не стеснялся и пил, как хотел. Глотая, он издавал звуки, очень похожие на звук “глы”. Глоток, казалось, изо рта падал в какую-то пропасть и там шлепался обо что-то большое, гладкое. Тихину нарушал изредка и Никифор; он то и дело чамкал губами и жевал, точно на вкус пробовал доктора-гостя» [15, 405]. Такое грубое поведение, не отличающееся изысканными манерами, кажется совершенно неуместным при светской беседе. Примечательно, что только слуга (именно старый слуга Никифор еще пытается сохранить дворянский уклад жизни в семье Приклонских) и доктор Топорков (тот, кто приходит на смену дворянину³) позволяют себе «громкие звуки» за столом.

Как бы герои ни хотели поддержать разговор, беседы не получалось. Не спасает положение и игра на рояле. У Тургенева музыка располагает к душевному разговору, к сближению героев, раскрывает их внутренние переживания: «Давно Лаврецкий не слышал ничего подобного: сладкая, страстная мелодия с первого звука охватывала сердце; она вся сияла, вся томила вдохновением,

³ Подробнее о переосмыслении тургеневской традиции Чеховым см. в статье С. Н. Черепановой [12].

счастьем, красотой, она росла и таяла; она касалась всего, что есть на земле дорогого, тайного, святого; она дышала бессмертной грустью и уходила умирать в небеса. Лаврецкий выпрямился и стоял, похолоделый и бледный от восторга. Эти звуки так и впивались в его душу, только что потрясенную счастьем любви; они сами пылали любовью» [7, 106], – музыка в данном эпизоде передает душевное состояние Лаврецкого после любовного объяснения с Лизой. В «Рудине» музыка и природа располагают к воспоминаниям, душевной беседе и сближению героев: «Эта музыка и эта ночь, – заговорил он, – напомнили мне мое студенческое время в Германии: наши сходки, наши серенады...» [11, 229]. Музыка помогает Наталье Ласунской и Берсеневу погрузиться в свои размышления: «Сидя, полуодетая, перед своим маленьким фортепьяно, она то брала аккорды, едва слышные, чтобы не разбудить m-lle Vonscourt, то прикинула лбом к холодным клавишам и долго оставалась неподвижной. Она всё думала – не о самом Рудине, но о каком-нибудь слове, им сказанном, и погружалась вся в свою думу» [11, 262]; «Как все русские дворяне, он в молодости учился музыке и, как почти все русские дворяне, играл очень плохо; но он страстно любил музыку. Собственно говоря, он любил в ней не искусство, не формы, в которых она выражается (симфонии и сонаты, даже оперы наводили на него уныние), а ее стихию: любил те смутные и сладкие, беспредметные и всеобъемлющие ощущения, которые возбуждаются в душе сочетанием и переливами звуков. Более часа не отходил он от фортепьяно, много раз повторяя одни и те же аккорды, неловко отыскивая новые, останавливаясь и замирая на уменьшенных септимах. Сердце в нем ныло, и глаза не однажды наполнялись слезами» [7, 181].

Чехов в «Цветах запоздалых» комически обыгрывает сцену чаепития и игры на рояле, используя семантический сдвиг. Пока Топорков пьет чай, Маруся, желая отблагодарить доктора за ученую лекцию, садится играть Шопена. В момент проигрышания «лучшего места в вальсе», героиня обращается к Топоркову: «Я влюблена в это место». Далее следует ответ: «Благодарю. Больше не хочу» [15, 407]. Эту фразу одинаково можно отнести как к Марусиной игре на рояле, так и к чаю. Топорков оказывается глух к восприятию игры девушки, сама же героиня играет для того, чтобы проверить, какое впечатление она произвела на Топоркова. В повести Чехова, в отличие от тургеневских произведений, философские разговоры за столом оказываются невозможными.

Необходимо отметить, что в отношениях слуги Никифора и его господ существует перевертыш: слуга пытается сохранить дворянский уклад жизни в отличие от представителей дворянства. Князь Егорушка пропивает свое наследие, приводит в дом содержанку; княгиня Приклонская живет в долг, теперь ее положение зависит от бывших крепостных; княжна Маруся пытается жить по прежнему укладу, но в изменяющемся мире это оказывается невозможным.

Такой же перевертыш наблюдается и в чеховском рассказе «Добродетельный кабатчик» (1883). Примечателен подзаголовок «плач оскудевшего». Как мы узнаем из примечаний к рассказу, слово «оскудевший» отсылает читателя к очеркам Сергея Атавы (Терпигорева) «Оскудение». В очерках автор поднимает тему оскудения дворянской культуры, именно крепостное право, по мысли автора, приводит к растлению не только дворянского сословия, но и крестьянского. Под оскудением понимается как материальное разорение, так и морально-нравственная, культурная деградация дворянского класса, его вырождение. Плач – традиционно жанр народно-бытовой поэзии, связанный с трагическим событием, с потерей кого-либо или чего-либо. Жанровое название в подзаголовке произведения наталкивает нас на мысль о совокупном, собирательном образе оскудевшего дворянина, что уже на уровне подзаголовка вносит комический эффект. Итак, в чеховском произведении «плач оскудевшего» – это плач помещиков (поскольку образ собирательный) в пореформенное время о былом родовом поместье.

Барин, от лица которого ведется повествование, вспоминает былые изобильные времена до отмены крепостного права. Примечательно, что в сферу ценностей барина входит лишь материальное благополучие и развлечения: «Можно было и в первом ряду посидеть, и в картишки поиграть, и содержаночкой похвастать» [14, 193]. Все меняется после отмены крепостного права: «На душе кошки скребли, реветь хотелось» [14, 193]. На помощь барину приходит Ефим Цуциков, кабатчик, бывший крепостной. В этот момент герои меняются местами. Помещик оказывается не в состоянии управлять своим имением, выполнять свои прямые обязанности. Бывший крепостной, наоборот, проявляет деловую хватку, на свои сбережения поправляет усадьбу. Смешным оказывается то, что Ефим, по сути, делает то же самое, что и во времена, когда был крепостным: угощает барина водкой, занимается благоустройством хозяйства, дает в займы: «Я дам... Всё одно, отдадите. Не в первый раз берете-то...» [14, 193]. Барин в этом видит благородство и великодушие мужика. Здесь мы замечаем, как сквозь восприятие

«оскудевшего» пародийно обыгрывается стереотип о «всепрощающем народе». Но и здесь читатель сталкивается с разоблачением стереотипа: бывший крепостной ведет себя с бариним точно так же, как и при крепостном праве, но при этом оказывается прекрасным дельцом, со сноровкой и хитростью, поэтому смог стать кабатчиком, а позже и хозяином родовой усадьбы. Объединяют помещика и слугу материальные ценности, только воспринимаются они по-разному.

В рассказе повторяется фраза «сижу теперь, тоскую и мудрствую», она закольцовывает произведение. Однако это предложение претерпевает небольшое, но, на наш взгляд, существенное изменение: единственное отличие начальной и финальной фразы состоит в том, что в итоговом предложении опускается глагол «тоскую». Напомним, что в состоянии тоски началось у барина тогда, когда в усадьбе не осталось былого благополучия (после отмены крепостного права). А после помощи бывшего крепостного, все, что осталось помещику – «мудрствовать», потому что тосковать уже не по чему, родовое поместье упущено.

В рассказе «Безнадежный» (1885) Чехов показывает ещё несколько вариантов времяпрепровождения барина, уже устоявшихся в литературе: любование природой, игра (в шашки, в винт и т. п.), обращение к альбому как к воспоминаниям, чтение.

Вспомним распорядок дня, которого придерживалась у себя в доме Одинцова: «Всё в течение дня совершалось в известную пору. Утром, ровно в восемь часов, всё общество собиралось к чаю; от чая до завтрака всякий делал что хотел, сама хозяйка занималась с приказчиком (имение было на оброке), с дворецким, с главною ключницей. Перед обедом общество опять сходилось для беседы или для чтения; вечер посвящался прогулке, картам, музыке; в половине одиннадцатого Анна Сергеевна уходила к себе в комнату, отдавала приказания на следующий день и ложилась спать» [10, 85].

Все эти виды деятельности для литературных героев дочеховской литературы не просто развлечение, но и способ вести диалог, размышлять, решать исключительно важные вопросы, получать откровения. Даже простое смотрение в окно, например, для тургеневских героев, – это время рефлексии: «Между тем Елена вернулась в свою комнату, села перед открытым окном и оперлась головой на руки. Проводить каждый вечер около четверти часа у окна своей комнаты вошло у ней в привычку. Она беседовала сама с собою в это время, отдавала себе отчет в протекшем дне» [8, 182] или «Он (Нежданов – С. Ч.) продолжал стоять перед окном – и думал, грустно и тяжело думал о предстоявшей ему поездке, об этом новом,

С. Н. Черепанова

неожиданном повороте его судьбы...» [9, 156]. Для чеховского героя такой вид деятельности – всего лишь попытка скоротать время, мечтая оказаться там, где веселье: «Стоял он (Шмахин – С. Ч.) перед окном, глядел на постыльную картину и вспоминал, что под вечер у неперменного члена Ряблова составляется винт, что у Марьи Николаевны в этот день празднуется рождение ее Петечки...». Ни о какой рефлексии, конечно же, здесь речь не идет, такие действия вызваны безысходностью, поскольку Шмахин не может выехать из усадьбы, в которой он «чувствовал себя, как в тюрьме» [13, 219].

От скуки председатель земской управы берет в руки альбом, который пробуждает воспоминания, и, казалось бы, читателя ждет повествование о жене, на карточке которой остановился взор Шмахина, но следующая реплика «тьфу!» не оправдывает читательских ожиданий и тем самым снижает пафос воспоминаний. Несовпадение ожидаемого и происходящего порождает смех. Первое «тьфу!» Шмахина произносит при мысли о том, что «у Ряблова сели уже без него винтить и что у Марьи Николаевны уже сидят за чаем и толкуют про холеру и Герат» [13, 220]. Очевидно, что, разглядывая фотографию жены, Шмахина посещает эта же мысль, но никак не воспоминания о жене.

Игра в шашки – ещё один способ «убить время» для Шмахина. Примечательно, что главный герой не может сосредоточиться на игре, поскольку думает о том, что его соперник ему не ровня.

Для дворянина XIX века чтение составляло неотъемлемую часть жизни, что, безусловно, нашло отражение в русской классической литературе. Книжные пристрастия литературного героя зависели от его предпочтений, характера и способа жизни. Рассмотрим мотив чтения, ставший общим для русской литературы, в нескольких произведениях. Так, пушкинский Евгений Онегин поверхностно был знаком с различными трудами: «Бранил Гомера, Феокрита; / Зато читал Адама Смита» [6, 8], – сфера интересов формировалась вокруг современной ему экономической системы. Однако круг чтения изменился после дуэли с Ленским и объяснением с Татьяной. Внимание Онегина привлекли философские труды французских просветителей:

Прочел он Гиббона, Руссо,
Манзони, Гердера, Шамфора,
Madame de Staël, Биша, Тиссо,
Прочел скептического Беля,
Прочел творенья Фонтенеля,
Прочел из наших кой-кого,
Не отвергая ничего <...> [6, 182–183].

Однако стоит отметить, что чтение Онегина было хаотичным, поверхностным, поскольку мысли его были заняты Татьяной.

Примечательно, что герои романа «Отцы и дети» так или иначе обращаются к поэзии Пушкина: для Николая Петровича такое обращение – способ выразить свои ощущения, свои эмоции, это способ разговора с миром, для Базарова обращение к творчеству Пушкина – протест и отрицание, для Николая Петровича – повод поддержать брата и вступить в словесную схватку с Базаровым. Герои романа много читают, обсуждают, спорят. Чтение в «Отцах и детях» – один из важнейших мотивов романа.

Показателен процесс чтения гончаровского Обломова, поскольку через это действие раскрывается характер Ильи Ильича: «Услышит о каком-нибудь замечательном произведении – у него явится позыв познакомиться с ним; он ищет, просит книги, и если принесут скоро, он примется за нее, у него начнет формироваться идея о предмете; еще шаг – и он овладел бы им, а посмотришь, он уже лежит, глядя апатически в потолок, и книга лежит подле него недочитанная, непонятая» [2, 63].

Итак, процесс чтения, выбор книг, безусловно, влияет на мировоззрение героев, их поступки и действия. В чеховском рассказе Шмахов обращается к чтению исключительно с целью скоротать время, вместо библиотеки читатель видит «этажерку, заваленную книжным хламом» [13, 222], на которой «были всевозможные указатели, путеводители, растрепанный, но не обрезанный еще журнал “Садоводство”, поваренная книга, проповеди, старые журналы...» [13, 222]. Среди этого чтива герой находит выпуск «Современника» с тургеневским «Дворянским гнездом». Кажется, что вот сейчас Шмахова может увлечь популярный роман своего времени: «И его тоскующая душа нашла успокоение в великом писателе» [13, 222], однако, читатель вновь сталкивается с обманутым ожиданием – Шмахов уснул. Вышеприведенная цитата приобретает совершенно иной, комический смысл: книга помогла уснуть, а значит, преодолеть скуку, навалившуюся на барина при мысли о том, что он не может быть там, где веселье.

Интересным представляется название рассказа, поскольку само слово «безнадежный» имеет несколько значений. В этом смысле безнадежным может оказаться положение председателя земской управы Шмахова (безнадежный, потому что оказался в безнадежном положении). «Большой толковый словарь русского языка» фиксирует разговорный вариант употребления этого слова: «Такой, который не сможет исправиться; неисправимый (о человеке)» [1, 67],

т. е. безнадежным оказывается сам Шахов с его желанием веселиться, находиться в кругу «равных себе», но вынужденным оставаться в усадьбе и заниматься «барскими делами» со скуки.

Заключение. Итак, рассмотрев на основе нескольких произведений времяпрепровождение героев дворянского сословия, мы можем сказать, что, во-первых, Чехов меняет местами слуг и господ, показывая несостоятельность последних, во-вторых, веселье, пьянство, забота о материальном благополучии имеет приоритетное положение для дворян, что влечет за собой утрату усадебной культуры, нравственных ориентиров и возникновение нового пространства – усадьбы становятся дачами.

Список источников

1. Большой толковый словарь русского языка (гл. ред. С. А. Кузнецов) Санкт-Петербург: НОРИНТ, 2000. С. 67.
2. Гончаров И. А. Обломов // Гончаров И. А. Собрание сочинений: в 8 т. Т. 4. Москва: Гос. изд-во худож. лит., 1953. С. 5–507.
3. Купцова О. Н., Дмитриева Е. Е. Жизнь усадебного мифа: Утраченный и обретенный рай. 2-ое изд. Москва: ОГИ, 2008. 528 с.
4. Лотман Ю. М. Беседы о русской культуре: Быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX века). Санкт-Петербург: Искусство – СПб, 1994. 399 с.
5. Марасинова Е., Каждан Т. П. Культура русской усадьбы // Очерки русской культуры XIX века. Москва, 1998. [Электронный ресурс]: URL: https://www.booksite.ru/usadba_new/world/16_0_04.htm (дата обращения: 17.04.2023)
6. Пушкин А. С. Евгений Онегин: Роман в стихах // Пушкин А. С. Полное собрание сочинений в 16 т. Москва, Ленинград: Изд-во АН СССР, 1937 – 1959. Т. 6. Евгений Онегин. С. 1–205.
7. Тургенев И. С. Дворянское гнездо // Тургенев И. С. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Москва: Наука. Т. 6. 1981. С. 370–428.
8. Тургенев И. С. Накануне // Тургенев И. С. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Москва: Наука. Т. 6. 1981. С. 159–301.
9. Тургенев И. С. Новь // Тургенев И. С. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Москва: Наука. Т. 9. 1982. С. 133–390.
10. Тургенев И. С. Отцы и дети // Тургенев И. С. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Москва: Наука. Т. 7. 1981. С. 5–191.
11. Тургенев И. С. Рудин // Тургенев И. С. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Москва: Наука. Т. 5. 1980. С. 197–325.

12. Черепанова С. Н. Тургеневская традиция в ранней прозе А. П. Чехова (на примере повести «Цветы запоздалые, 1882») // Сибирский филологический журнал. 2023. № 1. С. 116–128.

13. Чехов А. П. Безнадежный // Тургенев И. С. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Т. 3. Москва: Наука, 1975. С. 219–222.

14. Чехов А. П. Добродетельный кабатчик: (Плач оскудевшего) // Чехов А. П. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Т. 2. Москва: Наука, 1974. С. 193–194.

15. Чехов А. П. Цветы запоздалые // Чехов А. П. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Т. 1. Москва: Наука, 1974. С. 392–431.

16. Щукин В. Г. Миф дворянского гнезда. Геокультурологическое исследование по русской классической литературе // Гений просвещения. Исследования в области мифопоэтики и истории идей. Москва: РОССПЭН, 2007. С. 157–458.

REFERENCES

1. Bol'shoj tolkovyj slovar' russkogo jazyka (gl. red. S. A. Kuznecov). St. Petersburg: NORINT, 2000. Pp. 67. (In Russ.)

2. Goncharov I. A. Oblomov // Goncharov I. A. Sbranie sochinenij: v 8 t. [Collected Works in 8 Volumes]. Moscow: Gos. izd-vo hudozh. lit., Vol. 4. 1953. Pp. 5–507. (In Russ.)

3. Kupcova O. N., Dmitrieva E. E. Zhizn' usadbnogo mifa: Utrachennyj i obretennyj raj [The Life of the Manor Myth: Lost and Found Paradise]. 2-oe izd. Moscow: OGI, 2008. 528 p. (In Russ.)

4. Lotman Ju. M. Besedy o russkoj kul'ture: Byt i tradicii russkogo dvorjanstva (XVIII – nachalo XIX veka). [Conversations on Russian Culture. Russian Noble Traditions and Lifestyle in the Eighteenth and Early Nineteenth Centuries] St. Petersburg: Iskusstvo – SPB, 1994. 399 p. (In Russ.)

5. Marasinova E., Kazhdan T. P. Kul'tura russkoj usad'by // Oчерки russkoj kul'tury XIX veka [Essays on Russian culture of the 19th century]. Moscow, 1998. [Elektronnyj resurs]: URL: https://www.booksite.ru/usadba_new/world/16_0_04.htm (data obrashhenija: 17.04.2023) (In Russ.)

6. Pushkin A. S. Evgenij Onegin: Roman v stihah // Pushkin A. S. Polnoe sobranie sochinenij v 16 t. [Complete Works in 30 Volumes]. Moscow, Leningrad: Izd vo AN SSSR, 1937 – 1959. Vol. 6. Evgenij Onegin. Pp. 1-205. (In Russ.)

7. Turgenev I. S. Dvorjanskoe gnezdo // Turgenev I. S. Polnoe sobranie sochinenij i pisem: v 30 t. [Complete Works in 30 Volumes]. Moscow: Nauka. Vol. 6. 1981. Pp. 370–428. (In Russ.)

8. Turgenev I. S. Nakanune // Turgenev I. S. Polnoe sobranie sochinenij i pisem: v 30 t. [Complete Works in 30 Volumes]. Moscow: Nauka. Vol. 6. 1981. Pp. 159–301. (In Russ.)
9. Turgenev I. S. Nov' // Turgenev I. S. Polnoe sobranie sochinenij i pisem: v 30 t. [Complete Works in 30 Volumes]. Moscow: Nauka. Vol. 9. 1982. Pp. 133–390. (In Russ.)
10. Turgenev I. S. Otcy i deti // Turgenev I. S. Polnoe sobranie sochinenij i pisem: v 30 t. [Complete Works in 30 Volumes]. Moscow: Nauka. Vol. 7. 1981. Pp. 5–191. (In Russ.)
11. Turgenev I. S. Rudin // Turgenev I. S. Polnoe sobranie sochinenij i pisem: v 30 t. [Complete Works in 30 Volumes]. Moscow: Nauka. Vol. 5. 1980. Pp. 197–325. (In Russ.)
12. Cherepanova S. N. Turgenev's tradition in the early prose of A. P. Chekhov (a case study of the story «Late-Blooming Flowers» 1882) // *Siberian Journal of Philology*. 2023. № 1. Pp. 116–128. (In Russ.)
13. Chehov A. P. Beznadezhnyj // Chehov A. P. Polnoe sobranie sochinenij i pisem: v 30 t. [Complete Works in 30 Volumes]. Moscow: Nauka, Vol. 3. 1975. Pp. 219–222. (In Russ.)
14. Chehov A. P. Dobrodetel'nyj kabatchik: (Plach oskudevshego) // Chehov A. P. Polnoe sobranie sochinenij i pisem: v 30 t. [Complete Works in 30 Volumes]. Moscow: Nauka, Vol. 2. 1974. Pp. 193–194. (In Russ.)
15. Chehov A. P. Cvety zapozdalye // Chehov A. P. Polnoe sobranie sochinenij i pisem: v 30 t. [Complete Works in 30 Volumes]. Moscow: Nauka, Vol. 1. 1974. Pp. 392–431. (In Russ.)
16. Shhukin V. G. Mif dvorjanskogo gnezda. Geokul'turologicheskoe issledovanie po russkoj klassicheskoj literature // *Genij prosveshhenija. Issledovanija v oblasti mifopojetiki i istorii idej* [Russian Genius of the Enlightenment. Studies in the Field of Mythopoeics and History of Ideas]. Moscow: ROSSPJeN, 2007. Pp. 157–458. (In Russ.)

BUSINESS FIRST, PLEASURE AFTERWARDS:

A. P. CHEKHOV'S REINTERPRETATION OF MANOR LEISURE

Svetlana N. Cherepanova

Postgraduate student, Faculty of Philosophy, Department of Russian Studies, University of Ss. Cyril and Methodius
(Trnava, Slovak Republic)

Abstract

In the article, the author's attention is focused on the analysis of manor pastime in early works of A. P. Chekhov («Late-Blooming Flowers», «The Virtuous Innkeeper», «Hopeless»). Manor leisure in the literature preceding Chekhov consisted of philosophical

conversations, an interest in music, reading, and variety of other entertainments. Pastime was determined by the personality of the estate owner. Chekhov rethinks parodically the traditions of depicting the manor leisure in previous literature. The teatime scene in «Late-Blooming Flowers» is devoid of philosophical reflections and ideological disputes. Moreover, such conversations are impossible here, therefore the rapprochement of the main characters is also impossible. The comic effect is created with the help of semantic shift. In «The Virtuous Innkeeper» a reader comes across the substitution of a servant and a landowner role. Chekhov plays parodically the stereotype of «forgiving people». The story «Hopeless» presents several kinds of the master's pastime. If in the previous literature admiring nature, playing checkers or a screw, referring to an album is a way to a dialogue, reflection, referring to the past, then for Chekhov's hero it is just a way to pass the time. Based on the analysis of the above-mentioned works, the author concludes that Chekhov shows the loss of manor culture, destroying the stereotyped manor pastime of the nobles.

Keywords: A. P. Chekhov, parody, manor, manor pastime, «Late-Blooming Flowers», «The Virtuous Innkeeper», «Hopeless»

Для цитирования: Черепанова С. Н. Делу время – потехе час: переосмысление А. П. Чеховым усадебного досуга // Libri Magistri. 2023. № 4 (26). С. 24–35.

Поступила в редакцию 14.06.2023

РАЗДЕЛ III. ЛИНГВИСТИКА ТЕКСТА

УДК 81'02

ББК 81.1

Dmitry M. Bystrov¹

the founder of Orthowiki (<http://орфография.орг/>)

and Planned Russian language project

ORCID 0000-0002-9678-5804

independent researcher

Riazan', Russia

dmitry.alonecoder@gmail.com

Mikhail S. Yastrebov-Pestritskiy²

ORCID 0000-0002-6455-0816

Scientific Library of the State Archive

of the Russian Federation (SARF SL)

myp-63@mail.ru

THE LEXICAL CORE OF THE PROTO-INDO-EUROPEAN LANGUAGE: THE COMPLETE SWADESH LIST

Abstract

In this work, the lexical core of Proto-Indo-European is reconstructed using only the words that simultaneously fell into 4 main branches of Indo-European languages (Indo-Iranian, Italo-Celtic, Balto-Slavic, Greek), without violation of satemization and without any additional phonemes (4th laryngeal, Brugmann's "thorn"-clusters, *q). These restrictions minimize the likelihood of peripheral vocabulary and random coincidences getting into the reconstruction. The methodology of such a search for obtaining implied list of concepts is described in details. The resulting Swadesh list of 207 concepts is presented with a link to the work materials. Since, under such strict restrictions, it was still possible to deduce the entire list (complex cases are considered in details), there is a reason to think that it is possible to reconstruct "core PIE"

¹ Дмитрий Михайлович Быстров – основатель информационного сайта «Орфовики» (<http://орфография.орг/>) и проекта «Планный русский язык». Рязань. Россия.

² Михаил Сергеевич Ястребов-Пестрицкий, Научная библиотека Госархива РФ (НБ ГАРФ), 119435, г. Москва, ул. Пироговская Большая; ведущий специалист, кандидат филологических наук; Москва. Россия.

(the direct common ancestor of the listed branches) as a full-fledged language and make its dictionary. Suggestions on the structure and procedure for compiling such a dictionary are given. It was also found that only 59% of the words of the resulting Swadesh list for “core PIE” are reflected in at least one Germanic language – this confirms the assumption that the Germanic branch does not originate from the core PIE, being in fact peripheral. In the process of searching for Balto-Slavic material, we have found a law according to which *s* and *š* are distributed in Lithuanian language (RUKI law operates completely in Proto-Balto-Slavic, including the endings): the suffix *-s* (if it is synchronously detected) is restored as *-s* regardless of the position; the final *-š* > *-s*, entailing the median *-š-* > *-s-* (including the satemic consonant *š* < *č* < *k*). Also noted was **sm-* > Latin *sp-*, Greek *σμ-* (later > *μ-*).

Keywords: etymology, method, proto-Indo-European, Swadesh, Sanskrit, Greek, Latin, Slavic, Lithuanian, RUKI rule.

The purpose of the study

The purpose of the study is to determine the lexical core of the Proto-Indo-European language (hereinafter referred to as PIE), taking into account the following conditions:

– the main condition for the presence of a word (or root) in the lexical core of PIE is its presence in all 4 main branches of Indo-European languages (hereinafter referred to as «quadruple cognates»): Indo-Iranian, Italo-Celtic, Balto-Slavic, Greek. The branches are determined by the number of involved etymologies of [60] (counting by index in the dictionary) and other considerations indicated in [36, 183–200];

– non-standard phonemes are not allowed: laryngeals except three standard ones (to explain, for example, the Greek *ι*), Brugmann’s «thorn»-clusters, **q* [4, 132];

– violations of satemization are not allowed (**g*/**ǵ*, etc. must be clearly separated).

These restrictions minimize the probability of including any random coincidences and words of peripheral vocabularies into the reconstruction of PIE.

At the same time, it is necessary to take into account the quality criteria for the reconstruction of the proto-language as a whole:

– coverage of basic concepts (Swadesh list, etc.);

– coverage of the dictionaries for separate languages (we work with »complete« dictionaries);

– accuracy of deduction (a small percentage of special cases: metatheses, contaminations, etc.).

In this paper, with the listed conditions, the Proto-Indo-European Swadesh list of 207 concepts is reconstructed. It should be noted that even the 100 concepts list has not yet been published with limitations so strict. Since Swadesh list for PIE is needed in any case, we will expand the search area a little – initially we will take all the branches in an expansive sense (and in the end we will evaluate the need for such expansions):

- the Greek branch is taken with Macedonian and Phrygian languages (in the absence of a generally accepted name for such a branch, we propose «Hellenic»). For example, for the concept ‘brother's wife’ in accordance with Skr. giri- (hapax, which might be an incorrect translation instead of ‘mountain’ [44, 115–121]) only the Phrygian gélaros, gállaros is known (not to be mixed with the concept of ‘husband's sister, sister-in-law’, for which there is Greek γᾶλόωζ, and from Indo-Iranian, respecting the satemization, only the Kashmiri zām ‘husband's sister’ is suitable);

- we treat Italic and Celtic as one, and allow to use data from Italo-Celtic languages whose group is not certain (Lepontic, Venetic);

- we allow data from Indo-Iranian languages that are not reliably included in either Indo-Aryan or Iranian group (Nuristani, Dardic);

- we allow dialectal words of Balto-Slavic languages, regardless of their coinage in closely related languages.

Research methodology

To begin with, neither dictionaries nor other sources are complete (therefore we will use the word «complete» in quotation marks) and free from errors. More distant from the primary material means less reliable. The gradation of sources is as follows:

1. The primary material is the oral language. Dialect dictionaries are available for dialects, however, «отсутствие в большинстве диалектных словарей и атласов литературной лексики не позволяет выявить ареалы литературных слов и тем самым определить направление диалектных потоков в истории формирования литературного словаря» [3, 105].

2. Secondary material – texts. Due to the peculiarities of written speech, the syntax and frequency of words are significantly distorted.

3. Explanatory dictionaries. Already at this stage, words of different origins can be combined into one nest (for example, in Dahl's dictionary [7] «плефель» in the nest of «плева» [7, III, 124]). Incorrect interpretations of individual words may appear: for example, «быком пить (to drink as a bull)» – ‘to drink from a large vessel’ instead of ‘пить не отставляя сосуд (drinking without setting aside the vessel)’ in the Deulino Dictionary [25] (which is confirmed by the first example there, and by Dahl's dictionary, and by the personal experience of one of the authors of this article, a Ryazan citizen) or «стрёма» ‘дворник (janitor)’ instead of

'стража, сигнал об опасности (guards, a signal of danger)' in the project of »Dictionary of the Russian language of the XIX century« [10, 183–210]. There may also be insidious misspellings, as in the aforementioned Deulino dictionary – the loss of dots over *ě* in the article «седня» and erroneous phonetic entries with *'e* instead of *'o* in the articles «сегодня», «спонасёрдки», «серёд», «серёдка» (which is easy to see if you compare them with the headings of the articles – that is, these «phonetic records» were compiled post factum according to the spelling records and, apparently, gave rise to the legend of non-jo-speaking dialects in the Ryazan region). A number of other misprints in dictionaries are listed in [2, 18–21]

4. Bilingual dictionaries. At this stage, the words under study may have additional ambiguity, since words in different languages do not accurately correspond to each other. Moreover, dictionaries are incomplete for various reasons: for example, in a two-volume Latvian–Russian dictionary of 53,000 words [47] there is no such basic word as pauts 'egg' (a message from a native speaker: «now only old Latvians call bird eggs that way, the second meaning of «man's testicles (male genital area)» has become more popular» [34]). It should also be taken into account that in the bilingual dictionaries of ancient languages, vowels can have accents, lengths and tones not supported by written sources, without marking the conjecture. Further, this information can be distributed in etymological studies. A separate problem exists in Sanskrit dictionaries, where either a whole word or its stem can be represented, without the indication which is which. In addition, verbs are often given in a personal form, but are translated by an infinitive.

5. Etymological research (for example, on individual words of Slavic languages). At this stage, «lexical phantoms» – reconstructed words can get into scientific circulation (for example, «Old Church Slavonic» *крава* [29, 21], *краль* [31, XI, 86–87]), or correspondences based on a «description of the situation» (such as сидеть 'to sit' ~ ходить 'to walk', because they were supposed to mean «to move while sitting in a cart» [28, IV, 253]), or comparisons of concepts that are close only from the author's point of view (as in [4]: 'shirt' ~ 'to strike' ~ 'a pole to fix the fabric on a loom' [4, I, 112], 'sparse' ~ 'silver' ~ 'rare' ~ 'hole' ~ 'pierced' [4, I, 112], 'food' ~ 'pleasure' ~ 'oak with nutritious acorns' [4, I, 114], 'urine' ~ 'sour' ~ 'raw' [4, I, 172], 'pasture, dwelling' ~ 'curse' [4, I, 180], 'row, line' ~ 'entrance, passage' ~ 'suddenly' [4, I, 180]).

6. Etymological dictionaries (for example: [28]). At this stage, one dictionary can show etymologies that contradict each other (see, for example, the article «дождь (rain)» in Vasmer's dictionary [28, I, 521–522]). In addition, a reader of such dictionaries may perceive an illusion

about the proximity of certain languages to each other (in the case of Vasmer's dictionary, Slavic to Germanic) due to the peculiarities of the researcher's language background.

7. Macrocomparativistic studies. At this stage, random roots from different reconstructions of the previous level can be brought together, and such correspondences can again be based on the «description of the situation» according to the researcher's cultural intuition (for example: [1, 77] root П-39 «*Повивать, родильный, с земли, обрядно* (To nurse, maternity, from the motherland, ceremoniously)»: «the semantic focus here was the primordial ritual of raising a newborn child from the ground (= from the birthbed), which served as an act of recognizing him as similar to his parents and, accordingly, belonging to the genus and tribe»).

8. Macrocomparativistic dictionaries (for example, Altaic). Here, the results of the previous stage are supplemented by correspondences in a wide range of languages, possibly found by end-to-end computer search ignoring the morphology [69, 81].

9. Cultural studies. Additional bold conclusions are drawn here: if the concept did not get into the dictionary, then it did not exist, if it did, then it certainly was (even if it is an obvious derivative), and a general situation (which does not necessarily correspond to reality) is made up of fantastic «descriptions of situations».

10. Teaching. Among other things, there exist the issues of teachers' personal preferences and the peculiarities of their memory.

11. Finally, the most unreliable level is machine translation. In particular, at the time of writing this article, Google Translate website [43] translates non-existent (but etymologically plausible) «Lithuanian» words as follows: *vėninis* as 'marital', *veninis* as 'brother-in-law', and *šėivà* as 'daughter'.

In order to give this study more quality, it is necessary to fulfill the following conditions:

– Whenever possible, involve a «complete» dictionary of the language in question.

– Deliberately avoid materials beyond the 6th level (etymological dictionaries). Etymological dictionaries (and researches) should be used after monolingual and bilingual dictionaries. When using bilingual dictionaries (for example, Greek–Russian [8]), check them with other bilingual dictionaries (for example, Greek–English [49]).

– If possible, do not base reconstructions on reconstructions. At the level of written languages, it is already useful to break and rethink the nests (for example, Lat. *via* 'road' and 'strip on clothes', Rus. *до* 'before' and 'to'), and to even greater extent, this applies to deeper levels.

Therefore, when drawing up intermediate reconstructions (which will certainly be needed – at least Proto-Balto-Slavic and Proto-Indo-Iranian), they should be used only as a hint, and, if necessary, corrected. We need consistency between the reconstructions of PIE and all intermediate levels, but this does not mean subordination of the reconstruction of PIE to the reconstructions of intermediate levels.

– Try to write down the applied phonetic correspondences with lists of reliable examples.

– Instead of quadruple cognates (that are needed), write down a “septet of cognates” (Baltic, Slavic, Italic, Celtic, «Hellenic», Indo-Aryan, other Indo-Iranian). The septets provide additional statistics and a valuable resource: on their basis, in some cases, it is possible to postulate the equality of proto-forms, and through this – postulate rare sound laws, for which there are not enough reliable examples. For example, it cannot be excluded that PIE *ǵo > Lat. ge: Greek γομφίος ‘molar’ (< *ǵomb^h-i-os) ~ Lat. gemma (< *ǵomb^h-n-ā?) ‘gem, pearl’ (Skr. jámbha- ‘tooth’, Pashto žāma ‘jaw’, OCS зѣбѣ ‘tooth’, Lith. žaĩbas ‘blade’, Irish gop ‘beak’ (Gaul. *gobbo- > Old Fr. gobel, gobet ‘bit’) – full septet); Greek γόνυ ‘knee’ ~ Lat. genu (< *ǵonu) ‘knee’ (Skr. jānu ‘knee’, Persian zānu ‘knee’, Pol. zonaczyć ‘to incline’, there are no exact correspondences in Baltic and Celtic, only Lith. žniūgti ‘break’ < *žniugas ‘break, knee?’, Old Irish glin ‘knee’ < Proto-Celtic *gninos); Greek γονεύς ‘ancestor’ ~ Lat. genius (< *ǵoneus?) ‘the spirit of the genus’ (it is important that in Lat. there are no formations with gon- for this root at all; perhaps, here also Skr. jānukā ‘woman giving birth’, with less probability Skr. janu- ‘the soul’ (Brugmann’s law is not reflected: *o>ā in an open syllable), Rus. зоня ‘some byname’); possibly Greek γοάω ‘I groan’ ~ Lat. gemō (< *ǵomom?) ‘I groan’ (Rus. зыда ‘whining’, Slovene zum ‘buzzing’?). Apparently, this does not apply to *ko: Lat. callēre ‘to be or grow hard’ ~ Lit. šáltas ‘cold’.

– When deriving the meanings, the «description of the situation» is never used, but only the «closest common semantic ancestor», from which the meanings in the descendant languages are deduced.

– Try to write down morphological information (even among professional linguists, not many are able to remember about 200 Russian suffixes – see [18]). Knowing the morphology of a language well (and colloquial speech has a relatively free morphology [14, 27, 189]), we can find in it a word with the desired meaning indirectly. If in the reconstruction, instead of suffixes with a known function, some «root expanders» are used, this indicates problems in the reconstruction.

The process for reconstructing a given list of concepts (Swadesh list in our case):

1. Enter a column with the desired list of concepts. Further, while doing some other work, we can add other concepts, but we mark the concepts of Swadesh list separately.

2. Enter the quadruple cognates already found in our previous work [36, 183–200] in separate columns. (Since that publication, we added to words for *g-, *ǵ-, *g^w-, *g^h-, *ǵ^h-, *sg^h-, *sk the words for *u-, *b^h-, *d^h-, collected by the same method – a comparison of “complete” dictionaries.) There should be columns for PIE, Proto-Balto-Slavic, Italic, Celtic, Greek (with other «Hellenic»), Indo-Aryan and Iranian (with other Indo-Iranian languages).

3. In a separate table, compile the Proto-Balto-Slavic Swadesh list, using [50], [51], [47] and [25] (taking into account the personal knowledge and interviews with native speakers of Baltic languages, see above the information about the primary material). The table should contain the following columns: meaning, Baltic words, Slavic words, Proto-Balto-Slavic words, and also separate columns for cognates in other Indo-European branches. This list is corrected when it is necessary.

4. For each word found for Proto-Balto-Slavic Swadesh list, we include Indo-European etymologies (NB: not all Proto-Balto-Slavic words will give quadruple cognates).

5. In separate columns of the main table, enter the quadruple cognates found while compiling the Proto-Balto-Slavic Swadesh list (NB: not all such quadruple cognates have meanings from the Swadesh list, there are common Balto-Slavic innovations that just indicate the reality of Proto-Balto-Slavic [22]).

6. In a separate column, compile the Proto-Indo-Iranian Swadesh list using the electronic Sanskrit dictionaries [61; 62], Large Russian-Ossetian dictionary [5], Avestan Dictionary [56], Persian Dictionary [66] and Etymological Dictionary of Iranian Languages [30].

7. Try to fill in the gaps in Swadesh list for PIE, searching for Latin [55], Greek [8; 49], Celtic [15] and Balto-Slavic words corresponding to Proto-Indo-Iranian, starting with cases where the Proto-Balto-Slavic word already corresponds to the Proto-Indo-Iranian one.

8. Try to fill in more gaps on the basis of Latin and Greek, searching for cognates in other languages for them.

9. In the presence of any gaps at this point, use the etymological dictionaries: J. Pokorny [57]; R. Matasovic [40]; R. Beekes [38]; M. de Vaan [39]; J. Cheung [41]. In these works, the search for quadruple cognates was rarely made, but for the present study, such searches are mandatory for each case. It should be emphasized that up to this point, the study was mostly independent, but now it's time to verify the Proto-

Balto-Slavic Swadesh list using Sayenko's data [23, 139–148] and Rick Derksen's dictionary [37].

10. If some concepts could not be deduced, an attempt to find cognates for suitable words of any languages and, if unsuccessful, marks that the word could not be deduced. In the process of marking, we keep statistics on how many concepts have been reconstructed for 7, 6, 5 or 4 groups from 7 involved (Baltic, Slavic, Italic, Celtic, «Hellenic», Indo-Aryan, other Indo-Iranian).

Research results

The Swadesh list of 207 concepts for PIE has been completed under the given limitations.

Analyzing the Latin data, we have found the outcome of PIE *sm-as Latin sp-:

- *sparus* ‘a small kind of sea-bream’ ~ Gr. *σπαρίς* ‘*Sparus smaris*’.
- *spīrō* ‘I am inspirated’ ~ Gr. *φιλο-μμειδής* ‘smiling with pleasure’, OCS *смѣхъ* ‘laugh’, Ir. *sméitid* ‘nods, beckons, winks’.
- *spīcō* ‘I furnish with a sharp point’, *spīna* ‘thorn’ ~ Gr. *σμίλη* (ἰ) ‘knife; chisel’, *σμίλνός* ‘prong-hoe’.
- *spurcō* ‘I soil’ ~ Slovene *smrk* ‘snot’.
- *spargō* ‘I sprinkle’ ~ Rus. dial. *сморзати* ‘to blow one’s nose with sound’.
- Old Fr. (14 c.) *spruce* ‘spruce’ ~ Ukr. *смерека* ‘spruce’, CS *смѣрчие* ‘conifer’.
- *spēs* ‘hope’ ~ OCS *смѣти* ‘to dare’ (NB not used with other prefixes, reconstructed as *smělъ(jь) ‘daring’ in EDSL [31, XXV, 18]).

Also with the assumption of s-mobile:

- *spectō* ‘I examine’ ~ Rus. dial. *смѣк* ‘wit’, *κυμέκατῆ* ‘to think’.
 - *spissus* ‘slow’ ~ OCS *мьдлость* ‘slowness’.
- The alternation *sm-/*m- in Greek seems to be an internal Greek development *sm > *mm > *m (abbreviations after [48, XXVII–XXIX]):
- *σμάραγδος* (Her., Plat.)/*μάραγδος* (μᾶ) (Men.) ‘emerald’.
 - *σμάριλη* (ἰ) (Arst.)/*μᾶριλη* (ἰ) (Arph., Arst.) ‘cinders, embers’.
 - *φιλο-μμειδής* ‘smiling with pleasure’ (Hom.)/*μμειδημα* ‘smile’ (Hes., Anth.).
 - *σμήρινθος*/μῆρινθος ‘thread’.
 - *σμίκρο-* (Ionic, Old Attic)/μῖκρο- ‘small’.
 - *σμίλαξ* (Poll., Theognost.)/Attic *μίλαξ* ‘yew’.
 - *σμοτός* (Theognost.)/μμοτός (H.) ‘difficult, fearful, hated, sad- or angry-looking’.
 - *ἔμμορα* pf. for *μμείρομαι* ‘to meet one’s fate’.
 - *σμούδρος* (H.)/μῦδρος ‘red-hot iron’.

Dmitry M. Bystrov, Mikhail S. Yastrebov-Pestritskiy

- $\sigma\mu\acute{\upsilon}\zeta\omega\nu$ (Arst.)/ $\mu\acute{\upsilon}\zeta\omega\nu$ ‘mullet or eel’.
- $\sigma\mu\acute{\upsilon}\rho\alpha\iota\nu\alpha$ (Arst.)/ $\mu\acute{\upsilon}\rho\alpha\iota\nu\alpha$ ‘moray’.
- $\sigma\mu\upsilon\rho\acute{\iota}\zeta\omega$ (Archil.)/ $\mu\upsilon\rho\acute{\iota}\zeta\omega$ ‘I salve, perfume’.
- $\sigma\mu\upsilon\rho\nu\alpha\acute{\iota}\omicron\varsigma$ (Anth.) ‘of myrtle’/ $\mu\upsilon\rho\rho\acute{\iota}\nu\eta$, Eur., Plut. $\mu\upsilon\rho\rho\acute{\iota}\nu\eta$, Doric $\mu\upsilon\rho\rho\acute{\iota}\nu\alpha$ (i) ‘myrtle’

– $\sigma\mu\tilde{\omega}\delta\acute{\iota}\zeta$ (Hom.) ‘bruise’/ $\mu\tilde{\omega}\delta\acute{\iota}\zeta$ (H.) ‘blood vessel, boil’

Because of the same authors on the both sides, this alternation depends of copyists, and any word written with μ - in Greek literature might reflect PIE *sm-.

Analyzing the Balto-Slavic data, we have found a law for s and š in Lithuanian (RUKI law operates completely in Proto-Balto-Slavic, including the endings, and contrary to [4, 130], in all 4 contexts (for example, Lith. $aušrà$ ‘dawn’, $maišas$ ‘bag’, $viršum̃$ ‘over’, $barkšóti$ ‘to stick up’)):

1) suffix -s (if it reveals synchronistically) is restored as -s regardless of the context;

2) final -š > -s, entailing the median -š- > -s- (including the satemic consonant š < č < k̑):

- *alkšniš > *alksnis: Lith. $alksnis$ ‘alder’;
- *āušiš > *āusis: Lith. $ausis$ ‘ear’ (but $aušúoti$ ‘to converse’);
- *auštiš (~ Rus. $ycmьe$ ‘estuary’) > *austis: Lith. $úostas$ ‘estuary’ (but $áušena$ ‘gawk’ ~ Rus. $ycma$ ‘lips, mouth’);
- *blušiš (~ Skr. $plúši-$ ‘flea’) > *blusis: Lith. $blusà$ ‘flea’;
- *bōbāušiš > *bōbāusis: Lith. $bobaūsis$ ‘строчок (mushroom)’;
- *dāušuš (~ Old Rus. $духъ$ ‘spirit’ with u-declension) > *dāusis: Lith. $daūsos$ ‘heaven’;
- *dušgiš > *dusgis: Lith. $duzgėti$ ‘to rumble (possibly, about rain)’;
- *gāušuš > *gāusis: Lith. $gausūs$ ‘numerous’;
- *gāušiš > *gāusis: Lith. $gaūsis$ ‘abundance’;
- *mušiš > *musis: Lith. $musis$ ‘fly’;
- *pušniš > *pusnis: Lith. $pusnis$ ‘snow-bank’;
- *teišuš > *teisus: Lith. $tiesūs$ ‘straight’;
- *wāišiuš > *wāisius: Lith. $vaīsius/vaīsiūs$ ‘fruit’;
- *wāiškuš > *wāiskus: Lith. $váiskus$ ‘transparent’;
- *weiwersiš > *weiwersis: Lith. $vieversỹs$ (OPr. $werwirsis$) ‘lark’;
- *wičiš (~ OCS $вѣць$ ‘whole’) > *wišiš > *wisis: Lith. $vīsas$ ‘whole’.

Exception: $ašis$ ‘axis’ (however, formally it can be analyzed as regular $ašsis$ < * $aššiš$ < * $ačšiš$ < * $aksis$, cf. Lat. $axis$).

Hyperactivity: $saūsas$ ‘dry’ (between two “s”).

Might affect a median ž as well, but all the cases found are followed by a consonant: Lith. Añsk-upis (< *anžuš ‘narrow’), blizgùs ‘bright’ (but blyškùs ‘pale’ from blỹkšti ‘to pale’), burzdùs ‘spry’ and burzgùlis ‘ardent person’ (~ Rus. бóрзый/бóрзóй ‘mettlesome’), vañzdis ‘tube’, vizgùs ‘twistful’.

Notes on used PIE notation:

– cases and numbers are written as Nsg., Asg., Gsg., Dsg., Isg., Lsg., Ablsg., Vsg., also -du., -pl. Gender is written as m., f., n.

– Asg. ending is written as *-n (preserved in Gr.), unlike *-m in 1 sg. pres. of verbs (lost in Gr.).

– after | we show known stems of oblique cases and derivatives.

– *a is equal to *h₂e of Leiden notation. *ā is equal to *eh₂ of Leiden notation.

– unknown laryngeal is written as H. If a laryngeal is underlined, this means we put it in a place that differs from the one in the preceding research. We assume Skr. *HC > Ch syllable-initially: *plHtus > Skr. pṛthú- ‘wide’ ~ Gr. πλατύς; *Hsta- > Skr. asthāt aor. ‘stood’ ~ Gr. ἵστημι ‘stay’; *urh₂d- > Skr. vrhati (dh > h cf. rodhati = rohati ‘grows’) ‘root up’ ~ Gr. ῥίζα/Aeol. βρίζα ‘root’; *dhruHg- > Skr. druha- ‘son’ ~ Lat. fructus ‘gain’, Gr. τρῶφή ‘luxury (surfeit)’. This might depend of the type of laryngeal.

– we don’t reconstruct a synthetic laryngeal at the word onset if there is a vowel or a sonant.

– coarticulations are written with diacritical marks and superscript. However, a notation like *k^w does not imply that we reconstruct this as a phoneme, not as a sequence of two. This is not yet decided.

– a construction, written as *g^{wh}/*ǵ^{wh} by convention (as well as deducible combinations *g^hu/*ǵ^hu), gives different reflexes in Greek, most commonly θ. Specimen: θείω ‘I hit, kill’ ~ Skr. hánti ‘hits, kills’ ~ YAv. jaiñti ‘kills’ ~ Lat. -fendō ‘I hit’ in offendō, defendō. θάνατος (ǵ) ‘death’ is also linked there. The presumed alternation pho/the (analogy to *k^w) does not hold in any root, neither in declension, nor in conjugation. The best covering of data is achieved with the assumption of dialectal difference: Attic θ, Doric χ, Aeolic φ, with later borrowings. Specimen: ὄρνις ‘bird’ (Gsg. ὄρνιθος/Dor. ὄρνιχος, Asg. ὄρνιθα/Dor. ὄρνιχα; Npl. ὄρνιθες/Dor. ὄρνιχες, Gpl. ὄρνεων/Dor. ὄρνιχων, Dpl. ὄρνισι/Dor. ὄρνισιν and ὄρνιχεςσι, Apl. ὄρνιθας). Other cases of φ and χ instead of θ: αὐχὴν/Aeol. Asg. ἄμφενα ‘neck’, ἐλάχυς/ἐλαφρός ‘small’, χωριαμός/φοριαμός ‘chest’, θερμός ‘warm’/Dor. χάρμα ‘martial heat’, θήρ/Aeol. φήρ ‘animal’, θλίβω/φλίβω (ῥ) ‘I press’, θλάω/φλάω/κλάω ‘I hit’, θνήσκω ‘I die’/ἔπεφον ‘I killed’. Possibly θυλλα (Hesych.,

Cretan?)/φύλλον ‘leaves’ (but [38] reconstructs *b^h). The case of νίφας ‘snow’/νίβα ‘winter’ (Hesych.) is likely a contamination with νέφος ‘cloud’.

– sonants are marked as syllabic only for explanation of specific forms.

– verbs are reconstructed in the form of 1 sg. pres. with -om or -mi (for athematic verbs). If only the suffixed forms are known, like -st- (Baltic), -d- (Slavic.), -i-, -n- (in any language), the form is not reconstructed, this is a subject for separate research.

– stress is not reconstructed here.

– reconstructions already known are not commented. New cognates are added to them with NB.

Swadesh list:

1. ‘I’ = *eǵ [45: Vol. 4, p. 5–13], Asg. *(h₁)mēm, Gsg. *(h₁)mene?

2. ‘you (sg.)’ = *tuH, Asg. *tēm, Gsg. teue.

3. ‘he’ = *eis|i-|*es- (see more in № 7. ‘this’).

4. ‘we’ = Npl. *mes, Apl. *nōs, Gpl. *nos?, Ndu. *uē (oblique cases use stem *nō-: OCS Adu. на, Gr. νόϊ ‘us (Adu.)’, OCS GLdu. наю, Av. Gdu. nā, Gr. νόϊν ‘us (GDdu.)’). Npl. *mes: OCS мы ‘we’ (mixture of Npl. + Apl. *mes is kept in Slovene mé (f. n., but mí m.) and in the ending of Old Cz. buděme (also buděmy), Rusyn бyдeмe, Ukr. бyдeмo, Serb.-Cr. будeмo), Lith. mēs ‘we’, Lat. Memmius (Roman gens), Gr. Aeol. ἄμμες (< *ḡs-mes) ‘we’, Skr. asmān, Av. ahma (< *ḡs-me-) ‘us (Apl.)’, Oss. мах ‘we’. Also used in 1 pl. pres. of verbs: OCS -мь, Lith. -me, Old Lat. -mos, OIr. -mi/mai, Gr. Dor. -μες, Skr. -mas, Av. -ma. Apl. *nōs: OCS ны, Lat. nōs (also used in Npl.), Gr. epic νό (Adu. or Apl.? see above the form of Adu.), Skr. nās, Av. nā ‘us (Apl.)’. Gpl. *nos?: Lat. nostrum ‘us (Gpl.)’, OIr. -nn (< *(s)nos? [39, 413]) ‘us’, Skr. nas, Av. nō ‘us (Gpl.)’. Ndu. *uē: OCS вѣ (< *uē), Lith. vėdu (< *uē) ‘we two’, Lat. «nec, quod fuimusve sumusve, eras erimus» ‘that we were before and became, we shall not be tomorrow’ (Lat. -ve ‘or’ is used after the second word of a copula, so the first ve (< *uē) is more likely ‘we’, not ‘or’), Gr. ἡμεῖς (< *uē-me-), Skr. vām, Av. vā.

5. ‘you (Npl.)’ = *iū (Apl. *uōs): Polab. jai ‘you (Npl.)’ (regular i > ai, also indirectly confirmed by «и иже како люди мыслѣте» of the OCS alphabet) (OCS, Old Rus. NApI. вы), Lith. jūs ‘you (Npl.)’ (Apl. jùs, but OPr. Apl. wans by noun declension), Lat. iō ‘look!’, Welsh ych ‘your’, Gr. ὑμῶν (Apl. ὑμᾶς/ὑμεῖων/ὑμέων/ὑμῶν/ὑμμέων/οὐμίων/ὑμμε), Skr. yūyám (AGDpl. vas), Av. yūžəm ‘you (Npl.)’ (Apl. vā).

6. ‘they’ = *eii m., iai? f., iō? n.: OCS Npl. of full adjectives -и m. (< *cii?), -ѧ f. (< *iai? cf. Gsg. земля and Gsg. жены), -ia n. (< *iō?), Lith.

jiē m. (< *eii?), dial. jaĩ f. (< two-syllabled *iai?), Old Lat. eĩ m. (< *eii?), eae f. (< *iai?), Osc. ioc (Umbr. eu/eo) n. (< *iō?), OIr. é ‘they’ (< *eii?), Gr. εἶεν ‘let it be!’, εἶᾶ ‘let’s!’ (cf. meaning with Rus. *он/она/оно/они-мо(сѣ)* ‘let it be!’ from ‘he/she/it/they’+‘just’(+‘self’), about *εν* see № 7. ‘this’), Zazaki ē ‘they’ (< *eii? but Skr. imé m., imás f., imá(ni) n. = Av. ime m., imā f., imā n., stem from Asg. *in > *im).

7. ‘this’ = *eis (*iā f., *iod n.) ‘this one, he’ and *kís (*kiā f., *kíod² n.) ‘this here’:

*eis m. (Asg. *in, Gsg. *es?, Dsg. *iōi?, Lsg. *esiei?):

Nsg. *eis: OCS и ‘that (m.)’ (also used in Asg.), Sudovian es ‘he’ (Lith. jis < *i-), Old Lat. eis ‘this, that, he’ (Osc. izik, Umbr. erek < *eis-ke, with Osc.-Umbr. pronominal *ke), OIr. (h)é ‘he’, Skr. ayám (Av. aiiām)³ ‘this (m.)’. – Asg. *in: Lith. jĩ, Old Lat. im ‘him’, Gr. ἴν⁴ ‘him’, Skr. imám, Av. iməm ‘this (Asg. m.)’. – Gsg. *es?: OCS ѣго (Proto-Slav. *e-go, cf. the particle in Lith. dial. tũgu ‘you’ and Venet. meço Asg. ‘me’; OCS чесо ‘what (Gsg.)’ (but Old Polish czso [64: V. 1, p. 317, 395; V. 6, p. 119]) < *keses < *kwi- ‘what’ + *es + *es?), Lith. esã: «Jis, esã, nežinaš» ‘he, by his words, doesn’t know’, Osc. eiseis (< *es + *es?), Umbr. ererek (< *es + *es + Osc.-Umbr. pronominal *ke?) ‘this, that, him (Gsg.)’, Gr. εός ‘his (own), one’s (m.f.)’ (< *es + *es? aspiration after ὄς ‘this’), Skr. asyá (Av. ahiia, axiiaça, ahe, aṅhe) ‘this (Gsg.)’ (with -yám and noun declension?) or ~ Gr. epic oío ‘this (Gsg.)’ < *es + *io ≠ лит. jō ‘him’). – Dsg. *iōi: OCS ѣмоу ‘to him’ (with DLlsg. extension -m-, -ōi > -oy cf. Gsg. of -o-declension: OCS -oy, Lith. -ui, Lat. -ō, Gr. -ōya), Lat. eĩ ‘to him/her/it (m.f.n.)’, Gr. ἰῶ ‘to one (m. or n.)’, but Gr. praep. cum dat. ὀμῆ ‘to’, Skr. asmái (Av. ahmāi) ‘to this’ from the stem of Gsg. (with DLabls. extension -m-). – Lsg. *esiei?: OCS ece ‘here is’, Osc. eisei/eizeic ‘in him’, Gr. εἰ (epic-Dor. αἰ) ‘if < in this’ [42, 7], Av. ahmī (Skr. asmín) ‘in this (m.)’ (with DLabls. extension -m-).

*iā f. (Asg. *ian, Gsg. *iās?, Dsg. *iai?):

Nsg. *iā: OCS, Old Rus. ја ‘that (f.), she’, Lat. ea ‘this, that, she’ (Osc. iiuk/ioc < *iā-ke?), Gaul. eia ‘she’, Gr. ἴα/μία ‘one (f.)’, Skr. yā ‘which (f.)’ (Av. yā [31, VIII, 204]): yā yā ‘whatever woman’, iyám (Av. im) ‘this (f.)’. – Asg. *ian: OCS ѣх ‘that (Asg. f.)’ (Rus. dial. ю ‘her

¹ Also eeis/eīs (by III noun declension), Osc. e)isai (from the stem of Gsg.), Osc. iusc (?).

² For n. -od cf. also n. *k*od ‘who’, *dod ‘when’.

³ < *ei-, extension *-Hem cf. in Skr. tvám ‘you’, ahám ‘I’ (Av. azəm), also here ai-šamas ‘this year’ and esã-, etã- (Av. aēša, aētat) ‘that’ [42, 21–28].

⁴ Cyp. ἴν, Ion. μῖν (ἴ), Dor.-Att. víν (ἴ) (< *in, reduplication as in Lat. Asg. emem [42, 10]). Possibly, also here éν ‘at that time’ (< *in with augment *e-, as in ἐκείνογ/κεῖνογ ‘that?’) – this contraction is known for εἰν in other meanings.

(Asg.)), Lith. *jā*, Latg. *jū* ‘her (Asg.)’, Lat. *eam* (< *ian, but Osc. *iak* < *ian-ke?) ‘this, that, her’, Gr. *ἓν* ‘one (Asg. f.)’, Skr. *imām* (stem from Asg. m. *in > *im). – Gsg. *iās?: Cz. *jí* ‘of which (possessive)’ (< *ji (*jy) < Proto-Balto-Slav. *iōs, but Slovene *njé* ‘her (Gsg.)’ < *iai by noun declension from *iā, OCS *ѣѧ* ‘that (Gsg. f.)’ < Gsg m. *es + idem), Lith. *jōs*, Gr. *ἑῷ* ‘one (Gsg. f.)’, Skr. *asyās* ‘this (Gsg. f.)’ (*es or Gsg. m.), Gsg. f. ending *-ā-yās*, but Lat. *eius* ‘him, her, it (Gsg. m.f.n.)’? Umbr. *erar* ‘her’ from Gsg. m. – Dsg. *iai?: OCS *ѣи* ‘to that (f.)’ (Rus. *eŭ* ‘to her’), Lith. *jái*, Lat. *eae* ‘to this, that, her’, Gr. *ἑῖ* ‘to one (f.)’, Skr. *asyái* ‘to this (f.)’ (*es from Gsg. m.).

*iod n. (in oblique cases *id⁻¹):

OCS *ѣ* ‘that (n.)’ (also used in Asg.), Lith. *jì* ‘she’ (< Asg. *id, Lith. generally does not use n.), Lat. *id* ‘this (n.)’ (< *id, Asg. m. eum, Umbr. eu < *iod-n?, Osc. *ionc* < *iod-ke?), OIr. (h)ed ‘it’ (Manx *í* ‘she’ [45, Vol 4, p. 10]), Gr. *ióv* ‘one (Asg. m. or n.)’ (< *iod-n?), Skr. *yád* ‘which, that’ (Av. *yaṭ* [31, issue 8, c. 204]), *idám* n. ‘this’ (< *id-, Asg. *idám*; but Av. Nsg. *imat*² from *iod? for -d > -ṭ cf. ablative *ahmāt*).

*kís m., *kiā f. (in oblique cases *kia-?), *kiod? n. (in oblique cases *kid-):

OCS *съ* m. (< *kís), *си* f. (< *kiā), *се* n. (< *kiod?), Lith. *šis* ‘this’, Lat. *cis* ‘from this side’, OIr. (ogham) *ci* (Lsg. *coi*) ‘this’, Gr. Cypr. *κιδνόν* (< *kid (n.) + -n- [38]) ‘here’, Skr. *śiṣṭa-* ‘remaining’ (~ *stha-* ‘staying’, cf. № 125. ‘to stand’).

8. ‘that’ = *au- (Nsg. *so, Asg. *tom ‘that’ is only reflexed in Indo-Iranian and Greek, the roots are used separately in Celt. and Lat., *so in Balto-Slavic only appears in OCS *самъ* ‘self?’): OCS *овъ* ‘that’, Lith. *avà* ‘there’, Lat. *autem* ‘on other side’, OIr. *úa* ‘from’, Gr. *αὐτός* ‘that same’, Skr. *avōṣ* ‘those two’, Av. *ava* ‘that’.

9. ‘here’ = *id^he: OCS *идеже* ‘where (relative)’, Umbr. *ife* (Lat. *ibī*) ‘there’, Gr. *iθός* ‘immediately’ (cf. meaning of Rus. *мѹм* ‘here; immediately’), Pali *idha* (Skr. *ihá*), Av. *iḏā* ‘here’.

10. ‘there’ = *an: OCS *оноуде* ‘there’, Lat. *an*, Gr. *ἄν* (*ā*) ‘maybe’ (cf. meaning of Rus. *там* ‘there; (enclitic) maybe’), Gaul. *antom*, Skr. *ánta-* ‘border’, Skr. *aná*, Av. *anā* ‘through this’, Pers. *ânjā* ‘there’.

11. ‘who’ = *k^wos m., *k^wā f., *k^wod n. (cf. forms with № 7. ‘this’), also ‘which’: OCS *къто* ‘who’ (*кѹижьдо* m., *каѹажьдо* f., *коѹежьдо* n. ‘every’), Lith. *kas* ‘who, what’, Umbr. *poi* (Lat. *quī*) ‘who (m.)’, Osc. *pai*

¹ For n. the use of Asg. instead of Nsg. is likely, and also Nsg. n. instead of Asg. m., as equally showing the inactivity.

² For the propagation of im- stem from Asg. *in m. cf. Asg. *imām* f. (Av. *imam*), Npl. *imé* m., *imás* f., *imá(ni)* n. (Av. *ime* m., *imā* f., *imā* n.).

(Lat. quae) ‘who (f.)’, pod (Lat. quod) ‘who (n.)’, OIr. nech (< *nek^{wos}) ‘someone’, Gr. ποῖος (Ion. κοῖος) ‘which, who, what’, Skr. kás, Av. kē ‘who’.

12. ‘what’ = *k^{wi}-.

13. ‘where’ = *k^{wu}-.

14. ‘when’ = *dos, *dā, *dod? (cf. forms with № 7. ‘this’), often with *k^wo- ‘which’: Rus. dial. *мо(з)д́а/мо(з)д́ы/мо(з)д́е/мозду́* ‘then’, OCS *къгда/когда*; Slovene *kedaj* (Rus. dial. *кодáú*); Slovak *kedy* (Rus. dial. *козды́*), Lith. *kada* ‘when’, Lat. dum ‘whiles’ (quan-dō ‘when’ < *dod?), Gr. epic *δηθά* ‘for a long time (=when + from)’, Dor. οὐ δᾶν! ‘no, I swear! (=no + when)’, Skr. *kadá* ‘when’ (*ekadā* ‘once’, *sadā* ‘always’), Oss. *кад* ‘when’.

15. ‘how’ = *k^{wid} и *k^{wod} (ablatives (-d) from *k^{wi}- ‘what’ and *k^{wos} ‘who’), various constructions of ‘from + what/who’ are also used:

– *k^{wid}: OCS *что* ‘why’, Latv. *cik* ‘how’, Lat. *quid* ‘why’ (NB in Lat. this ablative of *k^{wi}- ‘what’ has been substituted by *quō* (ablative of *k^{wos} ‘who’), there is also a mixture of *k^{wid} + *k^{wos}: *quis* ‘who’), Welsh *py* ‘how’, Gr. *τί* (ἵ) ‘why’, Oss. *куыд* ‘how’ (~ Skr. *kim* ‘how; why; interrogative particle?’).

– *k^{wod}: Rus. dial. *ик* ‘how’ (*и* ‘and’), Latv. *ka* ‘how’, Lat. *quod* ‘how’, Gr. *ποῦ* (Ion. *κοῦ*) ‘how’, Skr. *kam/kad* ‘interrogative particle’.

– using *ā ‘from’ (Skr. *ā*- ‘from’) *in preposition*: OCS *какъ* (Pol. *jak*)/*акы/како* (Pol. *jako*) ‘how’ (такъ ‘so’, *инакъ* ‘otherwise’), Lith. *kóks n.*, *kokià f.* ‘which’ (*tóks* ‘like that’, *šióks* ‘like this’); *in postposition*: Slovene *kà* ‘as; when; perhaps’, Latv. *kā* ‘how’, Lat. *quā* ‘how’, Welsh *pa* ‘how’, Gr. *πῆ/πῆ* (Dor. *πᾶ/πᾶ*, Ion. *κῆ/κῆ*) ‘how’, Skr. *kā* ‘interrogative particle’.

– using *d^{hen} ‘from’ (Gr. -θε(v) – partitive and genitive suffix): Lith. *kàd* ‘if’, Lat. *quīdum* ‘how’, Gr. *πόθεν*/Ion. *κόθεν* ‘how’, Skr. *kathám* ‘how’.

16. ‘not’ = *ne|*n-.

17. ‘all’ = *uikis: OCS *вьсь* ‘every’, Lith. *visi* ‘all’ (Npl. of *visas* ‘whole’, see above about *š > s*), Lat. *vīcēnī* ‘20’ (not derivable from *duidekm-, derivable from ‘all (fingers)’), Gr. *ἵκτᾶρ* ‘together’, Skr. *vísva-*, Av. *vīspa* ‘all’.

18. ‘many’ = *plHus|*polH-: OCS *плькъ*, Lith. *pułkas* ‘crowd’, Rus. *пльнь/половодье* ‘flood’, Lat. *plūs* ‘more’, OIr. *il* ‘much’, Gr. *πολύς* ‘much, many’, *πλοῦτος* ‘wealth’, Skr. *puru-* ‘many’, Av. *pouru* ‘much, many, full’. Also used is *uel-|*ul- ‘much’: OCS *велии* ‘big’, *вельми* ‘very’, Latv. *un kā vēl* ‘and how!’, OPr. *walnennien* ‘the better’, Lat. *ultimus* ‘largest, highest’, *vēlōx* ‘fast’ (*uellōks, *lok- ‘fast’: Spanish *loco*

‘impetuous’, Bologna (Modena) loc ‘fast’, Lith. lakùs ‘fast’, see № 120. ‘to fly’), MWelsh gwell ‘better’, Gr. ἄλις (*-l̥-) ‘enough’, Skr. vardhati ‘grows’.

19. ‘some’ = *li: OCS љѣико ‘how many’ (Old Polish ile/jele), Lith. keli ‘some; how many?’ Lat. aliquī ‘some’ (quī ‘how’), πηλίκος (ῖ) ‘what size’ (πῆ ‘how’), Skr. li- m. ‘sameness’.

20. ‘few’ = *men-|mn-: Rus. dial. μένε/мнеῦ ‘less’, Lith. menkavėrtis ‘of little value’, Lat. minor ‘less’, Osc. mennum ‘to lessen’, MĪr. menb (< *menwos) ‘small’, Gr. μᾶνός ‘rare’, μειώνως ‘too few’ (dissimilation of n-n, as in ἀνχὴν ‘neck’, ἦτρον ‘belly’, ἔν-διον ‘noon’), Skr. manāk ‘a little’, Oss. mængæj ‘few, small’.

21. ‘other’ = *alios: Cz. ale, Rus. dial. алé ‘but’ (formed as an adverb from ‘other’), Lith. aliáí ‘every’, Lat. alius, OIr. aile/oile/eile (Gaul. allos), Gr. ἄλλος/ἄλλος ‘other’, Skr. aryamán m. ‘a bosom friend’ (cf. meaning with OCS другъ ‘other; friend’), Oss. æsægælon ‘alien’ (æsåæg ‘true’ + *arjana- ‘alien’) [30, I, 223]. (Skr. anyá-, Av. ania- ‘other’ – contamination with *antr- ‘other’ < *an- ‘there, on the other side’: Skr. ántara- ‘different from’, Av. antara, Oss. æндæp, Lith. aĩtras, Latv. otrs, OPr. antars, antrā, anters ‘other’; contamination to the other side: Lat. alter ‘other’.)

22. ‘one’ = *oinos m., *oinā f.: Slovene èn, êna, Rus. dial. ённый, Pol. jany, OPr. ains, Sudovian ans, Old Lat. oinos (Osc. uinus), OIr. oén (Welsh un) ‘one’, Gr. οἶνη ‘the ace on a die’, Skr. ena-, MPers. ên ‘this’. Other formations from *oi- ‘only?’: οἶος ‘only, single’, Skr. éka- ‘one’, éva- ‘alone, only’, Av. aēuaa ‘one’. (Old Rus. инии ‘he; one’, Lith. jinaĩ ‘she’ are from № 7. ‘this’ = *ei-.)

23. ‘two’ = *duoH|*duH-.

24. ‘three’ = *treies|*tri-.

25. ‘four’ = *k^wetuore|*k^wetur-: OCS четыре, Rus. четы́ре, Lith. keturi, Lat. quattuor, OIr. cethair, Gr. τέσσαρες/τέτταρες/Ion. τέσσερες/Dor. τέτορες/Lesb. πέσ(σ)ορες/Aeol. πίσυρες (but PIE *-es > Gr. -ος!), Skr. catur (m. pl. catvárah), Av. caθβar, caθβārō.

26. ‘five’ = *penk^we.

27. ‘big’ = *megH-/*mgH-: Rus. dial. μέστο ‘wealth’, музлάν ‘peasant’ (< *mgH-n-, OCS мжжъ ‘man’ with the affiliation suffix -i-), Old Lith. mėzliava ‘pooling’, Lat. ingēns/magnus, OIr. maige, Gr. μέγας, Skr. mahā-, Av. maza ‘big’. See also *uel-|*ul- ‘much’ in № 18.

28. ‘long’ = *dlHgh^hos.

29. ‘wide’ = *plHtus.

30. ‘thick’ = *b^heng^h-|*b^hng^h-: Rus. dial. бузлάν ‘big healthy man’, Lith. búožė ‘knob’, Lat. fungus ‘mushroom’ (pinguis ‘fat’ contains

an irregular p), Welsh bwr ‘fat, strong, big’, Gr. παχύς ‘thick’, Skr. bahú- ‘large’, Av. bāzah- ‘thickness’ (Oss. бæзджын ‘thick (of a book)’). Also used is *taūk-: Old Pol. tuczyć ‘to make thick’, Lith. taukùs ‘thick’, Lat. tūc(c)ētum ‘some made-up savoury dish’, Ir. tón ‘buttock’ (*tūknā-), Gr. τυκτά ‘royal feast’, Skr. tokma ‘cloud’.

31. ‘heavy’ = *g^{wr}H- (cf. № 156. ‘stone’).

32. ‘small’ = *men-|*mn- (cf. № 20. ‘few’). Also used is *moǵ-: Bulg. мѡзак ‘a delicate creature, for ex., a child, a lamb etc.’, Lith. māžas ‘small’, OIr. mug, Corn. maw ‘servant’, Gr. μογοσ-τόκος ‘speeding the birth’, Skr. maj- ‘under’.

33. ‘short’ = *mrǵ^hus: Rus. мерзѡвчик ‘the smallest measure for vodka’, мерзѡч (<*мерзѡч?) ‘small perch, small fish’, мервѡ (<*мерзѡ?) ‘small tailings of flax scutching’, Lith. išbrizga ‘clout, rag’ (contaminated with brīgzi (brīzga, brīzgo) ‘to frazzle’), Lat. brevis, Gr. βρᾶχύς ‘short’, Skr. mūhu/mūhur (<*mūrhu-?) ‘suddenly, in a moment’ (cf. meaning of English *shortly*), Av. mərəzu- (Oss. морз) ‘short’.

34. ‘narrow’ = *ang^hus (~ № 130. ‘to squeeze’).

35. ‘thin’ = *tenHus|*tnHu-.

36. ‘woman’ = *g^{wen}Hs|*g^{wne}H-: NB Lat. Venus.

37. ‘man (adult male)’ = *uirHos: NB Rus. dial. «мой миленок, витьвьрьѣнок», вервьрьѣнок ‘beloved man’.

38. ‘human’ = *h¹leuH^his: OCS людьскъ ‘human (adj.)’, OPr. ludis ‘master of the house’ (Latv. ļaudis ‘people’), Old Lat. loeber ‘free man’ (irregular oe), Old Welsh luidt ‘tribe, lineage, family’ (Old Corn. leid ‘descendants’), Gr. ἐλεύθερος ‘free (man)’, YAv. huraoða- ‘beautiful (of men and gods)’ (hu- ‘good’).

Also used is *ǵ^hen-|*ǵ^hn-: Latv. zēns ‘boy’, Skr. jana- m. ‘man, person’, Gr. ἀγηνία (ἄ): ὀμμάτων ἐν ἀγηνίαις (Aesch.) ‘(of a statue) in unseeing eyes (=unhuman)’, Old Lat. hemo, Gsg. hemōnis ‘human’, Rus. dial. зѣма «countryman», an invocation, Old Lith. žmuo ‘human’, Lith. žmonės ‘people’, OPr. smunents ‘human’, smoy ‘man’, Gpl. smūni, Rus. dial. (Vologda) змѡвыны, Pol. zμόwiny ‘match-making (not an engagement!)’, Slovene zmkati ‘to draw in’, Pol. zmykany ‘kind of dance’, Rus. dial. (Smolensk) «сама змычет – не попова дочка (she keeps company with men(?), she is not from a priest’s family)» [24, XXI, 34] (*zmykъ cf. камыкъ ‘stone’).

39. ‘child’ = *uoīkos: OCS чловѣкъ ‘man’ (Rus. dial. вѣкуша ‘single woman, never married’), Lith. vaikas ‘child’ (Latv. vaiks ‘boy’, Npl. vaiki ‘children’, OPr. wayklis ‘son’), Lat. uxor/uxor ‘wife’ (regular ū <*oi, regular orthography uo (wu) [17, 58], -sor cf. in soror <*suesor- ‘sister’), Gr. οἰκέος ‘servant’, Skr. vekāṭa- ‘youth’.

40. 'wife' = *koiuā? (from 'beloved woman'): Rus. *посевное полотёнце* 'in a wedding rite: a towel, bride's mother moves it around the heads of the newly weds, saying «Сей ленок, будет платок»' [24, XXX, 145], «*Ну будь моя супруга севёчная и праведная*» [24, XXXVII, 104] ('be my wife of (*севка*)s and pious'), *сиволан* 'clumsy, rude man' [7, IV, art. 145] ('(*сева*)'s toucher' from *лأنать* 'to touch'), Bulg. *севда* 'love' [6, 156] (Slav. -ьд < *-id '-ing'), Pol. *Matka Boska Siewna* '8th of September' [63, 127–128] ('Our Lady of (*siewa*)s'), Latv. *sieva* 'wife', лат. *coitus* 'sexual intercourse' (-oi- not from verb *kci- (regular outcome of *oi is ū), might be from *koiuā + itus), MWelsh *cu* 'beloved' (Corn. *cuf*), Gr. *κῆδευμα* 'relation (by wife)' (-id '-ing' cf. *севда*), *śéva* 'the male organ' (cf. Rus. *женілка* 'the male organ' from *женіть* 'to marry (him to her)'). Other formations from the same verb: Rus. «*друг мой сѣтный*» 'my dear friend', Old Lat. *ceivis* 'friendly inhabitant', Skr. *śéva-* 'dear'. Also the word for 'woman' (№ 36) is used for 'wife'.

41. 'husband' = *potis (also 'lord'): NB Welsh *udd* 'lord'.

42. 'mother' = *mātēr|*mātr-.

43. 'father' = *pHtēr|*pHtr-: Lat. *pater* (Gsg. *patris*) 'father' (Osc. *patir*), Ir. *aite* 'tutor', Gr. *πάτήρ* (Gsg. *πατήρ* / *πατέρος*) 'father', Skr. *pitā* (Dsg. *pitṛé*), Av. *ptā* (Oss. *фьд*, Old Pers. *pitā*), 'father'. Proto-Balto-Slavic *ptē gives *tē in most languages, suffixed and reduplicated forms are used: Rus. dial. *méku* 'uncle, mother's brother', Rus. dial. *тетяй* 'father in wedding rite', Lith. *tėtė*, Latv. *tētis* 'father', OPr. *thetis* 'grandfather'. Some of these forms (except for OPr., where *ptē-ptē corresponds to the meaning 'father's father') might be connected to Skr. *tātā* 'father', but it corresponds to Rus. *māma* 'father', Cf. Rus. dial. *стёвушка* 'father-in-law', *стёвый* 'father-in-law's'. A common origin is possible for Old Rus. *тъсть* 'wife's father' (from a dialect with *pt > st, cf. Old Rus., Serb. *нестера* 'niece' ~ Cz. *neteř* 'niece') and Rus. dial. *тётка* 'husband's father'. Also reflected is *pHtrui- 'father's brother': Rus. *стрыл/строй* 'father's brother', Skr. *pitṛvā* 'father's brother' (Baltic words without -r-: Lith. *tėvas*, Latv. *tēvs*, Sudovian *tews* 'father', OPr. *thewis* 'father's brother', *tāws* 'father' are also traced from *(p)tē + *aγos 'ancestor' [35, 29]).

44. 'animal' = *ǵʰuēr|*ǵʰuer-: OCS *звѣрь*, Lith. *žvėris*, Lat. *fera* 'wild animal', Mlr. *geir* (d) < *gwered- (MWelsh *gwer*) 'animal fat, tallow', Gr. *θήρ*/Aeol. *φῆρ* 'beast', Skr. *hūrava* 'jackal'.

45. 'fish' = *perkā: Rus. *пéречень* 'small bream', Pol. dial. *perk* 'Baltic herring', Lith. *peřpelė* 'пузанок, fish *Alosa fallax*', Lat. *perca* 'perch', Ir. *earc* 'salmon', Gr. *πέρκη* 'perch', Skr. *parkaṭa* 'heron' (*perkā + *atti* 'eater', cf. Rus. dial. *рыбоѣд* 'heron' (literally 'fish-eater'), cf. tt shortening in *páttram* > *pátram* 'wing, feather'), Yazghulami *púrgi zənéç*

‘bot. bladder fern (< fish’s swimming-bladder)’ ([30. VI, 173] shows ‘mouse’s swimming-bladder’, that does not make sense), Pers. pul ‘fish scales’?

46. ‘bird’ = *auis (*h₂euis for Old Arm. haw ‘bird; hen’).

47. ‘dog’ = *kuōn|*kuon- (Gsg. *kunes). NB Rus. dial. *сби* ‘word for calling dogs’, Rus. *свора* ‘pack of dogs’, *сйка* ‘bitch’.

48. ‘louse’ = *utis: Old Rus. *въшь* (diminutive of **вътъ*), Lith. *utis*, Lat. *tinea* ‘louse’ (*ut- with the singleness suffix *-īn), Gr. *ύσσωπος* ‘hyssop’ (used against vermins), Skr. *utkuṇa-* ‘louse’.

49. ‘snake’ = *neHg-|*nHg-: Skr. *nāgá-/áhi-* (Av. *aži-*) ‘snake’, OIr. *nathir* ‘snake’/esc-ong ‘eel’, Old Rus. *ужь* ‘snake’ (пол. *wąż*), Lith. *angis* ‘vipér’, Lat. *anguis* ‘snake’, Gr. *ἔχις* ‘vipér’ and *ὄφις* ‘snake’ (the latter with suffix -ῦ-, thus another colouring of *n and φ < *g^hϥ, see above on *g^{wh}/*g^{wh}).

50. ‘worm’ = *kerm-|*krm-: Slovene *čm*, Lith. *kirmis/kiřmis* ‘worm’, Lat. *cirrus* ‘tentacle (of polyps)’, OIr. *cruim* ‘worm, maggot’, Gr. *κεραία* ‘tentacle’, Skr. *křmi-*, Pers. *kerm* (Oss. *калм*) ‘worm’.

51. ‘tree’ = *uer-: Rus. *верёга* ‘long thick pole’, *верейка* ‘pole of distaff’, Latv. *vēris* ‘big forest’, Lat. *verū* ‘javelin’, MWelsh *gwern* ‘alder, mast of a ship’, Gr. *ἔρμα* ‘pole’, Skr. *varaṇa-*, Av. *varaša*, *urvarā*, Oss. *бæлас* ‘tree’. Also *doru|*dreu- ‘wood’: Rus. *дор* ‘roofing lath’, Latv. *dārna* ‘resin’, Welsh *derwen* ‘oak’, Gr. *δῶρυ/δρῦς* ‘tree’, Skr. *dāru* ‘wood’, drú ‘tree, branch’, Av. *dāuru* ‘wood’. Hence the name of squirrel (Rus. *вёверица*, OPr. *weware*, Welsh *wywer*, Pers. *varvarah*).

52. ‘forest’ = *uen-: Rus. *венок/венец* ‘one row of logs in a framework’, Slovene *venéti* ‘to be green’, Lith. *pavénis* ‘refuge from sun’, Lat. *vēnor* ‘to hunt’ (cf. the meaning of Latv. *mežs* ‘forest’, *medīt* ‘to hunt’), MIr. *fian* ‘band of warriors’ (Proto-Celtic **wēnā*), Gr. *εινοσί-φυλλος* ‘wooded’, Skr. *vána-* ‘forest’, Av. *vanā* ‘tree’.

53. ‘stick’ = *uerHb^h-|*urHb^h-: Rus. *верба* ‘pussey-willow’, Lith. *viřbas* ‘twig’, Lat. *verbēna* ‘a leafy branch of an aromatic tree’, Gr. *ῥάβδος* (< **urHb^h-i-os*) ‘stick’, Skr. *vāribhava-* ‘kind of plant’.

54. ‘fruit’ = *māl- (*maHl- for Hitt. *maḥla* ‘grape-vine’): Rus. *малина* ‘raspberry’, dial. *strawberry* (альтернативная праформа и второе значение русского слова). Lith. *moliūgas* ‘pumpkin’, Lat. *mālum* ‘apple, pear’, Gr. *μαλον/μηλον* ‘apple, lemon’, Skr. *nirāmālu-* ‘wood apple’ (*nīra-* ‘juice’), Yazghulami *mawn* ‘apple’ (< **m ālnā*).

55. ‘seed’ = *seHmn: OCS *сѣмя*, OPr. *semen*, Lat. *sēmen*, MIr. *seimed* ‘seed’, Gr. *ἥμερα* ‘crops’, Skr. *sāmagrya* ‘reserves’ (*agrya-* ‘roof’), *sāman* ‘wealth’ > *sāmanta-* ‘leader’, Pers. *hāmat* ‘the chief of a people, family, or tribe’.

56. 'leaf' = *b^hol-: Rus. dial. *болобо́лки* 'a kind of water-lily', Lith. *balānas* 'sod', Lat. *folium*, MlR. *bileóc* (< *bheljo-) 'leaf', Gr. *φολίς* 'scales', *φύλλον* 'leaf', Skr. *bharita-* 'green' (*bhariṇī* 'green colour'), Pers. *bar* 'leaf'.

57. 'root' = *kor-|*ker-: OCS *корень*, Lith. *kēras* 'root', Lat. *cornū*, MWelsh *carn* 'hoof', Gr. *κόρσεον* 'root of lotus', Skr. *caraṇa* 'root', Yazghulami *čərmúk* 'part of a spinning loom – pegs on the end of the frame, where the rope is attached' [30: V. 2, p. 232]. Also used is *ureh₂ds|*urh₂d-.

58. 'bark' = *korion (from *ker- 'separate (of bark)', Lith. *kėrti*): Serb.-Cr. *kōtje*, Old Rus. *корье*, Rus. dial. *корьё* 'bark', лтш. *krija* 'bast', лит. *karigė*, OPr. *karige* 'rowan' (< Proto-Baltic *karijan, from the speckled bark used in folk medicine; the rowan-berry does not seem to be used before 18 c.), Lat. *corium* 'crust', Gr. *κόριον* 'maiden', Pers. *kara* 'мозоль'. Other formations with the same meaning from the same verb: Old Rus. *кора* 'bark', Latv. *kārklis* 'withe', Lith. *karnà* 'lime bast', Lat. *cortex* 'bark', Gr. *κόρφα* 'maiden', Skr. *karaka-* 'a cocoa-nut shell', Skr. *cārman*, Av. *carəman* 'pelt', Oss. *цъар* 'bark'.

59. 'flower' = *b^hulH-: OCS *былине* 'grass', Lith. *burbūlis* 'globe-flower', Lat. *furfur* 'husk', Gr. *φύλλον* 'petal', Skr. *phulla-*, Baluchi *phul* 'flower'.

60. 'grass' = *g^{wh}erH-: Ukr. *зрєний/зрєний* 'green', Latv. *grīslis* 'sedge', *grīnis* 'sedge-heather pinery', Lat. *grāmen* 'grass', Gr. *θρίον* 'fig leaf', *θρίδαξ* 'lettuce' (diminutive -id), Skr. *hrasva-* 'names of various plants', *hrasvakuša-* 'Kuša grass or a kind of short Kuša grass'.

61. 'rope' = *uer-: Rus. dial. *вєрька* 'rope', Lith. *vėrė* 'loop', *vėrinys* 'thread', Lat. *vermis* 'worm', Gaul. *viria* 'kind of bracelet', Skr. *varatrā* 'belt, rope', Pers. *bārrang* 'ropes, girths, bandages'.

62. 'skin' = *keHutos|*kHut-: NB Rus. *кѹтатъ* 'to wrap up', Skr. *kutū* 'a leathern oil-bottle'.

63. 'meat' = *mēmson.

64. 'blood' = *h₁esh₂r|*h₁sh₂en-|*h₁osh₂- (detransitive/protomiddle voice by Pooth [59]): NB Rus. dial. *вочу́д/воча́* 'herpes; eye decease in birds; sore; skin decease with itch (herpes, eczema, scab)'. Also used is *kreuHs (or it means 'raw meat').

65. 'bone' = *osts (*h₃est- for Hitt. *ḫa-aš-ta-i n. /ḫaštāi/* 'bone') and *keh₂ulis.

66. 'fat' = *touHk-|*tuHk-: OCS *тоукъ* 'fat', Lith. *táukas* 'piece of lard', Lat. *tūc(c)ētum* 'sausage roll', Ir. *tón* 'buttocks' (*tūknā-), Gr. *τοκτά* 'royal feast', Skr. *tokma-* 'ear-wax'.

67. 'egg' = *ōuion. Also used is *kokkos.

68. 'horn' = *k^herHns|*k^hrHn-.

69. ‘tail’ = *rouHǵ-|*puHǵ-: Rus. dial. *пύζο* ‘purse of a sweep-net’, *пѣлѣж* ‘anchor cable’, Upper Sorbian *wopuš* ‘tail’ (< *puHǵ-s-), Latv. *pušķis* ‘bunch, pompon’ (Lith. dial. *paustis* ‘animal hair’), Lat. *pūga*, Gr. *πῦγῆ* ‘buttocks’, Skr. *púccha-*, Av. *pusa-* ‘tail’ (< *puHǵ-s-).

70. ‘feather’ = *spHeros|*spHr-: Rus. dial. *спореня́* ‘a form of snow (unlike «крупинки»/grains and «ляпушки»/flakes)’, *спóрина* ‘husk’, Lith. *spraŋnas* (Latv. *spārns*) ‘wing’, Latv. *spalva* ‘feather’, Lat. *sparus* ‘dart’, Welsh *pâr* ‘spear’, Gr. *σπάρτων* ‘balance indicator’, Pers. *par* ‘feather’. Possibly here: Rus. *перó* ‘feather’, *пернáтый* ‘winged’ (*perŋ-), Lat. *pernix* ‘quick’, Gr. *Περσεύς* ‘Perseus (he wore winged sandals)’, Skr. *parṇá*, Av. *parana* ‘wing’.

71. ‘hair’ = *motos: Rus. dial. *мом* ‘lock of hair’, Latv. *mats* ‘hair’, Lat. *mollestra* ‘sheepskin’, OIr. *molt* ‘wether’, Celtiber. *maTu-* ‘bear’, Gr. *μοτός* ‘rag thread or downy cloth for bandage’, Skr. *namata-* ‘felt, woollen stuff’.

72. ‘head’ = *k̑erH-|*kȓH-: Rus. dial. *серя́к* ‘headscarf; hooded cloak’, Old Rus. *серьга* ‘ear-ring’, Lith. *šernas* ‘boar’, Lat. *cerebrum* ‘brain’, MWelsh *crib* ‘comb’, Gr. *κάρα* ‘head’ (*κράνιον* ‘skull’), Skr. *śiras*, Av. *saṛəm* *Asg.* ‘head’ (*Oss.* *cəp*, *Pers.* *sar*).

73. ‘ear’ = *h₂ōus.

74. ‘eye’ = *okʷ-.

75. ‘nose’ = *neh₂s|*nh₂s-: NB Gr. *ἀάζω* ‘I breathe out’.

76. ‘mouth’ = *eHs-|*oHs-: Slovene *jāška* ‘cavity in earth’, Slovak *jašk* ‘tunnel’, Lower Sorbian *jašk* ‘a hole of a fish-trap’, Ukr. *яскі́ня* ‘cave’, Lith. *uostà* ‘mouth of a river’ (also reflects *aust- ‘lip’), Lat. *ōs* (*Gsg.* *ōris*) ‘mouth’, OIr. *á* ‘mouth’, Gr. *ῥῆμα* ‘food’, Skr. *ās-*, Av. *āh-* ‘mouth’.

77. ‘tooth’ = *ǵombʰos and *h₃dents|*h₃dont- (*h₃* for Gr. (Ion.) *ὀδοός*, Arm. *atamn* ‘tooth’, *h₁* for Gr. (Aeol.) *ἔδοντες* ‘teeth’, Gr. *ἔδω*, Arm. *owtem* ‘eat’ [39, 166, 186]).

78. ‘tongue’ = *ǵʰnHǵʰuā: (with dissimilation *ǵʰ-ǵʰ*) OCS *ѢЗЫКЪ* ‘tongue’, Rus. dial. *язы́ня* ‘babblers’, OPr. *insuwis* ‘tongue’, Lith. *ižūláuti* ‘to cheek up’, *liežūvis* (lie- from *liēžti* ‘to lick’) ‘tongue’, Latv. *iezt* ‘to grin’, Osc. *fangvam* *Asg.*, *fancua* *Npl.* ‘tongue’ (< *ǵʰnHǵʰu-), Lat. *lingua* ‘tongue’ from **hinguā*¹ (< *ǵʰnHǵʰu-) affected by *lingō* ‘I lick’, Gr. *κανθάριον* ‘bowl’ (< *ǵʰnHǵʰu-), *καύχα* ‘boast’ (metathesis of -ǵʰu-), *χναύω* ‘I chew’, *χναυμάτιον* ‘dainty’ (< *ǵʰnHǵʰu- without the second -ǵʰ-),

¹ Old Lat. **dingua* does not match Osc. *fangvam* and is not reliable, only mentioned by Gaius Marius Victorinus: «nos nunc... linguam potius per l quam per d», which might be corrupted by a copyist (single h perceived as D).

Skr. jihvá/juhū, Av. hizvā ‘tongue’ (< *ǵ^hnHǵ^hu- with re-colouring of -a- < -n- because of the surrounding palatals and -i- < -H-).

79. ‘fingernail’ = *h₃nog^hus|*h₃ng^heu-.

80. ‘foot’ = *pēds (Asg. podn, Gsg. pedes, Lsg. pedei?, Npl. pōdēs?, Apl. podns, Gpl. pedōn?). Nsg. *pēds: OCS пѣшь ‘unmounted, foot (adj.)’, Rus. *нёдаль* ‘kick’ (*pēđь + *dati ‘to give?’), Lith. pėdà ‘footprint’, OPr. pedan ‘foot’, Lat. pēs ‘foot’, OIr. ís ‘under’ (*pēd-su?), Gr. πηδόν ‘oar blade’, Skr. pāt, Old Pers. pāda-, Oss. fad (Oss. a < ā, æ < a) ‘foot’. – Asg. *podn: Rus. dial. *нод* ‘hearth-stone, sole (of furnace)’, Lith. pādas ‘sole’, Celtiber. Asg. ozas, Gr. Asg. ποῦν (hence Nsg.. πούς, ποδ- in other cases), Phryg. Asg. ποδας, Skr. Asg. pādām ‘foot’. – Gsg. pedes: Lat. Gsg. pedis ‘foot’, Gr. πέδον ‘soil’ (< Gsg. *πέδος? hence πέζα ‘foot’ ~ Rus. dial. *нёжа* ‘of something little’, πεζή ‘afoot’), Skr. Gsg. padás ‘foot’. – Lsg. pedei?: Rus. dial. *педянка* ‘abscess between toes (or fingers?)’ (< Lsg.?), Umbr. Ablsg. persi ‘foot’ (< Lsg.?), Gr. πέδη ‘fettors’ (< Lsg.?), Skr. Lsg. pádi ‘foot’, pade ‘at every step’ (< Lsg.?). – Npl. pōdēs?: Rus. dial. *подошма* ‘onucha (winding on footwear)’ (*шма* ‘thread’), *подошва* ‘shoe on ski where the foot is mounted’ (*шва* ‘hole’), Lat. pōdex ‘anus’, Umbr. atripursatu ‘to dance the tripodium’ (< *pōd-), Galat. Npl. ades ‘feet’ (< *pōd-), Skr. pādas, also from this is Germanic *fōt-, Npl. *fōtiz. Ending *-ēs is reconstructed after Lat. pedēs, Gr. πόδες (*-ēs > Lat. -is, Gr. -ος, cf. the ending of Gsg. and words like νέφος, εος ‘cloud’). – Apl. podns?: OCS подъ ‘under’ (< Apl.?), Gr. Apl. πόδᾶς (thus Npl. πόδες), Skr. Apl. pādas ‘feet’. – Gpl. pedōn?: Lat. Gpl. pedum, Gr. Gpl. ποδῶν (по Gdu. подоῖν/ποδοῖν?) ‘feet’, Skr. dvi-pād- ‘bipeds’ (< Gdu.?).

81. ‘leg’ = *korkos|*kerk-|*krk-: Bulg. крак ‘leg’, Lith. kárka ‘shin’, Lat. cancer ‘cancer, crab’ (< *krkr, dissimilation as in menetrix ‘escort girl’ < meretrīx), MWelsh carn ‘hoof’, Gr. καρκίνος ‘cancer or crab’, κερκίς -ίδος (ῖ) ‘shinbone’, Skr. karkara- ‘bone’, karkaṭa- ‘lobster’, MPers. karčang ‘crab’.

82. ‘knee’ = *ǵonu|*ǵneu- (see above about cognate septets).

83. ‘hand’ = *man-: Rus. *манить* ‘wave with hand’, Latv. maņīgs ‘crafty’, Lat. manus -ūs ‘hand’, OIr. muin ‘patronage’ (cf. the meaning of Rus. *лапа*), Gr. μᾶνω ‘I point (at)’, Skr. maṇiṣṭakā ‘the little finger’.

84. ‘wing’ = *pet-|*pt-: OCS пѣтица ‘bird’, Lith. pūtė ‘little bird’, peteliškė ‘butterfly’, pētys ‘shoulder’, Lat. penna/pinna ‘feather, wing’, OIr. én ‘bird’ (MWelsh adein ‘wing’), Gr. πτηνά ‘birds’, πτερόν ‘feather, wing’, Skr. pātram, pāttram ‘wing, feather’, Av. pat- ‘to fly’ (Oss. bədūl ‘nestling’). Cf. № 70. ‘feather’.

85. ‘belly’ = *uentr-|*untr-.

86. ‘guts’ = *ǵʰh₃er-|*ǵʰh₃r-: Rus. dial. *зёренька* ‘child’s game with «жгуты»/laces’, Lith. *žarnà* ‘intestine’, Lat. *hīra* ‘jejunum, entrails’, Gr. *χόριον* ‘bowels’, *χορδή* ‘intestine’, Skr. *hīra-* ‘strip, band’, *hirá* ‘vein’. Also used is *enteron|*entr- (from ‘inside’): Rus. *я́тρώ* ‘kidney? pl. entrails’, Lat. *exenterō* (*exinterō*) ‘I disembowel’, *interiōra* ‘entrails’, Gr. *ἔντερον* ‘intestine, belly’, Skr. *antrám* ‘entrails’.

87. ‘neck’ = *monHis|*mnH-: Rus. dial. *монéя* ‘beads’, *монáк* ‘nod’, *монúсто* ‘necklace’, Lith. *maniškà* ‘collar’, Lat. *monīle* ‘necklace’, Mlr. *muin* ‘the upper part of the back below the neck’, Gr. *μανιάκης* ‘necklace’, Skr. *mānyā*, Av. *manaοθrī-* ‘neck’.

88. ‘back (body part)’ = *noHt-|*nHt-: Rus. dial. *нотор* ‘a peg where a pot is hanged’, Slovene *nât* ‘tops of vegetables’, Lith. *añt-* ‘on’ (bare stem in tatpuruṣa compositions?), Lat. *natis* ‘the buttock’, Gr. *νότος/νότον* ‘back (body part)’, Skr. *nāthá-* ‘protection, help, refuge’, Saka *ānata-* ‘protected’ (cf. the meaning of English *back*).

89. ‘breast’ = *psten-: Rus. dial. *стéнчику* ‘little children’, *стенá* ‘side of cow: «Так стенами ниче корова»’, Lith. *spenỹs* ‘nipple, teat’, Lat. *stercēja* ‘nurse’ (contaminated with *stercus* ‘feces’), Manx *sheeiney* ‘breast, teat, nipple’, Gr. *στήνιον*, Skr. *stána-*, Av. *fštána* ‘breast’.

90. ‘heart’ = *kord (Gsg *krdes): OCS *срьдце*, Lith. *širdis*, Lat. *cor/cōr*, Gsg. *cordis* ‘heart’, OIr. *críde* (*kerdjo-), *κῆρ/κέαρ/κραδίη/καρδίη*, Dsg. *κῆρτ* ‘heart’, Skr. *śardha* ‘bold’, *śardhañjaha* ‘pulse’. Skr. *hr̥d-* ‘heart’ (Av. *zərəd*) – contaminated with *háršati* ‘is excited’?

91. ‘liver’ = *Hiok^wr|*Hiek^wr-.

92. ‘to drink’ = *pī-, aorist stem *po-.

93. ‘to eat’ = *edmi.

94. ‘to bite’ = *knHdom: пол. *kądek* ‘bit’, Lith. *kašti*, *kándu*, Lat. *mandō*, Welsh *cnoad* ‘to bite’, Gr. *κνώδων* ‘jag’, Skr. *khādati* ‘chews, bites’, *knathti* ‘hurts’, Pers. *xâyidan* ‘to chew’.

95. ‘to suck’ = *d^heH-.

96. ‘to spit’ = *pstHuom|*psteHu- (NB Alb. *pshtyj* ‘to spit’): OPol. *pywala* ‘spat’, Pol. *pluć* ‘to spit’, Rus. dial. *тьфу/стѣфу* ‘spitting sound’, Lith. *spíauti*, Lat. *spuere*, ppp. *spūtum*, Welsh *-poeraf* (*amboeri*) ‘to spit’, Gr. *πτύω*, *πτύζω*, *ἐκ-πτῦ-τύζω*, Dor. *ἐπι-φθύσδω* ‘I spit’, Cyp. (Hes.) *ψύττει* ‘spits’, Skr. *ṣṭhīvati* ‘spits’, *sphoṭa* ‘boil [furuncle]’, Oss. *ты* ‘spitting’, Northern Kurdish *tifand* ‘to spit’.

97. ‘to vomit’ = *reüg-|*rüg-, also *uemh₁-.

98. ‘to blow’ = *d^hmom.

99. ‘to breathe’ = *h₂enh₁-.

100. ‘to laugh’ = *smeiom (see above on *sm- > Lat. *sp-*).

101. ‘to see’ = *ueidmi, also *derk¹-.

102. ‘to hear’ = *k̑leu-: Baltic *kluštei (Lith. paklūsti ‘listen to’ with restored suffix -s, see above the rule for š) is due to dissimilation of č-š («Meillet’s law»), cf. Lith. šlovė ‘glory’ without the suffix.

103. ‘to know’ = *ǵneh₃om.

104. ‘to think’ = *menom|*mn-. Also used is *(s)keit-|*(s)kit-: OCS число/чисмя ‘number’, чътениѣ ‘appeal (speech)’, Lat. scītus ‘clever’, Gr. κισάω/κιστάω ‘I crave’, Skr. cetas ‘thinking soul’, Av. cisti ‘consciousness’.

105. ‘to smell (perceive)’ = *od- (*h₃ed- for Arm. hot ‘smell’): NB Skr. svāda ‘flavour’ (su- ‘good’).

106. ‘to fear’ = *b^{hei-}|*b^{hi-}: NB Gr. φοιτάω ‘I rush about’.

107. ‘to sleep’ = *suep-|*sup-.

108. ‘to live’ = *g^wiuom.

109. ‘to die’ = *mrom^l|*mer-.

110. ‘to kill’ = *g^{wh}en-|*g^{wh}n-: NB Rus. кровавая жáтва ‘mass murder’, Latv. dzenāt ‘to flap (flies)’.

111. ‘to fight’ = *ieud^hom and *b^{er-}: OCS брати ‘to fight’, Lith. bárti ‘to scold’, Lat. feriō ‘I hit’, OIr. berg [ā] ‘robbery’, Gr. φέριστος ‘bravest’, Skr. bhara ‘battle’, Osset. (Iron) byrsyn/byrst, (Dig.) bursun/burst ‘to break; to intrude; to push, press on; to overcome in a fight, fight’.

112. ‘to hunt’ = *ueiHmi (1 sg. ending deduced from 2 sg. Skr. véṣi). Also *lau-.

113. ‘to hit’ = *b^{heiom}.

114. ‘to cut’ = *ker-|*kr-.

115. ‘to split’ = *skeid-|*skid-: NB Rus. *расседáться* ‘to crack, split (intr.)’, Lith. skiedrà ‘chip’. Also *krih₁- ‘separate’: Upper Sorbian křida ‘sieve’, Lat. cernō ‘to sift, to separate, to distinguish’ (< *kri-n-h₁-), OIr. criathar ‘sieve’, Gr. κρίνω ‘to separate, to decide’, Skr. kṛitá- ‘a sort of despised caste’.

116. ‘to stab’ = *b^{hed^h-}|*b^{hd^h-}: Rus. dial. бeдь ‘a hole in the bench of a boat, where the mast is mounted’, Lith. bėsti, bėda ‘to poke’, Lat. fībula (<*b^{hed^h-d^hlā}) ‘pin’, MWelsh beð ‘grave’, Old Breton bodou ‘crow’, Gr. φαλλός ‘phallus’, Skr. bādha- ‘injury’, bhadrā ‘cow’, Oss. бел ‘shovel’.

117. ‘to scratch’ = *skab^hom: Rus. *скобóлить* ‘to scratch’, Lith. skabýti ‘to tear off’, Lat. scabō ‘I scratch’, MĪr. (s)cīp ‘hand’, Gr. σκάριον ‘hoe or spade’, MPers. /škpt/ ‘violent, terrible’, Choresmian (+ *para-ā-) /pr^wškm-/ ‘to rob’ (cf. meaning with Rus. *ободра́ть*, English *to strip*), Skr. missing or requires the loss of *a: skunāti ‘tears, rends’ (Cb^hn > Cun? Cbhn

¹ [60, 439] incorrectly cites OCS у-мыръеть, in reality it has у-мырьть, у-мыръ.

does not exist in Skr.). Also used is *kes- (missing in Lat. and Iranian). *ksu- is missing in Celto-It. *skrīb^h- is missing in Indo-Iranian.

118. 'to dig' = *kep-: OCS копати 'to dig', Latv. kaps 'grave', Lat. excipula (e>i is regular in the middle syllable) 'pool, pond', MĪr. cechor 'bog?', Gr. κοπίς 'butchering knife', Skr. kapaṇā 'a worm, caterpillar', Pers. kāftan/kāv- 'to dig'.

119. 'to swim' = *pleuom.

120. 'to fly' = *petom and *lek-: Slovene lèt 'flight', Rus. dial. леклѣк 'stork, egret', лóкма 'ball', Lith. lėkti, lekiù 'to fly', Lat. lōcusta 'locust', Gr. λόκαλος 'stork?', Skr. racayati 'puts in motion (a horse)', Rushani racost, Khufi racūst 'to flee', hence Lith. lakùs 'fast', Lat. vēlōx 'fast' (see № 18. 'many').

121. 'to walk' = *eimi|*i- и *g^we-|*g^w-.

122. 'to come' = *eimi|*i- и *g^we-|*g^w-.

123. 'to lie (as in bed)' = *leg^h-: NB Skr. rahas 'sexual intercourse', Oss. лæууын 'to lie (as in bed)'.

124. 'to sit' = *sed-, 1 sg. *si(s)dom: OPr. sīdons 'sitting (pret.)', Lat. sīdō 'I sit down', OĪr. -said 'sit', Gr. ἴζω 'I sit down', Skr. sīdati 'sits', MPers. nāstn' 'sit on'.

125. 'to stand' = *Hsta-: NB Skr. asthāt aor. 'stood' ~ Gr. ἵστημι 'stay'.

126. 'to turn (intransitive)' = *uertom|*urt-.

127. 'to fall' = *pedmi: OCS пасти, падж 'to fall', Lith. pesl̥ys 'kite', Lat. pessum 'downwards (to prostrate)', Gr. τροχοὶ ἐπήδων 'wheels (of broken chariots) flew away'; τρίτῳ Ἐτεόκλω τρίτος πάλος ἠρίδησεν 'the third lot fell upon Eteoclus', Skr. pádyate 'falls', Av. pa'diia'te 'falls into', MPers. ḡbastan 'to fall' [30, VI, 238].

128. 'to give' = *dōmi.

129. 'to hold' = *seg^hom: OCS саци 'to touch', Lith. sėgti 'to fasten, to pin', Lat. sevērus 'severe', OĪr. suanem 'rope', Gr. ἔχω 'I have', Skr. sahate 'bears, withstands', Old Pers. frahanjati 'to hang'.

130. 'to squeeze' = *ang^hom (~ № 34. 'narrow').

131. 'to rub' = *terom|*tr-: OCS трѣти/терж (Rus. *тру* from the imperative *мпу*?), Latv. trīt 'to rub', Lat. terō, Gr. τρίρω (*teriō) 'I rub', Welsh tarnaf 'to dry, rub', Skr. tārás 'shrill' (= Gr. τορός), Shughni, Roshani tār-/tārt 'to cleanse, remove dirt'.

132. 'to wash' = *louom: NB Rus. dial. лáва 'gangway for washing the clothes', Lith. lov̥ys 'trough', Skr. ravaṇaka- 'filter'.

133. 'to wipe' = *terom|*tr- (see № 131. 'to rub').

134. 'to pull' = *h₂uelk^wom|*h₂ulk^w-: OCS влѣщи, Lith. vilkti 'to pull', Lat. ulcus 'quarry', Welsh gwalch 'hawk, rascal' (Lat. vultur

‘kite’), Gr. αὔλαξ/epic Asg. ὄλκα ‘furrow’, Skr. varkate ‘takes’, Av. varək- ‘to pull’.

135. ‘to push’ = *pisom (also ‘to pound’): Rus. *пихать* ‘to push’, Latv. *pist, pisu* ‘to copulate’, *piesta* ‘pestle’, Lat. *pīnsō* ‘I pound’, *pistor* ‘baker’, Gr. *πίλος* ‘felt’, Skr. *piṣtās* ‘milled’, Av. *pišant-* ‘pounding’. Also *(s)per|*(s)pr-. See also № 130. ‘to squeeze’.

136. ‘to throw’ = *sei-|*si-: Rus. *просеивать* ‘to sift’, *сúмо* ‘sieve’, Lat. *sinō, situm* ‘I put’ (cf. meaning with Italian *mettere* ‘to put, throw’ < Lat. *mittere* ‘to throw’), MWelsh *hidl*, Gr. *ἡθμός* ‘sieve’, Skr. *sēnā* ‘dart’.

137. ‘to tie’ = *b^hend^h-: Rus. dial. *бедáл/бедáрка* ‘two-wheeled cart’, Lith. *beñdras* ‘partner’, Lat. *offendīx* ‘knot, band’, Welsh *benn* ‘cart’, Gr. *πενθερός* ‘father-in-law; brother-in-law, son-in-law’, Skr. *badhnāti/bandhati* ‘ties’, Pers. *bastan* ‘to bind, tie’, Oss. *бæттын* ‘to tie (sheafs)’.

138. ‘to sew’ = *siuHom.

139. ‘to count’ = *h₂ri-: Rus. dial. *pecá* ‘multitude’, Lith. *rikis* ‘formation’, Fr. *rime* ‘rhyme’, Lat. *rītus* ‘order’, OIr. *rím* ‘number’, Gr. *ἀριθμός* (ἄ) ‘number’ (*νήπιτος* ‘innumerable’), Skr. *rīti-* ‘custom, method, line’. Also *k^weit-|*k^wit- (or it means ‘to think’).

140. ‘to say’ = *h₁re-: OCS *рещи*, Lith. *reikšti* (*reiškia*) ‘to say’, Lat. *reus* ‘a party in a court’, OIr. *réimm* ‘shout’, Gr. *εἶρω* ‘I say’, Skr. *ráva-* ‘talk’, YAv. *gāθrō.rayant-* ‘shouting the holy hymns (of heretics)’.

141. ‘to sing’ = *kanom: Rus. dial. *кánня* ‘beggar’, Lith. *kañklės* ‘gusli’, Lat. *canō* ‘I sing’, Gr. *ἡϊ-κάνος* ‘rooster’, Skr. *kanda-* ‘in mus. a kind of time’, Oss. *kadæg/kadæmgæ* ‘epic recital’. Also *gāi-.

142. ‘to play’ = *leid-|*lid-: Rus. dial. *лядáщиū* ‘mad’, Lith. *láidyti* ‘to fly (a kite), to toboggan’, Lat. *lūdō* (< *loid-) ‘I play’, Gr. *λίξει* ‘plays’, Skr. *līlā* (< *līdā) ‘play, amusement’.

143. ‘to float’ = *neh₂om.

144. ‘to flow’ = *sreuom, also used is tek^w- (Gr. only has a questionable τόπος ‘place’ [38, 1494]).

145. ‘to freeze’ = *gelom|*gl-: Cz. *holet* ‘hoar-frost’, Lith. *gelumā* ‘great cold’, Lat. *gelō* ‘I freeze’, Gr. *γελανδρόν* ‘frost’, Kurd (Sina) *girsān* ‘to coagulate, stiffen’ [41, 105–106]. Also used is *sg^hal-: OCS *хладъ* ‘cold (noun)’, Latv. *gāle* ‘ice’, Lat. *hālō* ‘I blow’, Gr. *χάλαζα* ‘hail’, Skr. *hari* ‘the wind’.

146. ‘to swell’ = *b^hruH-: Rus. dial. *брунётъ* ‘to swell’, Lith. *braūna* ‘flake’, Latv. *bruka* ‘hernia’, Lat. *frux* ‘fruit’, OIr. *brū* ‘belly’, Gr. *φρούγμα* ‘arrogance’, Skr. *bhrūnās* ‘embryo’.

147. ‘sun’ = *seh₂ul|*sh₂uen-.

148. ‘moon’ = *mēns|*mēns-. NB CS *малсопоустъ* ‘40-day fast’.

149. ‘star’ = *h₂stēr|*h₂str-.

150. ‘water’ = *uodr|*udn-, coll. udōr [38, 1526–1527].
151. ‘rain’ = *h₁uer-|*h₁ur-: Macedonian (Slavic) vrne ‘rain’, Lith. versmẽ ‘spring (source)’, Lat. vēr ‘spring (time)’, OIr. feraid ‘to pour, to shower’, frass ‘rain-shower’, Gr. ἔρση/ἔερσα ‘dew’, Skr. varṣá, Av. vāra (Oss. уарын) ‘rain’.
152. ‘river’ = *ap- (*h₂ep- for Hitt. ḫa-pa-aš ‘river’, Old Arm. hawari ‘riverbed’): NB Gr. Ἀπίς ‘Peloponnesus’, Ἀπιδᾶνός/Ἠπιδανός ‘Apidanus (river in Thessaly)’.
153. ‘lake’ = *sel-: Rus. dial. *сельга* ‘shallow in a lake’, *сельгá* ‘brook’, Lith. sėliai ‘Selons’ (their home Augšzeme contains a lot of lakes), Oscan? Σιδικῖνοι ‘Italic tribe on river Liri’, Gr. ἔλος ‘swamp’, Skr. sáras ‘lake, pool’, Nuristani (Kamviri) sur ‘mountain lake or pond’.
154. ‘sea’ = *mari-: NB Gr. μαῖνος ‘seafish’, Μαρέη/Μάρεια ‘lake and town near the mouth of Nile’, Skr. maryādā ‘shore’.
155. ‘salt’ = *sals.
156. ‘stone’ = *g^{wr}H- (suffixes -au and -n give ‘millstone’): Rus. *жёрнов*, Lith. girna ‘millstone’, Lat. ūrium ‘waste rock’, OIr. brao ‘millstone’, Skr. grāvan ‘a stone for pressing out the soma’, Oss. кырой ‘mill’ (windmill: уадгырой; watermill: донгырой)?
157. ‘sand’ = *roik-: OCS рѣськъ ‘sand’, Rus. *сыпесь* ‘clay sand’, *песовый* ‘of sandy colour’, *песоватый* ‘sandy’, Lith. paišai ‘soot’, Lat. praegniarius ‘gladiator’ (cf. the meaning of arena ‘sand’), Gr. ποικίλος (ἰ) ‘motley’, Skr. puru-pēśa-, Av. paēsa- ‘leprous’.
158. ‘dust’ = *prs-: OCS прахъ, Rus. *пёрхоть*, *персть* ‘dust’, Lith. piškšnys ‘tiny cinders’, Lat. porřigo ‘scab’, Gr. παρσία ‘sap’ (cf. καρδία/κραδία, κάρτος/κράτος, θάρσος/θράσος), Skr. pṛṣan ‘spotty’, Av. paṣnu ‘dust’.
159. ‘earth’ = *ǵ^{hem}-|*ǵ^{hm}-|*ǵ^{hom}-: Rus. *наземь* ‘to the ground’, *чернозём* ‘black earth’, Lith. žemė, Lat. humus ‘earth’, Gr. Lsg. χᾶμαι ‘on earth’, Skr. jamba- ‘mud’ (kṣám ‘earth’ is not in this series), Av. zam- ‘earth’.
160. ‘cloud’ = *neb^{hes}|*neb^{hes}-.
161. ‘fog’ = *h₃mig^h-: NB Lat. migdilix ‘a term of abuse (fog-lover? ~ diligō ‘I love’): «aduenisti nos captatum, migdilix, bisulci lingua quasi proserpens bestia» (Pl. Poen.1033).
162. ‘sky’ = *dieus.
163. ‘wind’ = *h₂ueh₁nt-: NB Rus. dial. *вѣя* ‘snowstorm’, Lith. vėjėtas ‘windy’, Latv. vējenes ‘windmill’.
164. ‘snow’ = *snoig^{wh}-|*snig^{wh}-.
165. ‘ice’ = *h₁eiH-: Rus. *инеѣ* (without suffix NB Rus. dial. (Yakut.) *ue* ‘deep cavities filled with water from ice’), Lith. ýnis, Lat.

pruīna ‘hoar-frost’ (< *pruīna < *prus-īna, see № 194. ‘wet’), MBret. yen ‘cold’, Gr. ἤν-οψ ‘sparkling’, Oss. их ‘ice’, Skr. eṣati ‘glides’.

166. ‘smoke’ = *d^huHmos.

167. ‘fire’ = *ngnis: NB Welsh engyl ‘fire’, North Kurd agir ‘fire’, Yazghulami aynág ‘white stone (flint?)’, wǔyn (*aṃa-) ‘blavk’, YAv. name Dāštāyuni-, name *Ag-nu-par-nu (from Akkadian source).

168. ‘ash’ = *aHs (*h₂eHs- for Hitt. ḫāš ‘ash’, but Old Arm. ačiwn ‘ashes’!).

169. ‘to burn (transitive)’ = *d^heg^h-.

170. ‘road’ = *ponts|*pnt-: OCS пѣтъ, OPr. pintys ‘road’, Lat. pōns, Gsg. pontis ‘bridge, path’, Ir. ar fhód mhearairthe ‘on the path of error’, Gr. λόντος ‘sea, sea way’, πάτος ‘path’, Skr. patha, Osset. фæндаг ‘road’.

171. ‘mountain’ = *g^worH-|*g^wrH-: OCS гора ‘mountain’, Lith. garaĩnė ‘barren mountain’, Lat. grūmus ‘hillock’, Gr. Βορέῃς ‘north’, Skr. giri, Av. gairi ‘mountain’.

172. ‘red’ = *h₁reud^hos.

173. ‘green’ = *ǵ^heIH-|*ǵ^hIH-.

174. ‘yellow’ = *ǵ^hel-|*ǵ^hl-.

175. ‘white’ = *b^halōs: NB Rus. dial. болóнь ‘hard white film on meat’, болóнка ‘window’, болóнка ‘turnip’, бóлоко ‘cloud’, Lith. bālas ‘white’, Latv. bāls ‘pale’, OFr. baille, OBret. baill ‘paleness’, Gr. φολός ‘white’, Skr. bhāla ‘splendour (great light, luster or brilliance)’, Yazghulami vəráng ‘salt standing out on ground’, Rushani, Khufi ravār (*fra-) ‘salt effusion on ground’, Yidgha wārwan ‘Milky Way’.

176. ‘black’ = *krs-: NB Lat. cerrus ‘Turkey oak (gives ink)’, Gr. κράνον ‘Cornelian cherry’.

177. ‘night’ = *nok^wts|*nk^wt-.

178. ‘day’ = *dein-|*dīn-: OCS дьнь, Lith. dienà, Sudovian dins ‘day’, Lat. nūndinae ‘market-days (once per 9 days)’, Ir. denus ‘spatium temporis’, Gr. ἔνδιον ‘noon’ (dissimilation of n-n, as in αὐχίην, ἦτρον, μειδῶς), Skr. dīna- ‘day’, MPers. ādīna ‘friday’, Ishkashimi dīn ‘day’.

179. ‘year’ = *uetos.

180. ‘warm’ = *g^wher-.

181. ‘cold’ = *gel-|gl- (see № 145. ‘to freeze’).

182. ‘full’ = *plHnos.

183. ‘new’ = *neuos (secondary ew > ow in Balt., Slav., It., Celt.).

184. ‘old (of things)’ = *uetus: NB Skr. vātula ‘affected by wind-disease, gouty, rheumatic’.

185. ‘good’ = *h₁ues-.

186. ‘bad’ = *ǵ^hul-: OCS зьль ‘bad, evil’, Lith. atžūlas, atžūlūs ‘heartless, unfeeling’, ižūlūs ‘boring, insolent, rude’, Lat. ulcus ‘ulcer; weak

or sore spot', ultor 'avenger', OIr. olc (Lepontic Ulkos) 'bad, evil', *χολός* 'lame', Skr. *hvalati* 'goes crookedly or wrongly or deviously', Av. *zūrah-* 'injustice' (Oss. *æwzæp* 'bad').

187. 'rotten' = *puH-.

188. 'dirty' = *melH-|*mlH-: Rus. *малевать* 'to daub', лит. *mólis* 'clay', Lat. *malus* 'weed', OIr. *malcad* 'rottenness', Gr. *μέλας* 'dark', Skr. *malina-*, *samala-* 'dirty', Oss. *mīl/mel* 'soot; back spot', Tajik *murdor* 'dirty'.

189. 'straight' = *h₃reg̃tos: Rus. dial. *рѣмка* 'mandrel for stropping the scythe', *ремуо́у* 'healthy, trig, reliable', Lith. *réžtas* 'order', Lat. *rēctus* 'straight', OIr. *recht* 'law' (cf. meaning of Old Rus. *правда* 'law' ~ *правьи* 'straight'), Gr. *ῥεκτός* 'stretched out'.

190. 'round' = *uol-|*uel-|*ul-: Rus. dial. *обвалить* 'to encircle', Pol. *obły* 'round', Lith. *apvalūs* 'round', *vėlenas* 'axle', Lat. *volūmen* 'ring', Welsh *olwyn* 'wheel', Gr. *ῥόμος* 'round stone, roller', Skr. *valaya* 'ring', Old Pers. *vart-* 'round'.

191. 'sharp (as a knife)' = *h₂ok̃r|*h₂ek̃on-.

192. 'dull (as a knife)' = *ne h₂ok̃r? All the words for 'dull' are derived: OCS *тѣпъ* 'dull' (< *top-n- 'beaten'), Lith. *šipti* 'to become dull' (~ *šipulys* 'chip'), *brizgėti* 'to become dull' (~ *brizgti* 'to frazzle'), *būkas* 'dull' (~ Latv. *buknīt* 'to poke'), Latv. *truls* 'dull' (~ *trunēt* 'to rot, decay'), Lat. *hebes* (< 'weak'), Gr. *κωφός* (< 'weak'), *ἀμβλύς* (< 'weak'), Bengal *bhota* (< *b^hug-t- 'bent?'), Skr. *cipitha* (< 'flattened'), *muṅkha-* (< 'bald'), *hṛṣita-* (< 'bent'), *tūparā-* (< tup- 'to hurt'), *kuṅṭha-* (< *kunṭ-* 'to hurt, injure', *kun-* 'bad-') ~ Pers. *kond* 'dull'. So there was no separate root for this concept in PIE. Moreover, all the metaphors are dialectal: from 'beaten' ('broken', 'crushed') only in Balto-Slavic, from 'decayed' – only in Latv., from 'bent' and 'flattened' – only in Indo-Aryan, from 'injured' – only in Indo-Iranian, from 'weak' – only in Gr. and Lat. This forces the reconstruction of 'dull' as 'not + sharp' (the only morphological reconstruction in the list).

193. 'smooth' = *g^hleHd^h-|*g^hlHd^h-: OCS *гладъкъ*, Latv. *gluds*, Lat. *glaber* 'smooth', Bret. *glann* 'shore', Gr. *χλᾶνίς* 'blanket', Skr. *hradā-* 'big water space', Pers. *lašan* 'smooth'.

194. 'wet' = *prus-: Rus. *прыскаць*, Serb.-Croat. *pr̃skati* 'to splash', Lith. *praūsti* 'to wash', Lat. *pruīna* 'hoar-frost' (< *pruīna < *prus-īna, см. п. 165 'ice'), Welsh *rhew* 'frost', Gr. *πρώξ* 'dewdrop', Skr. *pruṣita-* 'wet', Khotanese *pruha-* 'hoar-frost, dew'.

195. 'dry' = *ssk- (< *sek-|*sk- 'to become dry': Lith. *sėkti* (*seika*, *sėko*), Rus. *сыкнутъ* 'to dry out'): Rus. dial. *сех* 'oven' in a riddle «Старик во сеху, Переселся со смеху» (answer: a pot with boiling water

in an oven), *сѣхнутъ* ‘to dry out’ (contaminated with *сѣхнутъ*), Lith. *sùskis* ‘having tetter’, Lat. *siccus* ‘dry’, Mlr. *sesc* ‘dry’, MWelsh *hysp* ‘dry’, Gr. *ισχνός* ‘dry’, *ἔσκετο φωνή* ‘the voice broke down’, Skr. *a-sásucuṣi-* ‘not drying up’, Av. *hišku-* ‘dry’.

Also used is **sh₂eus-/*sh₂us-*: OCS *соухъ* ‘dry’, OPr. *sausai* ‘сухо, насыхо’, Lat. *sūdus* (-sd- > -d-, except for compounds), греч. *αῦος* ‘dry’ (h-h > Ø-h by Grassmann’s law), Illyr. (Hesych.) *σαυκόν* ‘dry’, Skr. *śoṣas* ‘dryness’ (< **siaušas* < **sHeusos*), *śúṣkas*, Av. *huška-* ‘dry’.

196. ‘correct (true)’ = **h₁sonts*.

197. ‘near’ = **h₁opi|*h₁epi*.

198. ‘far’ = **duh₂-|*duh₂-*: Pol. dial. *dy* ‘dalej!’, Rus. dial. *дѣле* ‘further’, Lith. *dūliuoti* ‘to appear vaguely’, Lat. *dūdum* ‘long ago’, Bret. doun ‘deep’, Gr. *δῆν* ‘long ago’, Skr. *dūrā*, Pers. *dur* ‘far’.

199. ‘right’ = **deks-*.

200. ‘left’ = **laiuos*: NB Skr. *revaṭa-* ‘a muscle or a conch-shell which coils from right to left’ (Oss. *галиу* ‘left’ requires the explanation for the ra-: is this the intensitive particle *ghā*, as in Skr.? it generally looks as *γ*- in Oss.).

201. ‘at’ = **prei*.

202. ‘in’ = **en|*n*.

203. ‘with’ = **so*: OCS *съ* ‘with’ (see about the variations of prepositions/prefixes *без, въ, до, за, из, къ, на, о, от, по, подъ, при, прѣдъ, съ* with added -н- before j- and *ЛТИ/НАТИ* ~ Lith. *im̃ti/Latv. ņemt* in [19] with the literature), OPr. *sa-* (*sallūban* ‘spouse’, *sauinsle* ‘belt’), Lat. *sospes*, -itis ‘safe’ (~ *spēs* ‘hope’), OIr. *sommae* ‘rich’ < **so-ofsmiyo-* (cp. OIr. *doimm* ‘poor’ < **dus-ops-mi-*, Lat. *ops*, Skr. *āpna-* ‘wealth’), Gr. *ὄς* ‘my own/your own’ (≠ *σός* ‘your own’), Skr. *sākām* ‘with’.

204. ‘and’ = **k^we*.

205. ‘if’ = **kā*: Rus. *как* ‘if’, Lith. *kad* ‘if’, Portuguese *caso* ‘if’, Gr. *κέ(ν)/κά* (*ᾱ*) ‘if’, Pashto *ka* ‘if’.

206. ‘because’ = **g^hi*.

207. ‘name’ = **h₃neh₃mn|*h₃nh₃men-* [39, 412].

Out of 207 concepts:

– in 161 the root is reflected in all 7 groups (Baltic, Slavic, Italic, Celtic, Greek, Indo-Aryan and Iranian);

– in 36 the root is missing in one group: 16 in Celtic (‘all’, ‘at’, ‘back’, ‘blood’, ‘child’, ‘dust’, ‘fall’, ‘fruit’, ‘lake’, ‘left’, ‘push’, ‘sand’, ‘short’, ‘tongue’, ‘tail’, ‘when’), 16 in Iranian (‘animal’, ‘count’, ‘fat’, ‘flow’, ‘hair’, ‘hand’, ‘heart’, ‘laugh’, ‘play’, ‘skin’, ‘stone’, ‘swell’, ‘this’, ‘throw’, ‘wash’, ‘with’), 4 in Indo-Aryan (‘egg’, ‘human’, ‘straight’, ‘scratch’), 0 in Italic, 0 in Baltic, 0 in Slavic.

– in 10 the root is missing in two groups from different branches ('bark', 'freeze', 'if' in Celtic and Indo-Aryan, 'grass', 'guts', 'louse', 'smooth', 'some', 'smell', 'stick' in Celtic and Iranian), this was the worst case.

The cases when the Greek reflex is missing are not considered according to the limitations. This research might poorly reflect the groups where a considerable proportion of data was taken from etymological dictionaries (Iranian, Celtic).

The stats for the roots were also counted in Germanic languages, because they are the most studied of all peripheral Indo-European languages. Out of 207 concepts there are cognates for 123 (i. e. 59%, unlike 100% in other branches), including the words known only in West Germanic or only in East Germanic. Not found: 'all', 'animal', 'at', 'back', 'bad', 'bark', 'bird', 'blood', 'blow', 'bone', 'burn', 'child', 'count', 'day', 'dig', 'dirty', 'drink', 'dry', 'dull', 'dust', 'earth', 'fall', 'far', 'fear', 'fight', 'fire', 'float', 'flower', 'fog', 'forest', 'fruit', 'give', 'good', 'green', 'guts', 'hair', 'here', 'hold', 'how', 'if', 'kill', 'lake', 'leaf', 'left', 'leg', 'live', 'liver', 'louse', 'mountain', 'narrow', 'old', 'play', 'pull', 'push', 'rain', 'river', 'road', 'root', 'rope', 'round', 'rub', 'sand', 'say', 'scratch', 'sharp', 'sky', 'smell', 'some', 'split', 'squeeze', 'stick', 'that', 'there', 'tongue', 'tree', 'true', 'turn', 'walk', 'we', 'what', 'when', 'where', 'white', 'wife', 'wipe', 'with', 'worm', 'year'. (This list contains 21 of 26 words not found in Celtic, except freeze, grass, short, smooth, tail.)

This confirms the assumption that Germanic branch does not descend from the core PIE, but is in fact peripheral (preceding research has shown that 45,3% of Germanic strong verbs don't have Indo-European etymology [52, 168]).

NB: we can only state that we have not found the reflexes, but we cannot exclude them, because for most languages we don't have access to "complete" dictionaries (if they exist at all), and our method doesn't allow us to find prefixed words effectively.

Conclusions

It was possible to deduce a list of 207 concepts for PIE with strict limitations (reflection in all 4 main branches, no non-standard phonemes, no violations of satemization).

For 161 concepts, the root is reflected in all 7 groups (Baltic, Slavic, Italic, Celtic, Greek, Indo-Aryan and Iranian). Initially, it was supposed to use language branches in an expanded sense. But in practice, neither Macedonian nor Phrygian language data, nor ungrouped Italo-Celtic languages were needed, and there was only one case ('lake') where Nuristani data substitutes Iranian, which is compensated by the presence

of the corresponding word in Sanskrit. As for Balto-Slavic, there are no cases where the comparison is based on a single dialect example.

Additionally, Baltic, Slavic, Italic, Greek reflect all the roots. So the result doesn't depend on Italo-Celtic hypothesis and even on Balto-Slavic theory.

Out of 207 cases, the full form of the word is restored in 128.

Morphological reconstruction was needed only in 1 case: 'dull'.

And s-mobile was not needed in any case.

The result suggests that the 4 main branches of PIE are not just closer to each other than it was previously thought, but they have a direct common ancestor, which can be called the «core PIE». We can talk about the possibility of compiling a dictionary of this core PIE. The proposed composition of the dictionary (not counting the introductions, indexes, etc.):

1. Applied phonetic correspondences with the lists of reliable examples.

2. Prefixes and prepositions with meanings and examples.

3. Suffixes with meanings and examples.

4. Inflections (case and gender), inflection of names and verbs.

5. Remarks on accentology. For example: according to the existing theory of Proto-Slavic stress, simultaneous orthogonal marking by length, ictus and tone is required [11, 12], and it is tied not to vowels or syllables, but to morphemes [12, 12], in contrast, for example, to the CVRVc, CVRVCa system in Russian [20]; the high speed of stress mutation is clearly visible in Russian [13, 371–387], for example, the groups of words on *-аж*, *-аму* have changed stress in just one hundred years; the main mechanisms of stress formation are contraction (different dropped consonants can give different tones), vowel length and analogy.

6. Remarks about ablaut. It is necessary to bring together different theories [52; 46; 68; 58], using the data of core PIE as relatively more reliable material.

7. Root morphemes or reconstructed words in their entirety (usually only this part is published).

8. Reverse dictionary (some of the concepts have to be reconstructed using the above affixes, and such cases should be specially marked).

The presence of a reverse dictionary ensures that it is a language that is being reconstructed, not a random set of words. The compilation of the reverse dictionary can begin with this Swadesh list, then moving on to 400-word dictionary (for example, [65]), further adding concepts from Basic English [53] (850 words), [32] (about 1500 words), [54] (about 3000 words). At the latest stages, we need perfect knowledge of PIE morphology, because some words have to be reconstructed

morphologically. It is unlikely that we can get all the concepts directly from known languages, even if we use their «complete» dictionaries.

It makes sense (at least to obtain statistics on word substitutions in less noisy material than literary languages and various dictionaries of PIE) to reconstruct in parallel some of the intermediate proto-languages, namely Proto-Balto-Slavic and Proto-Indo-Iranian.

At the moment, we are working on 400-word dictionaries for core PIE, Proto-Indo-Iranian, Proto-Balto-Slavic, separately Proto-Baltic and Proto-Slavic. The material we are working with is posted at [33].

Список источников

1. Андреев Н. Д. Ранне-индоевропейский праязык. Ленинград: Наука, 1986. 328 с.
2. Аникин А. Е. Русский этимологический словарь (проект). М., 2007. 71 с.
3. Вендина Т. И. Лексический атлас русских народных говоров и принцип системности в лингвогеографической проекции лексики // Лексический атлас русских народных говоров (материалы и исследования). Санкт-Петербург: Нестор-История, 2013. С. 102–118.
4. Гамкрелидзе Т. В., Иванов Вяч. Вс. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Тбилиси, Изд-во Тбилисского Университета, 1984. 1328 сс. (в 2 т. со сплошной нумерацией страниц).
5. Гацалова Л. Б., Парсиева Л. К. Большой русско-осетинский словарь: около 60000 слов и выражений. Владикавказ: ИПО СОИГСИ, 2011. 687 с.
6. Геровъ Найдень. Рѣчникъ на българский языкъ: в 5 т. с дополнением. Пловдив: Съгласие, 1895–1908. Т. 5. 476 с.
7. Даль В. Толковый словарь живаго великорускаго языка. 3-е изд.: в 4 т. Санкт-Петербург, Москва: Изд. Т-ва М.О. Вольф, 1903–1909.
8. Дворецкий И. Х. Древнегреческо-русский словарь: около 70000 слов / в 2 т. Москва: ГИС, 1958.
9. Дворецкий И. Х. Латинско-русский словарь: около 50000 слов. 2-е изд., переработ. и доп. Москва: Русский язык», 1976. 1096 стр.
10. Добродомов И. Г., Шаповал В. В. Стрѣма! (Из историко-лексикологических маргиналий к одному лексикографическому проекту) // Единым письмен употреблением памяти подкрепляется вечность. Санкт-Петербург: Наука, 2007. С. 183–210.

11. Дыбо В. А., Замятина Г. И., Николаев С. Л. Основы славянской акцентологии / отв. ред. Р. В. Булатова. Москва: Наука, 1990. 284 с.
12. Дыбо В. А. Морфонологизованные парадигматические акцентные системы: Типология и генезис. Т. I. Москва: Языки русской культуры, 2000. 736 с.
13. Зализняк А. А. От праславянской акцентуации к русской. Москва: Наука, 1985. 428 с.
14. Земская Е. А., Китайгородская М. В., Ширяев Е. Н. Русская разговорная речь. Общие вопросы. Словообразование. Синтаксис. Москва: Наука, 1981. 276 с.
15. Ирландский словарь The electronic Dictionary of the Irish Language (eDIL). [Электронный ресурс]. URL: <http://www.dil.ie/38500> (дата обращения: 05.06.2023).
16. Кимрский словарь (словарь уэльского языка). [Электронный ресурс]. URL: <https://www.geiriadur.ac.uk/gpc/gpc.html> (дата обращения: 05.06.2023).
17. Нидерман М. Историческая фонетика латинского языка. Москва: Изд-во иностранной литературы, 1949. 191 с.
18. Орфовики: Суффиксы. [Электронный ресурс]. URL: <http://орфография.орг/вики/Суффиксы> (дата обращения: 05.06.2023).
19. Орфовики: Сън. [Электронный ресурс]. URL: <http://орфография.орг/вики/Сън> (дата обращения: 05.06.2023).
20. Орфовики: Ударение в полногласии. [Электронный ресурс]. URL: Ударение в полногласии – Орфовики (xn--80afqvalc3ae5i.xn--c1avg) (дата обращения: 05.06.2023).
21. Орфовики: Цв. [Электронный ресурс]. URL:Цв – Орфовики (xn--80afqvalc3ae5i.xn--c1avg) (дата обращения: 05.06.2023).
22. Саенко М. Н. Общие инновации в базовой лексике как аргумент в дискуссии о балто-славянском единстве. Автореф. дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.20. Москва, 2015. 27 с.
23. Саенко М. Н. Реконструкция праславянского списка Сводеша // Вестник РГГУ. Серия: Филологические науки. Языкознание. 2013. № 10. С. 139–148.
24. Словарь русских народных говоров / Академия наук СССР, Институт русского языка, Словарный сектор. Вып. 1–48. Москва, Ленинград: Наука, Ленинградское отделение. 1965–2015.
25. Словарь современного русского народного говора (д. Деулино Рязанского района Рязанской области) / Под ред. И. А. Оссовецкого. Москва: Наука, 1969. 612 с.

26. Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка: в 3 т. Санкт-Петербург: Тип. Императорской Академии наук, 1893–1912.

27. Трубачёв О. Н. Примечание на ст. *ход* // Фасмер М. Этимологический словарь русского языка / Пер. с нем. и дополнения О. Н. Трубачева. Под ред. с предисл. проф. Б. А. Ларина. 2-е изд., стереотипн.: в 4 т. Москва: Прогресс, 1986–1987. Т. IV, 1987. С. 253.

28. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка / Пер. с нем. и дополнения О. Н. Трубачева. Под ред. с предисл. проф. Б. А. Ларина. 2-е изд., стереотипн.: в 4 т. Москва: Прогресс, 1986–1987.

29. Цейтлин Р. М. Лексика старославянского языка. Опыт анализа мотивированных слов по данным древнеболгарских рукописей X–XI вв. Москва: Наука, 1977. 336 с.

30. Этимологический словарь иранских языков / В. С. Расторгуева, Д. И. Эдельман; Ин-т языкознания РАН. Москва: Восточная литература РАН. Т. 1–6. 2000–2020.

31. Этимологический словарь славянских языков (ЭССЯ): Праславянский лексический фонд. Москва: Наука, 1974–2021. Вып. 1–41.

32. AECMA Simplified English [Электронный ресурс]. URL: AECMA Simplified English (techscribe.co.uk) (дата обращения: 22.02.2023).

33. Alonocoder [Электронный ресурс]. URL: <http://alonocoder.nedopc.com/ling/PIE/index.html> (дата обращения: 22.02.2023).

34. Balto-Slavica [Электронный ресурс]. URL: <http://www.balto-slavica.org/forum/index.php?showtopic=23334&page=2#entry385951> (дата обращения: 15.03.2023).

35. Blažek Václav. Indo-European kinship terms in *-ǵ2TER // Grammaticvs: studia linguistica Adolfo Erharto quinque et septuagenario oblata. Brně: Masarykova univerzita, 2001. Pp. 24–33.

36. Bystrov Dm., Yastrebov-Pestritskiy M. Searching for the lexical core of Proto-Indo-European language // Вестник славянских культур. 2020. № 57. С. 183–200.

37. Etymological Dictionary of the Baltic Inherited Lexicon / by R. Derksen (Leiden Indo-European Etymological Dictionary Series). Vol. 13. Leiden, Boston: Brill, 2015. 684 p.

38. Etymological dictionary of Greek / by R. Beekes; with the assistance of L. van Beek (Leiden Indo-European etymological dictionary series). Vol. 10/1. Leiden, Boston: Brill, 2009. 1839 p.

39. Etymological dictionary of Latin and the other Italic languages / by M. de Vaan (Leiden Indo-European etymological dictionary series). Vol. 7. Leiden, Boston: Brill, 2008. 825 p.
40. Etymological dictionary of proto-Celtic / by R. Matasovic. p. em. (Leiden Indo-European etymological dictionary series). Vol. 9. Leiden, Boston: Brill, 2008. 458 p.
41. Etymological dictionary of the Iranian verb / by Johnny Cheung. (Leiden Indo-European etymological dictionary series). Vol. 2. Leiden, Boston: Brill, 2007. 600 p.
42. Fontana, Alessandro. The Proto-Indo-European anaphoric and relative pronouns: analysis and considerations. Leiden University. 99 p. [Электронный ресурс]. URL: The Proto-Indo-European anaphoric and relative pronouns: analysis and considerations (universiteitleiden.nl) (дата обращения: 22.03.2023).
43. Google Translate. [Электронный ресурс]. URL: <https://translate.google.com/> (дата обращения: 15.03.2023).
44. Griffiths A., Lubotsky A. Two Words for 'sister-in-law'? Notes on Vedic *yātar-* and *giri-*. // *Beiträge zur Iranistik*. Band 30. Wiesbaden, 2009. Pp. 115–121.
45. Hamp E. P. Indo-European 'ego', Slavic *ja* = Runic *ek*, and Celtic *Ø* // *Slavia Centralis*. 2011. Vol 4/1. Pp. 5–13.
46. Kloekhorst Alwin. The Proto-Indo-European acrostatic inflection reconsidered / *Das Nomen im Indogermanischen*. Wiesbaden: Reichert Verlag, 2014. Pp. 140–163.
47. *Latviešu – krievu vārdnīca*. Rīga: Liesma, 1979-1981: 1-2 vol.
48. Liddell H. G.; Scott R. *A Greek-English Lexicon*. New York: Harper & Brothers, Franklin Square, 1883. 1776 p.
49. Liddell H. G.; Scott, R.; Jones, H. S. *A Greek-English Lexicon*. New ed. 2 vols. Oxford: Clarendon Press, 1940.
50. *Lietuvių kalbos žodynas*. [Электронный ресурс]. URL: <http://lkz.lt/> (дата обращения: 14.03.2023).
51. Lyberis Antanas. *Lietuvių-rusų kalbų žodynas*. Ketvirtoji laida. / Spec. redaktorius prof. habil. dr. Valerijus Čekmonas. Vilnius: Mokslo ir enciklopedijų leidybos institutas, 2005. 951 p.
52. Mailhammer, Robert. *The Germanic strong verbs: foundations and development of a new system* (Trends in linguistics. Studies and monographs). Berlin, New York: Mouton de Gruyter, 2007. 272 p.
53. Ogden C. K. *The Basic Books*. / Supplement to *The Basic News*, January, 1938. Cambridge: The Orthological Institute, 1938. p. 4. [Электронный ресурс]. URL:

http://zenglish.net/sites/basic/basic_books.html (дата обращения: 22.02.2023).

54. Oxford 3000. [Электронный ресурс]. URL: https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/external/pdf/wordlists/oxford-3000-5000/The_Oxford_3000.pdf (дата обращения: 22.02.2023).

55. Oxford Latin Dictionary. – Oxford: At the Clarendon Press, 1968. 2126 с.

56. Peterson Joseph H. Dictionary of most common AVESTA words. 1995. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.avesta.org/avdict/avdict.htm> (дата обращения: 22.02.2023).

57. Pokorny J. Indogermanisches Etymologisches Wörterbuch. / Band 1–3. Bern, München, 1959.

58. Pooth R. A. The Proto-Indo-European aspect system. Published at www.academia.edu on 2014-12-26. [Электронный ресурс]. URL:

https://www.academia.edu/9910503/The_Prototo_Indo_European_aspect_system (дата обращения: 22.02.2023).

59. Pooth R. A. There will be ‘blood’. The etymology of Greek *ὀπώρα* and Proto-Germanic **asani-* and the function of the o-grade in Proto-Indo-European // FIU Research Comment – Vouvant, Vendée, France; Cologne, Rhineland, Germany; Ghent, Flandres, Belgium, 3–7 August 2018, revised 13–15 November 2018. [Электронный ресурс]. URL:

https://www.academia.edu/37804863/There_will_be_blood_The_etymology_of_Greek_%E1%BD%80%CF%80%CF%8E%CF%81%CE%B1_and_Prototo_Germanic_asani_and_the_function_of_the_o_grade_in_Prototo_Indo_European (дата обращения: 15.03.2023).

60. Rix H. Lexikon der Indogermanischen Verben. Wiesbaden: DR. Ludwig Reichert Verlag, 2001. 824 p.

61. Sanskrit – Dictionary. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.learnsanskrit.cc/> (дата обращения: 15.03.2023).

62. Sanskrit Dictionary. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.sanskritdictionary.com/> (дата обращения: 15.03.2023).

63. Słownik gwar polskich. / Ułożył Jan Karłowicz. В 6 т. Kraków, 1900-1911. Vol. 5. 476 p.

64. Słownik Staropolski. / kierownik Stanisław Urbańczyk. 1-11 vol. Polska Akademia Nauk, 1953–2002. Т. 1, Warszawa, 1953–1955. Т. 6, Wrocław – Warszawa – Kraków, 1970–1973.

65. Starostin, George; Kassian, Alexei; Trofimov, Artem; Zhivlov, Mikhail. 2017. 400-item basic wordlist for potentially «Nosstratic» languages. Moscow: Laboratory for Oriental and Comparative Studies

of the School of Advanced Studies in the Humanities, Russian Presidential Academy. [Электронный ресурс]. URL: <http://starling.rinet.ru/new400> (дата обращения: 23.03.2023).

66. Steingass F. J. A Comprehensive Persian-English dictionary, including the Arabic words and phrases to be met with in Persian literature. London: Routledge & K. Paul, 1892. [Электронный ресурс]. URL: <https://dsal.uchicago.edu/dictionaries/steingass/> (дата обращения: 15.03.2023).

67. Swadesh M. Lexico-statistic Dating of Prehistoric Ethnic Contacts // Proceedings of the American Philosophical Society. 1952. Vol. 96. № 4. Pp. 452-463.

68. Vidal M. C. Proto-Indo-European nominal Ablaut patterns. 2014. [Электронный ресурс]. URL: https://www.academia.edu/8450869/Proto_Indo_European_nominal_Ablaut_patterns (дата обращения: 15.03.2023).

69. Vovin A. The End of Altaic Controversy // Central Asiatic Journal. 2008. № 57 (1). Pp. 71–132.

REFERENCES

1. Andreev N. D. Early Indo-European Proto-language. Leningrad.: Nauka, 1986. 328 p. P. 77 (In Russ.).

2. Anikin A. E. Russian Etymological Dictionary (project). Moscow, 2007. 71 p. Pp. 18–21 (In Russ.).

3. Vendina T. I. Lexical atlas of Russian vernacular dialects and the principle of consistency in the lingua-geographic projection of vocabulary / Lexical atlas of Russian vernacular dialects (Materials and research) / In-t of linguistic researches. St. Petersburg: Nestor-Istoriya, 2013. P. 102–118. (In Russ.).

4. Gamkrelidze T. V., Ivanov V. V. Indo-European language and Indo-Europeans. Tbilisi, «Tbilisi University Publishing House», 1984. 1328 ss. (in two volumes with continuous page numbering). (In Russ.).

5. Gatsalova L. B., Parsieva L. K. Large Russian-Ossetian dictionary: about 60,000 words and expressions. Vladikavkaz: IPO SOIGSI, 2011. 687 p. (In Russ.).

6. Geroev Naiden. The Bulgarian language dictionary. Plovdiv, 1895–1908. Vol. 5. 476 p. 156. (In Bulg.).

7. Dahl' V. Explanatory dictionary of the Great-Russian language. 3rd ed. St. Petersburg, Moscow: Publishing house of M. O. Wolf, 1903-1909. Vol. 1-4. (In Russ.).

8. Dvoretzky I. H. Ancient Greek-Russian Dictionary. 2 v. Moscow: State Publishing House of Foreign and National Dictionaries, 1958. (In Russ.).

9. Dvoretzky I. H. Latin-Russian dictionary. 2nd edition, reworked and additional. Moscow: Russian language, 1976. 1096 p. (In Russ.).
10. Dobrodomov I. G., Shapoval V. V. Strioma! (From historical and lexicological marginalia to complex lexicographic project) // Eternity is supported by a single written use of memory. St. Petersburg, 2007. Pp. 183–210. (In Russ.).
11. Dybo V. A., Zamyatina G. I., Nikolaev S. L. Fundamentals of Slavic accentology / ed. by R. V. Bulatov. Moscow: Nauka (Science), 1990. 284 p. (In Russ.).
12. Dybo V. A. Morphonologized paradigmatic accent systems: Typology and genesis. Russian Culture Languages, 2000. 736 з. (In Russ.).
13. Zaliznyak A. A. From the Proto-Slavic accentuation to Russian one. Moscow: Nauka, 1985. 428 p. (In Russ.).
14. Zemsкая E. A., Kitaygorodskaya M. V., Shiryayev E. N. Russian colloquial speech. General questions. Word formation. Syntax. Moscow: Nauka, 1981. 276 p. (In Russ.).
15. The electronic Dictionary of the Irish Language (eDIL). URL: <https://dil.ie/38838> (accessed 05.06.2023).
16. Welsh dictionary. URL: <https://www.geiriadur.ac.uk/gpc/gpc.html> (accessed 05.06.2023).
17. Niedermann M. Historical phonetics of the Latin language. Moscow: Publishing House of Foreign Literature, 1949. 190 p. (In Russ.).
18. Orthowiki: Suffixes. URL: <http://орфография.орг/вики/Суффиксы> (accessed 05.06.2023).
19. Orthowiki: S'n. URL: <http://орфография.орг/вики/Сън> (accessed 05.06.2023).
20. Orthowiki: Stress in full-voicing. URL: http://орфография.орг/вики/Ударение_в_полногласии (accessed 05.06.2023).
21. Orthowiki: Ts'v. URL: <http://орфография.орг/вики/Цв> (accessed 05.06.2023).
22. Sayenko M. N. General innovations in the basic vocabulary as an argument in the discussion about the Baltic-Slavic unity. Abstract of the dissertation for the degree of Candidate of Philological Sciences. Moscow, 2015. 27 p. (In Russ.).
23. Sayenko M. N. Reconstruction of the Proto-Slavic list of Svodesh // Journal of Language Relationship. 2013. Questions of linguistic kinship. Russian Dictionary. 10. Pp. 139–148. (In Russ.).

Dmitry M. Bystrov, Mikhail S. Yastrebov-Pestritskiy

24. Dictionary of Russian Vernacular / Academy of Sciences of the USSR, Institute of the Russian Language, Dictionary Sector. Issues 1–48. Moscow, Leningrad: Nauka, Leningrad Branch, 1965–2015. (In Russ.).

25. Dictionary of modern Russian folk dialect (count. Deulino, Ryazan district, Ryazan region) / Edited by I. A. Ossovetsky. Moscow: Nauka, 1969. 612 p. (In Russ.).

26. Sreznevsky I. I. Materials for the dictionary of the Old Russian language. SPb.: Imperial Academy of Sciences, 1893–1912. Vol. 1–3. (In Russ.).

27. Trubachev O. N. Note on art. khod in: Vasmer M. Etymological dictionary of the Russian language / Trans. from it. and additions by O. N. Trubachev. Edited with a preface by prof. B. A. Larin. 2nd ed., stereotype. In 4 vv. Moscow: Progress, 1986–1987. Vol. IV, 864 p., P. 253 («khod»). (In Russ.).

28. Vasmer M. Etymological dictionary of the Russian language / Trans. from German and additions by O. N. Trubachev. Edited with a preface by prof. B. A. Larin. 2nd ed., stereotype. In 4 volumes. Moscow: Progress, 1986–1987. (In Russ.).

29. Tseitlin R.M. Vocabulary of the Old Slavic language. The experience of analyzing motivated words according to the data of Ancient Bulgarian manuscripts of the X–XI centuries. Moscow: Nauka, 1977. 336 p. (In Russ.).

30. Etymological Dictionary of Iranian Languages. V. S. Rastorgueva, D. I. Edelman; Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences. Moscow: Publishing Company «Oriental Literature» of the Russian Academy of Sciences; Nauka – East. Lit., 2000–2020. Vv. 1–6. (In Russ.).

31. Etymological Dictionary of Slavic Languages: Proto-Slavic Lexical Fund. Moscow: Nauka, 1974–2021. Issues 1–41. (In Russ.).

32. AECMA Simplified English. URL: <https://stefannystrom.com/arkivet/AECMA%20Simplified%20English.pdf> (accessed 22.02.2023). (In Eng.).

33. Alonecoder [Электронный ресурс]. URL: <http://alonecoder.nedopc.com/ling/PIE/index.html> (дата обращения: 22.02.2023). (In Eng.).

34. Balto-Slavica [Электронный ресурс]. URL: <http://www.balto-slavica.org/forum/index.php?showtopic=23334&page=2#entry385951> (дата обращения: 15.03.2023). (In Eng.).

35. Blažek Václav. Indo-European kinship terms in *-ǵ2TER // *Grammaticvs: studia linguistica Adolfo Erharto quinque et septuagenario oblata*. Brně: Masarykova univerzita, 2001. Pp. 24–33. (In Eng.).
36. Bystrov Dm., Yastrebov-Pestritskiy M. Searching for the lexical core of Proto-Indo-European language // *Вестник славянских культур*. 2020. № 57. С. 183–200. (In Eng.).
37. Etymological Dictionary of the Baltic Inherited Lexicon / by R. Derksen (Leiden Indo-European Etymological Dictionary Series). Vol. 13. Leiden, Boston: Brill, 2015. 684 p. (In Eng.).
38. Etymological dictionary of Greek / by R. Beekes; with the assistance of L. van Beek (Leiden Indo-European etymological dictionary series). Vol. 10/1. Leiden, Boston: Brill, 2009. 1839 p. (In Eng.).
39. Etymological dictionary of Latin and the other Italic languages / by M. de Vaan (Leiden Indo-European etymological dictionary series). Vol. 7. Leiden, Boston: Brill, 2008. 825 p. (In Eng.).
40. Etymological dictionary of proto-Celtic / by R. Matasovic. p. em. (Leiden Indo-European etymological dictionary series). Vol. 9. Leiden, Boston: Brill, 2008. 458 p. (In Eng.).
41. Etymological dictionary of the Iranian verb / by Johnny Cheung. (Leiden Indo-European etymological dictionary series). Vol. 2. Leiden, Boston: Brill, 2007. 600 p. (In Eng.).
42. Fontana, Alessandro. The Proto-Indo-European anaphoric and relative pronouns: analysis and considerations. Leiden University. 99 p. [Электронный ресурс]. URL: The Proto-Indo-European anaphoric and relative pronouns: analysis and considerations (universiteitleiden.nl) (дата обращения: 22.03.2023). (In Eng.).
43. Google Translate. [Электронный ресурс]. URL: <https://translate.google.com/> (дата обращения: 15.03.2023). (In Eng.).
44. Griffiths A., Lubotsky A. Two Words for 'sister-in-law'? Notes on Vedic yātar- and giri-. // *Beiträge zur Iranistik*. Band 30. Wiesbaden, 2009. Pp. 115–121.
45. Hamp E. P. Indo-European 'ego', Slavic ja = Runic ek, and Celtic Ø // *Slavia Centralis*. 2011. Vol 4/1. Pp. 5–13. (In Eng.).
46. Kloekhorst Alwin. The Proto-Indo-European acrostatic inflection reconsidered / *Das Nomen im Indogermanischen*. Wiesbaden: Reichert Verlag, 2014. Pp. 140–163. (In Eng.).
47. Latviešu – krievu vārdnīca. Rīga: Liesma, 1979-1981: 1-2 vol. (In Latv.).
48. Liddell H. G.; Scott R. A Greek-English Lexicon. New York: Harper & Brothers, Franklin Square, 1883. 1776 p. (In Eng.).

49. Liddell H. G.; Scott, R.; Jones, H. S. A Greek-English Lexicon. New ed. 2 vols. Oxford: Clarendon Press, 1940. (In Eng.).

50. Lietuvių kalbos žodynas. [Электронный ресурс]. URL: <http://lkz.lt/> (дата обращения: 14.03.2023). (In Lith.).

51. Lyberis Antanas. Lietuvių-rusų kalbų žodynas. Ketvirtoji laida. / Spec. redaktorius prof. habil. dr. Valerijus Čekmonas. Vilnius: Mokslo ir enciklopedijų leidybos institutas, 2005. 951 p. (In Lith.).

52. Mailhammer, Robert. The Germanic strong verbs: foundations and development of a new system (Trends in linguistics. Studies and monographs). Berlin, New York: Mouton de Gruyter, 2007. 272 p. (In Eng.).

53. Ogden C. K. The Basic Books. / Supplement to The Basic News, January, 1938. Cambridge: The Orthological Institute, 1938. p. 4. [Электронный ресурс]. URL: http://zbenglish.net/sites/basic/basic_books.html (дата обращения: 22.02.2023). (In Eng.).

54. Oxford 3000. [Электронный ресурс]. URL: https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/external/pdf/wordlists/oxford-3000-5000/The_Oxford_3000.pdf (дата обращения: 22.02.2023). (In Eng.).

55. Oxford Latin Dictionary. – Oxford: At the Clarendon Press, 1968. 2126 с. (In Eng.).

56. Peterson Joseph H. Dictionary of most common AVESTA words. 1995. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.avesta.org/avdict/avdict.htm> (дата обращения: 22.02.2023). (In Eng.).

57. Pokorny J. Indogermanisches Etymologisches Wörterbuch. / Band 1–3. Bern, München, 1959. (In Germ.).

58. Pooth R. A. The Proto-Indo-European aspect system. Published at www.academia.edu on 2014-12-26. [Электронный ресурс]. URL:

https://www.academia.edu/9910503/The_Proto_Indo_European_aspect_system (дата обращения: 22.02.2023). (In Eng.).

59. Pooth R. A. There will be ‘blood’. The etymology of Greek ἰσώρα and Proto-Germanic *asani- and the function of the o-grade in Proto-Indo-European // FIU Research Comment – Vouvant, Vendée, France; Cologne, Rhineland, Germany; Ghent, Flandres, Belgium, 3–7 August 2018, revised 13–15 November 2018. [Электронный ресурс]. URL:

https://www.academia.edu/37804863/There_will_be_blood_The_etymology_of_Greek_%E1%BD%80%CF%80%CF%8E%CF%81%CE%B1_and_Pr

oto_Germanic_asani_and_the_function_of_the_o_grade_in_Proto_Indo_Eu
ropean (дата обращения: 15.03.2023). (In Eng.).

60. Rix H. Lexikon der Indogermanischen Verben. Wiesbaden: DR. Ludwig Reichert Verlag, 2001. 824 p. (In Germ.).

61. Sanskrit – Dictionary. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.learn Sanskrit.cc/> (дата обращения: 15.03.2023). (In Eng.).

62. Sanskrit Dictionary. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.sanskritdictionary.com/> (дата обращения: 15.03.2023). (In Eng.).

63. Słownik gwar polskich. / Ułożył Jan Karłowicz. В 6 т. Kraków, 1900-1911. Vol. 5. 476 p. (In Polish).

64. Słownik Staropolski. / kierownik Stanisław Urbańczyk. 1-11 vol. Polska Akademia Nauk, 1953–2002. Т. 1, Warszawa, 1953–1955. Т. 6, Wrocław – Warszawa – Kraków, 1970–1973 (In Polish).

65. Starostin, George; Kassian, Alexei; Trofimov, Artem; Zhivlov, Mikhail. 2017. 400-item basic wordlist for potentially «Nostratic» languages. Moscow: Laboratory for Oriental and Comparative Studies of the School of Advanced Studies in the Humanities, Russian Presidential Academy. [Электронный ресурс]. URL: <http://starling.rinet.ru/new400> (дата обращения: 23.03.2023). (In Eng.).

66. Steingass F. J. A Comprehensive Persian-English dictionary, including the Arabic words and phrases to be met with in Persian literature. London: Routledge & K. Paul, 1892. [Электронный ресурс]. URL: <https://dsal.uchicago.edu/dictionaries/steingass/> (дата обращения: 15.03.2023). (In Eng.).

67. Swadesh M. Lexico-statistic Dating of Prehistoric Ethnic Contacts // Proceedings of the American Philosophical Society. 1952. Vol. 96. № 4. Pp. 452-463. (In Eng.).

68. Vidal M. C. Proto-Indo-European nominal Ablaut patterns. 2014. [Электронный ресурс]. URL: https://www.academia.edu/8450869/Proto_Indo_European_nominal_Ablaut_patterns (дата обращения: 15.03.2023). (In Eng.).

69. Vovin A. The End of Altaic Controversy // Central Asiatic Journal. 2008. № 57 (1). Pp. 71–132. (In Eng.).

**ЛЕКСИЧЕСКОЕ ЯДРО ПРАИНДООЕВРОПЕЙСКОГО
ЯЗЫКА: ПОЛНЫЙ СПИСОК СВОДЕША-207**

Д. М. Быстров

независимый исследователь, г. Рязань, Россия

М. С. Ястребов-Пестрицкий

Научная библиотека Госархива РФ (НБ ГАРФ)

В данной работе лексическое ядро ПИЕ реконструируется только по словам, попавшим одновременно в 4 главных ветви индоевропейских языков (индоиранскую, италийско-кельтскую, балтославянскую, греческую), причём без нарушения сатемизации и без введения дополнительных фонем (4-го ларингала, «спирантов Бругмана», *q). Эти ограничения минимизируют вероятность попадания периферийной лексики и случайных совпадений в реконструкцию. Подробно описана методика такого поиска для получения заданного списка понятий. Результирующий список Сводеша на 207 слов приведён вместе со ссылкой на рабочие материалы. Поскольку при таких жёстких ограничениях всё же удалось вывести весь список (сложные случаи рассмотрены подробно), то есть основания полагать, что можно реконструировать центральный ПИЕ (прямой общий предок перечисленных ветвей) как полноценный язык и составить его словарь. Даны предложения о структуре и порядке составления такого словаря. Также обнаружено, что только 59% слов полученного списка Сводеша для центрального ПИЕ отражены хотя бы в одном германском языке – это подтверждает предположение, что германская ветвь не происходит из центрального ПИЕ, а действительно является периферийной. В процессе поиска балтославянского материала обнаружен закон, по которому распределяются s и š в литовском языке (правило RUKI действует в прабалтославянском полностью, в том числе в окончании): суффикс -s (если он синхронно обнаруживается) восстанавливается в виде -s независимо от позиции; конечное -š > -s и влечёт срединное -š- > -s- (в том числе это касается сатемного согласного š < ě < k̄). Также обнаружено соответствие *sm- > Lat. sp-, Gr. σμ- (позже > μ-).

Ключевые слова: etymology, method, proto-Indo-European, Swadesh, Sanskrit, Greek, Latin, Slavic, Lithuanian, правило RUKI

Для цитирования: Bystrov D. M., Yastrebov-Pestritskiy M. S. The lexical core of proto-indo-european language: the complete Swadesh list // Libri Magistri. 2023. № 4 (26). С. 36–78.

Поступила в редакцию 26.06.2023

РАЗДЕЛ IV. ПОЭТИКА ЛИТЕРАТУРЫ

ББК 83.3
УДК 821.161.1

Л. Р. Сираждинова¹

ORCID: 0009-0000-5066-6124

*Российский университет дружбы народов
117198, Россия, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6
slr150900@mail.ru*

О. Г. Лазареску²

ORCID: 0000-0001-5178-4456

*Московский педагогический государственный университет
119991, Россия, г. Москва, ул. Малая Пироговская, дом 1,
строение 1
og.lazaresku@mpgu.su*

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПРЕДШЕСТВЕННИКИ ГЕРОЯ ПЕТРОВСКОЙ ЭПОХИ В ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ТЕКСТАХ

В данной работе рассматривается проблема становления «эпохального героя» на примере Средневековых литературных повестей как предшественников повестей («гисторий») петровского времени, процесс формирования его сознания и мировоззрения. Личность – это «зеркало» исторической эпохи, сформированная в конкретных социокультурных реалиях. В связи с этим возникает вопрос дифференциации литературного героя, его типов. Развитию эпохального героя способствовало изменение исторического самосознания, именно это явление становится особенно любопытным в процессе исследования становления личности в литературе XVIII–XIX вв. В литературной традиции сложилось определённое понимание характера русского человека, возникла типология литературных героев, этот феномен обусловлен «вызовом эпохи». При рассмотрении

¹ Сираждинова Любовь Рушановна, педагог дополнительного образования кафедры №5, Института русского языка, Российский университет дружбы народов, г. Москва, Россия.

² Лазареску Ольга Георгиевна, доктор филологических наук, профессор кафедры русской литературы, Московский педагогический государственный университет, г. Москва, Россия

проблемы становления «эпохального героя» необходимо проследить его эволюционный путь: процесс формирования сознания и мировоззрения. Для этого стоит прибегнуть к рассмотрению литературы периода Средневековья, именно в ней мы впервые встречаемся с героем, отражающим эпохальный, исторический строй, уклад быта, культурную среду эпохи. В повествовании возникают персонажи «выразители» времени, с помощью которых автор демонстрирует читателю общественные жизненные устои. И хотя художественная литература Средневековья не была выделена в автономную область коллективного сознания, она выполняла важную связующую роль с традиционными человеческими ценностями: религией, народной традицией. Именно в Средневековой литературе мы всё чаще встречаемся с личностью, отражающей эпохальный, исторический строй, уклад быта, культурную среду эпохи. В повествованиях возникают персонажи – «голоса» времени, с помощью которых автор демонстрирует читателю общественное жизненное начало.

Ключевые слова: Петровская эпоха, литературный предок, бытовые повести, эпохальный герой, выразитель времени, историзм, литературная традиция

Герой – «выразитель» своего времени, «эпохальный герой» в полную силу проявит себя в литературе XVIII века, однако именно в средневековой русской литературе наметятся качественные изменения в представлениях человека об окружающей действительности, установится связь между человеком и конкретно-историческими обстоятельствами его деятельности [2, 15]. Художественная литература Средневековья выполняла важную связующую роль с традиционными человеческими ценностями: религией, народной традицией. Стоит отметить ещё одну характерную особенность литературы XVII века – историзм [1, 24]. В большинстве произведений этого периода главными героями являются исторические фигуры: князья, правители, занимающие верхнюю ступеньку иерархической лестницы. Историзм приобретает специфический характер: события изображены здесь как божественная воля, провидение, предназначение. Основными темами данного литературного периода становятся процессы становления государства, народа как культурной общности [11, 45]. Персонаж приобретает особое значение, он становится ключом к постижению исторических реалий. Стоит обратить внимание на патриотический и героический пафос повествования. Тема Родины становится лейтмотивом, мы

не только наблюдаем за красотой русской земли, но и осознаём роль личности в её истории [8, 233]. Впервые мы сталкиваемся с русским человеком, который обладает высокими моральными принципами: ради общего блага герой готов пожертвовать самым дорогим – жизнью. Мы сталкиваемся и с фольклорной традицией, героем, сумевшим победить зло, вернувшем спокойствие и мир в родные места, защитив слабых и нуждающихся. Во второй половине XVII века историзм средневековой литературы обретает новое качество. Это связано с трансформацией жанра повести, в которой появляется новый тип героя, с отличными условиями общественной и культурной жизни: борьбой старого и нового во всех сферах жизни, усилением экономических и культурных связей России с Западной Европой, развитием школьного образования и др. [12, 50]. В русской литературе возникают новые жанры: бытовая повесть, сатира, драма, виршевая поэзия. Мы можем обозначить данный литературный период как «переходный» от Средневековья к Новому времени [13, 77].

Особое внимание стоит обратить на бытовую повесть второй половины XVII века – «Повесть о Горе-Злочастии», именно в ней происходит отражение конфликта эпохи, появляется новый тип героя «вымышленный персонаж», который может быть охарактеризован как герой, который «отпал» от рода [10, 113]. Результатом потери связи с родовым сознанием становится разрушение жизни человека; это яркий пример, демонстрирующий соборное самосознание и героя, который рвёт связь с родовым началом и отстраняется от традиционного жизненного уклада. В литературных произведениях XVII века происходит «демократизация литературного героя», [14, 352] перед нами безымянный молодец, который презрел устои рода и заветы старшего поколения, впал в «наготу и босоту безмерную». [14, 353] Автор показывает нам греховное падение главного героя, ставя его в один ряд с греховным падением Адама и Евы, нарушившими «заповѣдь Божию, вкусили плода винограднаго» [14, 353]. Такой характер повествования позволяет подчеркнуть всеобщий масштаб изображаемого. Герой убеждается в мудрости старшего поколения только после совершения собственных ошибок: «от великаго разума / наживал он живота болшы старова». Сгубило Молодца «гнило слово похвалное». Горе, явившись в образе архангела Гавриила, убедило его в том, что семейное счастье и богатство таят опасность («быть тебѣ от невѣсты истравлену /... / из злата и сребра бысть убитому»), а истинное блаженство можно обрести, став пьяным и нищим: «Да не бьютъ, не мучать нагих-босых / и из раю нагихъ-босых не выгонять...» [14, 356]. Стоит обратить внимание на семантику

названия произведения: перед нами персонализированная судьба героя, наполненная «горем и злосчастьем», причина же отстранения героя от христианских заповедей и заветов отца кроется в индивидуализированном самосознании, в его «несмысленном и неуимчивом» сердце. От настоящей трагедии («горя и злосчастья») героя берегают «святые стены монастырские».

Мы можем сделать вывод о том, что перед нами герой «нового типа», способный отвергнуть традиционный уклад жизни, традиционные ценности; хвастун и пьяница с тяжестью осознаёт всю глубину своего нравственного падения, его «сердце невесело, / а бѣлое лице унынливо, / и ясныя очи замутились» [14, 352]. Автор и читатель сопереживают герою, который пытается жить по своему уму, но совершает роковые ошибки.

Идейная основа данной повести заключается в попытке отпавшего от рода человека жить и действовать собственным умом, это и приводит к разрушению его судьбы, к трагедии и гибели. А христианские аллюзии – библейская история об Адаме и Еве – подчёркивают вечную, непреходящую проблему взаимоотношений человека и мира. Значимыми тематическими аспектами повести становится ряд мотивов. Мотив грехопадения главного героя; здесь стоит обратить внимание на два образа-символа: Змей – искушитель и вино – механизм искушения, запретный плод. Основной проблематикой данного произведения является нарушение заповедей Господних, становление на греховный путь, нравственная и физическая гибель [9, 225]. Понять это можно и по помогает и мотив наготы, срама, стыда; добровольного изгнания; богатства, которое он наживает в грехе; искушения – мог бы исправиться, но поддался искусству похвальбы; уныния – живёт в веселье, но сердце его невесело, лицо уныло. Обратимся теперь к системе персонажей, здесь мы можем выделить следующих главных героев: безымянный герой – Молодец и Горе – его двойник. Молодец делает личный выбор, обрекая себя на нищету, которая вовсе не была написана ему на роду, Горе побеждает. Автор ставит читателя перед вопросом: монашество героя в финале повести – это вынужденный выбор или осмысленное решение, свидетельствующее о духовном созревании героя? Монастырская обитель становится для него «вынужденным пристанищем», а не покаянием и примирением? Так или иначе, перед нами новый тип героя, в котором отразились проблемы самой эпохи, пытавшейся удержать человека в рамках устоявшегося сознания, но не способной сдерживать его стремление к личному выбору, даже если этот выбор чреват разрушениями и смертью [6, 118].

Прибегнем к рассмотрению анонимного литературного памятника – «Повести о Фроле Скобееве» [14, 390]. Анализируя семантику названия, мы понимаем, что в центре внимания личная судьба человека. Герой повести – Фрол Скобеев придерживается принципа «буду полковник или покойник!», он не выбирает средства достижения социального успеха: переодевшись в женскую одежду, он проникает в дом своей возлюбленной; подкупив няню, получает возможность свидания с Аннушкой, затем похищает девушку. Герой действует как опытный интриган, способный подчинить себе положение дел. Показателен и эпизод с разыгрыванием сцены смертельной болезни Аннушки для выманивания прощения у родителей девушки. Перед нами герой, который отпал от рода, но это не привело его к разрушению судьбы, он берёт её в собственные руки: плетёт интриги, подчиняет себе обстоятельства, попирает моральные устои, отклоняется от традиционных ценностей, но добивается успеха и благополучия. Отец Аннушки вынужден смириться с судьбой и признать его своим зятем и «наследником во всем своем движимом и недвижимом имении». В характере главного героя мы видим преломление «эпохальной личности», его моральное падение и нравственное разложение. Идейной основой данной повести становится процесс достижения жизненного успеха человеком, имеющим определенные черты характера, особенности мировоззрения. Сама историческая эпоха дала широту возможностей людям подобного типа, и это составило культурно-историческую основу данной повести: упразднение «разрядных книг», которое открыло путь к власти, богатству и жизненному успеху беднякам. Сюжетной основой повести является процесс достижения героем жизненного успеха, невзирая на этические нормы, путём шантажа, разыгрывания сцен, переодевания. Он живёт «своим умом», но терпит не крах, а добивается поставленных целей. Он уповаet не на Бога или Дьявола, а на себя. То же и Аннушка – сама выбирает, кого ей любить. Главный тематический аспект данной повести – добывание жизненного успеха любой ценой; основная проблема: жизненный успех – главное мерило человека, он зависит только от личных качеств. Значима и роль композиции в изображении нового героя: в повести две части – 1) интрига; 2) мотивация поступков, изображение характеров (печаль, грусть, радость). Подобное соотношение частей отражает приоритет личного над общим, внимание к деталям поведения, внутренним устремлениям человека, его желаниям. Те же тенденции можно усмотреть и в особенностях стиля повести: стилистической пестроте, индивидуализированном языке персонажей [4, 934].

Фрол Скобеев – первый в русской литературе плут, интриган, это отражает и специфику жанра повести – плутовская новеллистика. «В оценке литературного героя – Фрола Скобеева необходимо руководствоваться исходя не из критериев нравственности, а из конкретно-исторического смысла самих поступков: с этой точки зрения плутовское поведение Фрола есть почти единственно возможная для данного времени форма утверждения самостоятельной личности, выявления ее энергии» [5, 215].

«Самосознание личности находит отражение в новом жанре – бытовой повести, в которой появляется новый герой — купеческий сын, захудалый безродный дворянин. Одним из последствий церковного раскола стало изменение сознания человека – перед нами процесс формирования личности с индивидуальными чертами: отказ от родового сознания, отречение от христианских заповедей и родительских наказов.

Обратимся теперь к «Повести о Савве Грудцыне», она демонстрирует переходный этап в развитии русской бытовой повести второй половины XVII в., центральным здесь становится мотив поиска собственной судьбы [7, 33]. В «Повести о Савве Грудцыне» представлена конкретная топонимика и ономастика, перед нами герои, обладающие именем и конкретной «географической привязкой», автор уделяет особое внимание деталям. Повесть состоит из ряда последовательно сменяющихся друг друга эпизодов, составляющих основные вехи биографии Саввы: юность, зрелые годы, старость и смерть. В юные годы отец героя отправляет его по делам торговым в город Орёл Соликамский, где он совершает первый духовный проступок: предается любовным утехам с женой друга отца Бажена Второго, смело попирая святость семейного союза и святость дружбы. Данный пример демонстрирует ненастоящие любовные интриги Саввы Грудцына, здесь изображены первые «переживания сердечные». Опoенный любовным зелием, изгнанный из дома Бажена, Савва начинает терзаться муками любви: «И се начат яко неки огонь горети в сердце его... начат сердцем тужити и скорбети по жене оной... И нача от великия туги красота лица его увядати и плоть его истончеватися» [14, 333]. Для исцеления душевной скорби и тоски Савва отправляется в город. Автор сопереживает герою, осуждает поступок «злой и неверной жены», коварно прельстившей его. Но этот традиционный для русской литературы мотив прельщения невинного отрока помогает раскрыть реальные психологические качества Саввы Грудцына [14, 334]. Важным для понимания образа главного героя становится мотив союза человека с дьяволом: в порыве любовной

скорби Савва взывает к помощи дьявола, и тот не замедлил явиться на его зов в образе юноши. Он готов оказать Савве любые услуги, требуя от него лишь дать «рукописание мало некое» (продать свою душу). Герой исполняет требование беса, не придав этому особого значения, и даже поклоняется самому Сатане в его царстве; дьявол, приняв образ «брата названного», становится преданным слугою Саввы. Идейная основа данной повести заключается в конфликте добра и зла, божественного и демонического, именно с помощью такой идеи мы можем наблюдать, как раскрываются черты личности главного героя. Культурно-историческая основа повести связана с расширением экономической и социальной деятельности наиболее активных слоёв населения, в частности купечества, способного быстро перемещаться в разные географические места ради продажи своих товаров [3, 125]. Подобное обстоятельство стало толчком для жизненных испытаний героя данного произведения. Важен и исторический контекст повести, сопряжённый с авторским вымыслом: события 1632–1634 гг. – война за Смоленск, где персонаж с помощью беса добивается высоких степеней героя войны. Сюжет повести построен на христианских аллюзиях: религиозная легенда – ради любовного интереса заключить союз с Дьяволом; далее – болезнь, ожидание смерти и наказание за грехи, раскаяние; наконец, вымаливание прощения у Богородицы; пострижение в Чудовом монастыре. Развязка данного произведения связана с традиционным мотивом «чудес» богородичных икон: Богородица своим заступничеством избавляет Савву от бесовских мучений, взяв обет отшельничества ради спасения души (уход в монастырь). Исцелившись, получив назад свое заглаженное «рукописание», Савва становится монахом. Главной темой повести становится жизненный путь молодого человека XVII в., впадшего в грех. Ключевая проблема: притягательность греха и способность противостояния бесовскому началу в себе. Важным для понимания нового типа героя становится анализ хронотопа: Савва движется от патриархального дома в город как чужой мир (на чужбину), в чужую семью (мотив отчуждения от рода), далее – за границы земного, где за душу Саввы сражаются бесы и воинство Христа, наконец, в монашью обитель как нахождение истинного, праведного пути. Только пройдя весь этот путь можно избыть грех. Система персонажей в повести представлена следующим образом: второстепенные герои – царь, бояре, военные, хозяин гостиницы, купцы, священник, монахи; главные герои – Богородица и Сатана. Второстепенные персонажи способствуют раскрытию личностных качеств Саввы Грудцына. Персонажи из мира религиозного служат определению судьбы Саввы,

он между ними – между Добром и Злом, Савва мечется в поиске истины. Нельзя не отметить мотив двойничества в повести: это темная сущность героя, с которой он борется внутри себя [14, 344].

Таким образом, русская литература Средневековья – это период формирования героя нового типа, в котором концентрированно выражаются главные тенденции эпохи – стремление человека самому определять свою судьбу, искать истину, которая видится ему не в том, что дано опытом предыдущих поколений, а в его личном опыте [5, 290]. Новаторство перечисленных повестей состоит и в попытке изображения человеческого характера в конкретно-исторических, бытовых условиях, в чем можно усмотреть предпосылки возникновения «героя-зеркала эпохи». Именно в литературе периода Средневековья мы находим литературных предшественников героев Петровского времени и последующей литературы – эпохальную личность, в самоидентификации которой лежит исторический и культурный компонент.

Список литературы

1. Гуковский Г. А. Русская литература XVIII века: Учеб. для студентов вузов. Москва: Аспект Пресс, 1999. 452 с.
2. Дёмин А. С. Русская литература второй половины XVII – начала XVIII вв. Новые художественные представления о мире, природе, человеке. Москва: Наука, 1977. 296 с.
3. Зезина М. Р. История русской культуры: Учеб. пособие для студ. вузов, обучающихся по спец. «История» / М. Р. Зезина, Л. В. Кошман, В. С. Шульгин. Москва: Высшая школа, 1990. 432 с.
4. Зорина Е. Д. Лингвистический анализ галантной повести XVIII века «Гистория о российском матросе Василии Кориотском и о прекрасной королевне флорентийской земли» // Синергия Наук. 2020. № 43. С. 933–938.
5. Кожин В. В. Происхождение романа. Москва: Советский писатель, 1963. 440 с.
6. Кузьмина В. Д. Повести петровского времени // История русской литературы: В 10 т. Москва; Ленинград: Изд-во АН СССР, 1941. Т. 3. Ч. 1. С. 117–136.
7. Кулешов В. И. Вершины: книга о выдающихся произведениях русской литературы. Москва: Детская литература, 1983. 430 с.
8. Кулешов В. И. История русской критики XVIII – начала XX века. Москва: Просвещение, 1991. 432 с.

9. Кусков В. В. История древнерусской литературы. Москва: Высш. шк., 1989. 304 с.
10. Лазареску О. Г. Сюжетостроение и система образов «гистории» петровской эпохи как призма национальных идеалов // Филологические традиции в современном литературном и лингвистическом образовании : [сб. науч. ст. : в 2-х т.] / [редкол. : А. Г. Кутузов (пред.), Э. Ф. Шафранская (отв. ред.), Т. В. Павловец (отв. ред.) и др.]. Москва: МГПИ, 2011. Т. 1. С. 109–114.
11. Лебедева О. Б. История русской литературы XVIII века: Учеб. для студентов вузов, обучающихся по филол. специальностям. Москва: Высш. шк., Academia, 2000. 415 с.
12. Лихачев Д. С. Система литературных жанров Древней Руси // Славянские литературы. V Международный съезд славистов. Доклады советской делегации. Москва: Издательство АН СССР, 1963. С. 47–70.
13. Панченко А. М. Русская стихотворная культура XVII века. Ленинград: Наука, 1973. 280 с.
14. Скрипиль М. О. Русская повесть XVII века: Тексты и переводы / Сост.: М. О. Скрипиль; Пер. Ю. С. Сорокина и Т. А. Ивановой; Подготовка текстов, статья и примеч. Н. И. Тотубалина и др.; Послесл. И. П. Лапицкого. Москва: Гослитиздат, 1954. 479 с.

REFERENCES

1. Gukovsky G. A. Russian literature of the 18th century: Textbook. for university students. Moscow: Aspect Press, 1999. 452 p. (In Russ.)
2. Demin A. S. Russian literature of the second half of the 17th – early 18th centuries. New artistic ideas about the world, nature, man. Moscow: Science, 1977. 296 p. (In Russ.)
3. Zezina M. R. History of Russian culture: Textbook. aid for students universities studying specialties. «History» / M. R. Zezina, L. V. Koshman, V. S. Shulgin. Moscow: Higher School, 1990. 432 p. (In Russ.)
4. Zorina E. D. Linguistic analysis of the gallant story of the 18th century «The History of the Russian sailor Vasily Koriotsky and the beautiful princess of the Florentine land» // Synergy Sciences. 2020. №43. Pp. 933–938. (In Russ.)
5. Kozhinov V. V. Origin of the novel. Moscow: Soviet Writer, 1963. 440 p. (In Russ.)
6. Kuzmina V. D. Tales of Peter's time // History of Russian literature: In 10 volumes. Moscow; Leningrad: Publishing House of the USSR Academy of Sciences, 1941. Vol. 3. Pp. 117–136. (In Russ.)

Л. Р. Сираждинова, О. Г. Лазареску

7. Kuleshov V. I. Peaks: a book about outstanding works of Russian literature. Moscow: Children's literature, 1983. 430 p. (In Russ.)

8. Kuleshov V. I. History of Russian criticism of the 18th – early 20th centuries. Moscow: Education, 1991. 432 p. (In Russ.)

9. Kuskov V. V. History of ancient Russian literature. Moscow: Higher. school, 1989. 304 p. (In Russ.)

10. Lazarescu O. G. Plot construction and the system of images of «history» of the Peter the Great era as a prism of national ideals // Philological traditions in modern literary and linguistic education: [collection. scientific Art.: in 2 volumes] / [ed.: A. G. Kutuzov (pres.), E. F. Shafranskaya (responsible editor), T. V. Pavlovets (responsible editor), etc.]; Department of Education of Moscow, Moscow. humanist ped. int. Moscow, 2011. Vol. 1. Pp. 109–114. (In Russ.)

11. Lebedeva O. B. History of Russian literature of the 18th century: Textbook. For university students studying philology. specialties. Moscow: Higher. school: Academia, 2000. 415 p. (In Russ.)

12. Likhachev D. S. System of literary genres of Ancient Rus' // Slavic literature. V International Congress of Slavists. Reports of the Soviet delegation. Moscow: Publishing House of the USSR Academy of Sciences, 1963. Pp. 47–70. (In Russ.)

13. Panchenko A. M. Russian poetic culture of the 17th century. Leningrad: Nauka, 1973. 280 p. (In Russ.)

14. Skripil M. O. Russian story of the 17th century: Texts and translations / Comp.: M. O. Skripil; Per. Yu. S. Sorokin and T. A. Ivanova; Preparation of texts, articles and notes. N. I. Totubalina and others; Afterword I. P. Lapitsky. Moscow: Goslitizdat, 1954. 479 p. (In Russ.)

LITERARY PREDECESSORS OF THE HERO OF THE PETER THE GREAT ERA IN LITERARY TEXTS

Lubov R. Sirazhdinova

Teacher of additional education of the Department №5, Institute
of the Russian Language Peoples' Friendship University of Russia
(Moscow, Russia)

Olga G. Lazarescu

Doctor of Sciences (Philology), Professor of the Department of Russian
Literature, Moscow Pedagogical State University
(Moscow, Russia)

Abstract

This paper examines the problem of the formation of an «epochal hero» using the example of Medieval literary stories as predecessors of stories («histories») of Peter the Great's time, the process of formation

of his consciousness and worldview. Personality is a «mirror» of a historical era, formed in specific sociocultural realities. In this regard, the question of differentiation of the literary hero and his types arises. The development of the epoch-making hero was facilitated by a change in historical self-awareness; it is this phenomenon that becomes especially curious in the process of studying the formation of personality in the literature of the 18th–19th centuries. In the literary tradition, a certain understanding of the character of the Russian person has developed, a typology of literary heroes has emerged, this phenomenon is due to the «challenge of the era». When considering the problem of the formation of an «epoch-making hero», it is necessary to trace his evolutionary path: the process of formation of consciousness and worldview. To do this, it is worth resorting to considering the literature of the Middle Ages; it is in it that we first meet a hero who reflects the epochal, historical system, way of life, and cultural environment of the era. In the narrative, characters appear as «expressors» of time, with the help of which the author demonstrates to the reader the social principles of life. And although the fiction of the Middle Ages was not isolated into an autonomous area of collective consciousness, it played an important connecting role with traditional human values: religion, folk tradition. It is in Medieval literature that we increasingly encounter a personality reflecting the epochal, historical system, way of life, and cultural environment of the era. In the stories, characters appear – the «voices» of time, with the help of which the author demonstrates to the reader the social principle of life.

Keywords: Peter's Epoch, literary ancestor, everyday stories, epochal hero, exponent of time, historicism, literary tradition

Для цитирования: Сираждинова Л. Р., Лазареску О. Г. Литературные предшественники героя Петровской эпохи в художественных текстах // Libri Magistri. 2023. № 4 (26). С. 79–89.

Поступила в редакцию 10.09.2023

**РАЗДЕЛ V. НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ. Материалы Международного
круглого стола «Русское слово: взгляд молодых
исследователей», посвященного Году русского языка,
проведенного 17 мая 2023
(Гомельский государственный университет им. Франциска
Скорины; Магнитогорский государственный технический
университет им. Г. И. Носова; Южный федеральный
университет; Новосибирский государственный технический
университет; Тверской государственный университет)**

ББК 81.053.6

УДК 81'373.7

М. С. Жавнерович¹

ORCID 0000-0002-8486-5364

*Магнитогорский государственный
технический университет им. Г. И. Носова
455000, Россия, г. Магнитогорск, пр. Ленина, д. 38
zhavnerovich2000@mail.ru*

С. В. Рудакова²

ORCID 0000-0001-8378-061X

*Магнитогорский государственный
технический университет им. Г. И. Носова
455000, Россия, г. Магнитогорск, пр. Ленина, д. 38
rudakovamasu@mail.ru*

**ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ И ПАРЕМИИ
В РЕКЛАМНОМ ТЕКСТЕ**

Предметом исследования в данной статье является использование паремиологических и фразеологических единиц в современном рекламном тексте. Цель работы – рассмотреть и проанализировать трансформацию паремий и фразеологизмов

¹ Жавнерович Мария Сергеевна, магистрант, Магнитогорский государственный технический университет им. Г. И. Носова, г. Магнитогорск, Россия.

² Рудакова Светлана Викторовна, доктор филологических наук, профессор кафедры языкознания и литературоведения, Магнитогорский государственный технический университет им. Г. И. Носова, г. Магнитогорск, Россия.

в рекламном сообщении, а также выявить их функции. В статье использованы метод фразеологического анализа и герменевтический метод, которые позволяют рассмотреть и проанализировать значения паремиологических единиц, их происхождение и соотнести эту информацию с рекламным текстом, в котором они используются. Выявляется неразрывная связь функций паремиологических единиц и задач рекламы: побудить реципиента к принятию решения и воздействовать на подсознание человека. Результаты данного исследования можно применять как в сфере маркетинга и рекламы, так и на занятиях филологов и лингвистов по фразеологии. Актуальность данной работы заключается в том, что в настоящее время реклама оказывается значимым элементом массовой культуры. Любое рекламное сообщение способно воздействовать на подсознание и чувства реципиентов, что обуславливает необходимость понимания причин, по которым происходит подобное воздействие. Новизна и значимость исследования заключаются в том, что особый акцент в нем сделан на детальном и подробном рассмотрении семантики рекламного сообщения с использованием фразеологизмов и паремий, на сравнении со значением исходных фразеологических и паремиологических единиц. Кроме того, утверждается идея о взаимосвязи функций, форм использования различных паремиологических единиц, фразеологизмов и задач любого рекламного сообщения.

Ключевые слова: фразеологизмы, паремии, рекламный текст, функции рекламного сообщения

Введение. В современном мире реклама является важной составляющей жизни человека. Она представляет собой значимый элемент массовой культуры, оказывается источником информации о менталитете и культуре народа, способствует информационному обмену в процессе коммуникации людей [10]. Рекламу можно увидеть и услышать не только по радио, телевидению, в СМИ, но обнаружить её на баннерах и плакатах города, в Интернет-пространстве. Рекламный текст в настоящее время имеет следующие функции: передает потенциальному покупателю или клиенту сведения о товаре или услуге, рассказывает о своем отношении к нему, доказывает необходимость приобретения товара, воздействует на подсознание человека [3].

Для рекламного текста настоящего времени особое значение имеет использование фразеологических и паремиологических единиц. Под паремиями в лингвистике понимаются вторичные языковые знаки,

устойчивые выражения и словосочетания [6]. К паремиям относят поговорки, пословицы, антипословицы, загадки, афоризмы – языковые универсалии, устойчивые единицы, которые делают высказывание более выразительным, служат украшением речи и отражают национальные особенности культуры и быта [9]. Фразеологизмы являются проявлением культурного кода, приобретающего важность в формировании языковой картины мира [13; 16]. Выделяют такие признаки данных устойчивых словосочетаний, как неделимость компонентов, целостность значения, экспрессивность, воспроизводимость [8].

В связи с этим следует сказать, что паремии, как и фразеологизмы, могут выполнять важную задачу для рекламы, так как в ней важен наряду с невербальным и вербальный компонент [7]. Ведь паремии и фразеологизмы способны сделать рекламный текст ярким, образным и запоминающимся, потому что обладают узнаваемостью. Это означает, что человек легко сможет запомнить рекламное сообщение с использованием фразеологизма или паремий, поэтому повлиять на его подсознание и эмоции будет проще. Особенно оригинальны те рекламные тексты, в которых паремиологические единицы трансформируются, как следствие меняется и их смысл. Примечательно, что выделяются четыре формы использования фразеологизмов и паремий в рекламном тексте: буквальное воспроизведение, перефразированные устойчивые выражения, переосмысление и обыгрывание названия бренда или марки [1]. Кроме того, отметим, что в различных рекламных слоганах используются как фразеологические единства, так и фразеологические сращения [11]. Во фразеологических единствах целостную семантику выражения можно понять или мотивировать по его отдельным компонентам, в сращениях же значение не выводится из составляющих компонентов фразеологизма [2]. Рассмотрим некоторые рекламные тексты с использованием фразеологизмов и паремий и проанализируем, как они способны влиять на подсознание реципиентов.

1 Использование буквального воспроизведения фразеологизмов в рекламе. Материалом исследования стали созданные в XXI веке российские рекламные слоганы с использованием паремий и фразеологизмов. В изучении данного материала задействованы метод фразеологического анализа и герменевтический метод. С точки зрения использования фразеологизма, интересен рекламный слоган авиакомпании «Аэрофлот»: «Аэрофлот. Легок на подъем». Во фразеологическом

словаре А. И. Федорова значение фразеологизма *Легко на подъем* объясняется следующим образом: «С легкостью и охотно может собраться пойти или поехать куда-либо или начать какое-либо дело» [12, 338]. В данном случае мы видим буквальное воспроизведение фразеологизма, так как ни один его компонент не был трансформирован. Использование данного устойчивого выражения в рекламном сообщении обеспечивает ему запоминаемость и воспроизводимость. Также это обеспечивает формирование положительного отношения реципиента к авиакомпании, потому что семантика фразеологизма связана с позитивной характеристикой субъекта и с движением, которое, в свою очередь, ассоциируется с воздушным транспортом, который перемещается вверх, что совпадает со значением компонента фразеологизма *подъем*. Использование паремиологической единицы в этом рекламном слогане способно воздействовать и на эмоции человека. Так, в настоящее время распространена аэрофобия, а 85% населения России, по данным ВЦИОМ, считают именно воздушную авиацию самым опасным видом транспорта [15]. Рассматриваемый же рекламный слоган может помочь людям устранить негативные мысли, связанные с опасностью авиационного транспорта. Ведь если самолет легко на подъем, то можно избежать какой-либо угрозы. Именно поэтому данный рекламный слоган компании «Аэрофлот» можно считать удачным.

Примечательно и рекламное сообщение, побуждающее людей приобрести дома жилого комплекса «Ольховка»: «Ноги в руки и к нам». Здесь используется фразеологизм *ноги в руки*. Данное устойчивое выражение имеет следующую семантику: «Очень быстро, стремглав» [12, 415]. Введение в рекламный слоган такого фразеологизма, который никак не трансформируется, может подтолкнуть реципиента на быстрое принятие решения или на стремительное совершение действия, что очень выгодно для тех, кто занимается продажей домов. При этом следует отметить, что одна из главных функций рекламы – это именно побуждение. Важно подчеркнуть и то, что этот фразеологизм узнаваем, поэтому такое рекламное сообщение способно легко запечатлеться в памяти человека и в последующем может быть легко им воспроизведено.

2 Использование переосмысления и перефразирования фразеологизмов в рекламе. Интересно рассмотреть рекламный слоган компании по производству одежды «Mango»: «Он точно родился в рубашке Mango». Значением фразеологизма *в рубашке родиться*: «Быть во всем удачливым, счастливым» [12, 575]. В данном рекламном тексте это устойчивое выражение переосмысливается. Можно сказать,

что оно здесь может восприниматься буквально, так как фирма, которая рекламируется, производит рубашки. Значит в данном случае компонент *рубашка* понимается в качестве предмета одежды, то есть в буквальном смысле. Во фразеологизме же *рубашка*, если обратиться, например, к страноведческому словарю, – это метафорическое название пузыря, который в редких случаях может покрывать голову новорожденного ребенка. Как считали раньше, такой человек обязательно в будущем станет удачливым, счастливым [14]. Конечно, в рекламном тексте данный смысл в определенной степени сохраняется, потому что семантика устойчивого словосочетания связана с личностью, обладающей везением, счастьем, удачей. Поэтому фразеологическая единица, используемая в рекламном сообщении, может вызвать позитивные ассоциации у реципиента, повлияв на его чувства и подсознание. При этом стоит отметить, что в данном случае, если под *рубашкой* подразумевать предмет одежды, фразеологизм приобретает новое значение. Так, слоган компании по производству одежды можно интерпретировать следующим образом: вещь так хорошо сидит на нем, что кажется, будто он в ней родился. Здесь создатели рекламы отсылают к высокому качеству рубашек и к их привлекательному внешнему виду, что связано, с одной стороны, с прагматичностью человека, которому важно качество приобретаемого товара, а с другой – с его эстетическим восприятием, когда значение приобретает визуальная составляющая. По этим причинам рассматриваемое рекламное сообщение можно назвать оригинальным, запоминающимся и привлекающим к себе внимание.

Рассмотрим рекламный текст, где используется перефразированное устойчивое выражение. Например, слоган туристической фирмы «Express company» является фраза: «Экспрессом по Европе». Данное выражение – это перефразированное устойчивое словосочетание *галопом по Европам*. Во фразеологическом словаре за ним закреплено следующее значение: «Поверхностно, несерьезно». Кроме того, в словаре есть помета, указывающая на пренебрежительную семантику данного фразеологизма [12, 129]. Поэтому не случайно в рекламном тексте перефразировали это устойчивое словосочетание. Так, компонент *галопом* заменили на слово *экспрессом*. Такую замену можно назвать удачной, так как она отсылает реципиента к названию туристической фирмы и не вызывает негативную ассоциацию с семантикой первоначального выражения. Новый компонент рекламного сообщения указывает на высокую скорость выполнения услуг и на путешествие с помощью

транспорта, который передвигается быстро. Это является достоинствами туристической компании для людей, поэтому ассоциация с высокой скоростью и стремительностью положительно воздействует на эмоции и подсознание реципиентов. Также интересно, что компонент *Европам* в рекламном слогане имеет другую форму: здесь он не во множественном, а в единственном числе. Употребление антропонима в форме множественного числа делает его своего рода культурным знаком и переводит из имени собственного в имя нарицательное, что придает ему пренебрежительный оттенок значения [5]. Замена формы существительного в рекламном слогане способствует стиранию негативной коннотации первоначального устойчивого выражения. Кроме того, в форме единственного числа у антропонима не происходит переход из имени собственного в имя нарицательное. Поэтому можно утверждать, что в слогане «Экспрессом по Европе» Европа выступает не как культурный знак, а как реальное географическое место, и это положительно сказывается на восприятии рекламы услуг туристической фирмы. Примечательно, что при всех трансформациях фразеологизма он остается узнаваемым в рекламном сообщении, поэтому человек может легко его запомнить и воспроизвести. Это делает рекламный слоган необычным и привлекающим внимание людей. Особенно хочется отметить, что здесь фразеологизм не только перефразируется, переосмысливается, но и обыгрывает название компании.

В рекламе соковыжималок используется слоган следующего содержания: «Выжми все соки из своей соковыжималки». Здесь используется выражение, образованное от фразеологизма *выжимать соки*, означающего «жестоко эксплуатировать, доводя до бедности, нужды, нищеты» [12, 113]. В рекламном тексте это выражение приобретает буквальное значение, ведь из соковыжималки в действительности можно выжать сок фруктов, ягод, овощей и других плодов, на что указывает и название устройства. Подобным переосмыслением фразеологизма устраняется негативное его восприятие. Кроме того, в рекламном сообщении есть слово *все*, что усиливает экспрессивность высказывания. Следует отметить и форму повелительного наклонения глагола *выжать* в тексте слогана. Такая форма связана с одной из главных функций рекламы – с побуждением к принятию решения или к совершению действия. Поэтому такой слоган может считаться удачным.

3 Использование паремий в рекламе. Используются в рекламном тексте и пословицы. Можно вспомнить слоган одного из хлебозаводов, производящих квас: «Квас всему голова». Данный

слоган образован от пословицы *Хлеб всему голова*, означающей, что самое важное в жизни – это иметь достаточно хлеба. А хлеб в русской культуре мыслился сакральным продуктом, имел статус самой главной еды на столе для русского человека [4]. В рекламном же тексте слово *хлеб* заменяется на *квас*, что призвано подчеркнуть особую значимость напитка и воздействовать на подсознание человека. Использование пословицы а слогане делает его запоминающимся.

Заключение. В рекламном тексте могут в разных формах использоваться и фразеологизмы, и паремии, по-разному трансформируясь и переосмысливаясь, меняя оттенки значений. Несмотря на это, все же можно выделить некоторые общие функции: воздействие на эмоции и подсознание реципиентов с помощью экспрессивности и образности фразеологизмов и паремий, побуждение к приобретению товара или к оказанию услуги, легкая запоминаемость, воспроизводимость, лаконичность, обращение к ассоциативному мышлению человека и к его картине мира, связанной с культурой, в которой он формировался. Можно сделать вывод, что фразеологизмы и паремии связаны и с задачами самой рекламы – с передачей информации и оценки, с призывом приобрести товар или воспользоваться определенными услугами. Также интересно, что многие слоганы со временем сами могут стать паремиями, что происходит по причине подобной связи между функциями фразеологизмов в рекламном тексте и задачами самой рекламы: «Ведь мы этого достойны», «Живи на яркой стороне». Это еще раз обращает внимание на неразрывность фразеологических и паремиологических единиц и рекламного сообщения.

Список источников

1. Бернадская Ю. С. Текст в рекламе. Москва: Юнити-Дана, 2008. 288 с.
2. Ганиева Ф. Ф. Фразеологические единицы как объект исследования в трудах отечественных исследователей // *Lingua mobilis*. 2015. № 1 (52). С. 38–47.
3. Исина Г. И., Кухарук А. И. Рекламный текст как разновидность дискурса // *Наука и мир*. 2018. № 1–2 (53). С. 45–46.
4. Леснева О. А. Образы пословиц и образы рекламы: о потенциале паремий в рекламном дискурсе // *Ученые записки Новгородского государственного университета*. 2016. № 1 (5). С. 6.
5. Нахимова Е. А. О формальных показателях прецедентности антропонима // *Политическая лингвистика*. 2006. № 17. С. 147–155.

6. Никтовенко Е. Ю. Структурное многообразие паремий и их лингвистический статус // Вестник Майкопского государственного технологического университета. 2013. № 1. С. 22–26.

7. Пядышева Т. Г. Вербальные составляющие в структуре рекламного текста // Вестник Тамбовского университета. Серия Филологические науки и культурология. 2016. № 1 (5). С. 29–38.

8. Рахматуллина Л. А. Фразеологизм как основная единица фразеологии // Цифровая наука. 2020. № 11. С. 57–68.

9. Редько Г. В., Еремеева А. А. Фразеологизмы как языковая универсалия, отражающая национальную культуру народа // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение. 2019. № 1 (232). С. 100–105.

10. Слойцева Е. В. Язык рекламы и лингвостилистические особенности рекламного текста // Язык и культура. 2012. № 11. С. 76–83.

11. Трушина М. Д. Трансформация устойчивых выражений в рекламе // Вестник науки. 2021. Т. 2. № 7–40. С. 21–30.

12. Федоров А. И. Фразеологический словарь русского литературного языка. Москва: АСТ, 2008. 828 с.

13. Хвесько Т. В., Нагель О. В., Басуева Н. Ю. Фразеологизмы как проявления культурного кода // Язык и культура. 2021. № 54. С. 81–93.

14. Цзиньянь Л. Фразеологизмы с названиями одежды в лингвокультурологическом аспекте // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2008. № 2. С. 55–58.

15. Шаваев А. А., Гирс Р. А., Цыганкова О. А. Разработка конструкции комплекса моделирования полета // Электротехнические и информационные комплексы и системы. 2018. Т. 14. № 4. С. 92–96.

16. Pesina S.A. [et al.] Functioning of Metaphor Through the Prism of Invariant Theory in Polysemy / S. A. Pesina, S. A. Vinogradova, S. V. Kiseleva [et al.] // Applied Linguistics Research Journal. 2021. Vol. 5, No. 4. P. 247–252.

REFERENCES

1. Bernadskaja Ju. S. *Tekst v reklame*. Moscow: Juniti-Dana, 2008. 288 p. (In Russ.)

2. Ganieva F. F. Phraseological units as an object of study in the works of russian researchers // *Lingua mobilis*. 2015. № 1 (52). P. 38–47.

3. Issina G. I., Kukharuk A. I. Advertising text as a discourse kind // *Nauka i mir*. 2018. № 1–2 (53). P. 45–46. (In Russ.)

4. Lesneva O. A. Proverb's and advertising images: on paremias in a discourse of advertising // *Uchenye zapiski Novgorodskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2016. № 1 (5). P. 6. (In Russ.)

5. Nahimova E. A. O formal'nyh pokazateljah precedentnosti antroponima // *Politicheskaja lingvistika*. 2006. № 17. P. 147–155. (In Russ.)
6. Niktovenko E. Y. Structural diversity of proverbs and their linguistic status // *Vestnik Majkopskogo gosudarstvennogo tehnologicheskogo universiteta*. 2013. № 1. P. 22–26. (In Russ.)
7. Pyadysheva T. G Verbal components in the structure of advertising text // *Vestnik Tambovskogo universiteta. Serija Filologicheskie nauki i kul'turologija*. 2016. № 1 (5). P. 29-38. (In Russ.)
8. Rakhmatullina L. A. Phraseological unit as the main unit of phraseology // *Cifrovaja nauka*. 2020. № 11. P. 57–68. (In Russ.)
9. Redko G. V., Eremeeva A. A. Idioms as language universals, reflecting the national culture of the ethnic group // *Vestnik Adygejskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija 2: Filologija i iskusstvovedenie*. 2019. № 1 (232). P. 100–105. (In Russ.)
10. Slojceva E. V. Jazyk reklamy i lingvisticheskie osobennosti reklamnogo teksta // *Jazyk i kul'tura*. 2012. № 11. P. 76–83.
11. Trushina M. D. Transformation of sustainable expressions in advertising // *Vestnik nauki*. 2021. V. 2. № 7–40. P. 21–30. (In Russ.)
12. Fedorov A. I. *Frazeologicheskij slovar russkogo literaturnogo jazyka*. Moscow: AST, 2008. 828 p. (In Russ.)
13. Khvesko T. V., Nagel O. V., Basueva N. Y. Phraseological units as cultural code manifestation // *Jazyk i kul'tura*. 2021. № 54. P. 81–93. (In Russ.)
14. Jinyan L. Phraseological units with the names of clothes in the linguistic and cultural science aspect // *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Lingvistika i mezhkul'turnaja kommunikacija*. 2008. № 2. P. 55–58. (In Russ.)
15. Shavaev A. A, Girs R. A, Tsygankova O. A. Development of the design of a complex of modeling of a flight // *Jeletrotehnicheskie i informacionnye kompleksy i sistemy*. 2018. V. 14. № 4. P. 92–96. (In Russ.)
16. Pesina S.A. [et al.] Functioning of Metaphor Through the Prism of Invariant Theory in Polysemy / S. A. Pesina, S. A. Vinogradova, S. V. Kiseleva [et al.] // *Applied Linguistics Research Journal*. 2021. Vol. 5., No. 4. P. 247–252. (In Eng.).

PHRASEOLOGICAL UNITS AND PAROEMIAS IN THE
ADVERTISING TEXT

Maria S. Zhavnerovich

Nosov Magnitogorsk State Technical University (Magnitogorsk, Russia)

Svetlana V. Rudakova

Doctor of Philology, Professor, Head of Department of Linguistics
and Literary Studies, Nosov Magnitogorsk State Technical University
(Magnitogorsk, Russia)

Abstract

The subject of this article is the use of paremiological and phraseological units in the advertising text. The purpose of this work is to consider and analyze the transformation of paroemias, in particular phraseological units, in an advertising message, as well as to identify their functions. The article uses the following research methods: the method of phraseological analysis and the hermeneutic method, which allow us to consider and analyze the meaning of paremiological units, their origin and compare them with the advertising text in which they are used. The paper concludes that the functions of paremiological units and advertising tasks are inextricably linked. These functions and tasks are reduced to encouraging the recipient to make a decision and to influence the subconscious of a person. The results of this study can be applied in the field of marketing and advertising, in the classes of philologists and linguists in phraseology. The relevance of this article lies in the fact that currently advertising is a significant element of mass culture, which is found in different spheres of life. Any advertising message can affect the subconscious and feelings of recipients, which necessitates understanding the reasons why such an impact occurs. The novelty and significance of the study lies in the fact that special emphasis is placed on a detailed and detailed consideration of the semantics of an advertising message using phraseological units and other paroemias, on its comparison with the meaning of the original phraseological and paremiological units. In addition, for the first time, the idea of the relationship of functions, forms of use of various paremiological units, in particular phraseological units, and the tasks of any advertising message was clearly formulated.

Keywords: phraseological units, paremias, proverbs, advertising text, advertising message functions

Для цитирования: Жавнерович М. С., Рудакова С. В. Фразеологизмы и паремии в рекламном тексте // Libri Magistri. 2023. № 4 (26). С. 90–99.

Поступила в редакцию 20.05.2023

М. А. Коновалов, К. Н. Савельев

ББК 87.3

УДК 82.091-821

М. А. Коновалов¹

ORCID: 000-0001-5195-2034

*Магнитогорский государственный
технический университет им. Г. И. Носова
455000, Россия, г. Магнитогорск, пр. Ленина, д. 38
Hard5000@mail.ru*

К. Н. Савельев²

ORCID: 0000-0003-4741-9346

*Магнитогорский государственный
технический университет им. Г. И. Носова
455000, Россия, г. Магнитогорск, пр. Ленина, д. 38
savakos@mail.ru*

ПРОБЛЕМА РЕЦЕПЦИИ И АДАПТАЦИИ ТВОРЧЕСТВА ЭДГАРА АЛЛАНА ПО В МАССОВОЙ КУЛЬТУРЕ

В статье рассматривается взаимодействие массовой культуры и классического литературного наследия на примере анализа адаптаций произведений Эдгара Аллана По в рамках массовой культуры. Подробному анализу подверглись причины интереса различных отраслей массовой культуры к литературному наследию американского классика, некоторые из известных адаптаций, а также вопрос о соотношении оригинального текста и адаптации, включая проблему адаптации как интерпретации исходного произведения со стороны реципиента. Акцент в статье был сделан на рассмотрении адаптаций в сопоставлении с оригинальными произведениями и на выявлении факта неизбежных изменений наполнения оригинальных произведений, вносимых авторами адаптаций. Подобное положение дел объясняется необходимостью перевода исходного произведения на язык адаптации. Например, переноса литературного текста на киноязык, подразумевающей визуализацию ключевых образов или передачи настроения оригинала посредством визуализации, ориентацию на массового зрителя, мыслящего прежде всего

¹ Коновалов Михаил Алексеевич студент 4-го курса, кафедра языкознания и литературоведения, 45.03.01 Филология, Магнитогорский государственный технический университет им. Г. И. Носова, Магнитогорск, Россия

² Савельев Константин Николаевич, доктор филологических наук, профессор кафедры языкознания и литературоведения МГТУ им. Г. И. Носова, г. Магнитогорск, Россия.

визуальными образами. Для рассмотрения взаимодействия оригинала и адаптации были отобраны произведения из различных отраслей массовой культуры. К таковым относятся: кинематограф, мультипликация, рок-музыка, индустрия компьютерных игр.

Помимо сопоставительного анализа адаптаций и оригинальных произведений рассматриваются и ключевые особенности литературного и критического наследия Эдгара Аллана По, обеспечивающие продуктивность процесса взаимодействия произведений Эдгара с отраслями массовой культуры. К таким аспектам прежде всего следует относить готическое наполнение «страшных» рассказов Эдгара По, а также ориентацию Эдгара Аллана По на читательское восприятие художественного текста при построении фабулы произведений, включая и восприятие «среднего» зрителя.

Ключевые слова: Эдгар По, массовая культура, рецепция, интерпретация, экранизация, музыка, компьютерная игра, поэзия, реципиент, визуализация

Введение. О постановке проблемы взаимодействия массовой и элитарной культуры в контексте творчества Эдгара По

Пожалуй, ни для кого сейчас не является секретом тот факт, что XXI век является эпохой рассвета массовой культуры. Своё зарождение и развитие массовая культура переживает ещё в 40-е годы XX века. Это время становится периодом экспансии массовой культуры, когда она выходит на первый план социальной жизни, вытесняя народную и элитарную культуру на периферию [11, 66]. Несмотря на это дискуссия о природе массовой культуре и её влиянии на современного человека продолжается до сих пор, когда речь заходит о явлении информатизации и обществе потребления. К основным чертам массовой культуры, как правило, относят коммерческую направленность, тиражируемость, ориентацию на широкие массы людей (из чего следует простота понимания). Также среди значимых характеристик массовой культуры следует выделить вторичность и «поэтику низкого», выражающиеся в становлении клишированного построения фабулы, примате простоты содержания стиля над глубиной, тенденцией к появлению шаблонного языка [11, 67].

Из вторичности массовой культуры следует и острая необходимость в наличии определенного первоисточника для возможности построения нового произведения. Часто таким источником выступают произведения элитарной культуры, ранее вытесненные культурой массовой на периферию социальной жизни.

К таким образчикам элитарной культуры относится, конечно же, и классическая литература. Наиболее полно это проявляет себя в экранизации. Создание кинокартин на основе произведений классической литературы – одно из самых продуктивных направлений в массовой культуре, получившее развитие ещё во времена зарождения и становления киноискусства.

Выбор автора для экранизации при этом явно не случаен, о чём свидетельствует наличие наиболее и наименее экранизируемых авторов. К списку самых экранизируемых американских авторов, среди которых числятся О. Генри, Марк Твен, Фрэнсис Фитцджеральд и многие другие, принадлежит и Эдгар Аллан По. Так, на основе произведений Эдгара По было снято примерно 212 экранизаций, из которых около 94 может быть отнесено к крупным значимым кинокартинам [13]. Важно понимать, что подобное влияние, естественно, выходит за рамки кинематографа. Соответственно, рассмотрение рецепции и адаптации творчества Эдгара По в массовой культуре поможет лучше понять, как в рамках массовой культуры взаимодействуют первоисточник и адаптация, что именно актуализирует в глазах массового зрителя и авторов произведений массовой культуры творчество того или иного автора. Поставим этот проблемный вопрос основным в нашем исследовании.

Литературный и критический опыт Эдгара По в контексте становления фигуры массового читателя и зрителя

Перед анализом некоторых адаптаций произведений Эдгара По сделаем небольшой шаг назад, обратившись к некоторым аспектам творческого и критического наследия этого автора. Дело в том, что взаимосвязь фигуры Эдгара По с массовой культурой, как ни странно, можно проследить ещё до возникновения первых адаптаций по мотивам его произведений. В своих критических работах Эдгар По огромное значение отдавал фигуре читателя [1], фактически спрогнозировав появление массового зрителя. В своем эссе «Поэтический принцип» Эдгар По дал следующую характеристику читательскому восприятию: «Волнение в силу психического закона недолговечно. Максимум через полчаса волнение ослабевает, иссякает, переходя в нечто противоположное, и тогда поэтическое произведение, по существу, перестаёт быть таковым...» [11, 138–139]. Подобная характеристика, по сути, описывает явление «клипового мышления».

Следствием этого является провозглашение Эдгаром По «тотальности интереса» и увлекательности, удовольствия при прочтении, как главных характеристик прозаического или поэтического произведения, обособляющих их от других видов

текстов [11, 135]. Из указанных выше суждений следует необходимость наличия в произведении сменяемости событий, динамично развивающегося сюжета и лаконичности, следствием чего становится выбор Эдгаром По новеллы в качестве основного прозаического жанра. Перечисленные качества новеллистического творчества Эдгара По идеально вписываются в формат киноискусства.

Говоря о жанровом своеобразии наследия Эдгара По в контексте массовой культуры необходимо отметить и решающее значение новеллистического творчества этого автора в формировании детективного жанра. Речь конечно же идёт о трилогии новелл-рационалий, посвящённых расследованиям сыщика-любителя Огюстена Дюпена («Убийство на улице Морг», «Тайна Марии Роже», «Украденное письмо»). Несмотря на тот факт, что для самого По новеллы-рационалии были способом романтизации рационального начала в человеке и средством изображения пределов человеческого мышления, жанровая форма детектива, созданная По, в то же время удовлетворяла и удовлетворяет эскапистские потребности читателя, являясь своего рода интеллектуальным развлечением, головоломкой [14, 171]. Более того, именно детектив впоследствии становится одним из жанров, обеспечивающих сближение массовой и элитарной культуры, порождая множество гибридных жанровых форм, таких как «крутой» детектив, где акцент сделан уже не на самом расследовании, но на экшн-сценах и зрелищности [14, 172].

Другим важным направлением становится готическое содержание новелл Эдгара По. Здесь речь идёт уже о «страшных» рассказах (или же о новеллах-арабесках в классификации самого По). К числу подобных произведений, как правило, относят такие новеллы, как «Лигейя», «Сердце-обличитель», «Чёрный кот», «Падение дома Ашеров», «Береника» и многие другие. Гнетущая атмосфера, настроение тревоги, отражение болезненных состояний психики человека и мистицизм этих произведений оказали серьёзное влияние на формирование неоготической литературы, что, в свою очередь, станет фундаментом для формирования сразу нескольких наиболее популярных жанров массового кинематографа – хоррора и триллера, обретших призвание и популярность среди массового зрителя за счет отражения в них ощущения страха перед иррациональностью мира [9, 9].

Экранизации произведений Эдгара По как пример восприятия классики массовой культуры

Итак, мы подходим к основному пласту адаптаций произведений Эдгара По, обладающему наиболее богатой историей, – экранизациям. Любая экранизация представляет перевод оригинала

с одной художественной системы на другую [5, 9–10]. В данном случае речь идет об интерсемиотическом переводе, то есть о переводе, использующем несловесные системы, такие как изображение и музыка [4, 2]. Следствием перевода является ярко выраженное интерпретационное начало любой экранизации. Зачастую экранизация в большей степени отражает индивидуальность интерпретатора, а не автора оригинала [5, 11].

Подобные тезисы соотносятся с положениями рецептивной эстетики, согласно которой реципиент неизбежно достраивает смысл воспринимаемого произведения. У. Эко считал, что подобный механизм приводит к окончательной невозможности полного соответствия перевода оригиналу [4, 2–3].

Экранизации произведений Эдгара По во многом соответствовали обозначенной выше характеристике ещё в самом начале своего появления. Примером здесь следует считать две одноименных экранизации новеллы «Падение дома Ашеров», снятые в США и во Франции в 1928 году ещё в эпоху немого кино.

Американская экранизация за режиссурой Джеймса Сибли Уотсона представляет достаточно редкий пример интерпретации Эдгара По, практически полностью придерживающейся фабулы оригинального произведения. Интерпретационное начало здесь скорее отражает визуальная составляющая. В качестве главных инструментов передачи состояния тревоги и ощущения бреда критики называли использования наложений, наклонных углов и кадров, снятых в движении.

Рис 1. Кадр из американской экранизации «Падения дома Ашеров»

Французская экранизация режиссёра Жана Эпштейна представляет собой пример уже более вольной интерпретации рассказа, хотя изменение фабулы оригинала в ней было вызвано внешним фактором. Цензура не могла допустить изображения близкородственных отношений, в результате чего

в адаптации Родерик и Мэдилайн Ашеры представлены мужем и женой, а не братом и сестрой, как это было в оригинале. Пытаясь восполнить потерю важной сюжетной детали оригинала, Эпштейн частично совмещает сюжет «Падения дома Ашеро́в» с новеллой «Овальный портрет», представляя Родерика художником, рисующим портрет, забирающий жизнь у Мэдилайн. Подобную замену можно считать органичной, так как обе новеллы связаны мотивами смерти и перерождения. С точки зрения визуальной составляющей, экранизация Эпштейна придерживается стратегии, схожей с американской экранизацией. Быстрый монтаж, использование крупных планов и дисгармоничных пейзажей, изображающих клубы туманов, болота, деревья с опавшей листвой создают атмосферу упадка и разложения. Подобные мотивы заметны и в изображении пространства в оригинальной новелле, основное действие которой проходит на фоне унылого осеннего дня [2, 229].

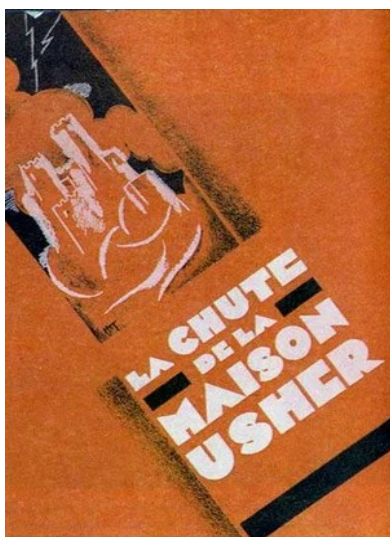

Рис 2. Постер французской экранизации «Падения дома Ашеро́в»

Дальнейшие экранизации будут демонстрировать всё более вольное отношение к фабуле, что, как правило, будет мотивировано стремлением усилить эффект напряжения от сюжета, либо же придать оригиналу ещё большую событийность для удержания интереса зрителя. К таковым относится уже более современная экранизация «Падения дома Ашеро́в» режиссёра Роджера Кормана, снятая в 1960 году. Помимо изменений в фабуле, обращение к аналогичным темам, что было сделано во французской экранизации, мы обнаруживаем, как вольно в фильме Вильяма передаются события, связанные с родом Ашеро́в. Родственники Родерика предстают перед зрителем в качестве преступников и сумасшедших, а одна из женщин рода Ашеро́в заканчивает жизнь самоубийством, утопившись в озере.

Частым явлением в экранизациях новелл становится совмещение элементов сюжета различных новелл Эдгара По. Мотивировано это всё также желанием придать событиям большую остросюжетность, либо усилить готическое содержание фабулы, либо стремлением придать персонажам большую мотивированность. В трилогии режиссёра Роджера Кормана «Tales of terror» (1962) в экранизации новеллы «Чёрный кот» присутствуют элементы сюжета из новеллы «Бочонок Амонтильядо». Слияние двух историй дает мотив для убийства: у Фортунато был роман с женой рассказчика, названного в данной версии Монтрезором. В экранизации же «Мореллы», принадлежащей к этой же трилогии, изменяется концовка оригинала, и зрителю демонстрируют, как воскрешённая Морелла душит главного героя. Вновь хоррор-элемент становится главенствующим.

Апогеем вольности интерпретации оказывается самая знаменитая экранизация «Лигейи» – «Гробница Лигейи», также снятая Корманом. Перед нами – пример «поэтики низкого», построенный на десакрализации представленного в новелле ключевого женского образа. Так, в оригинале Лигейя описывается как взнезменная девушка, наделённая исключительной мудростью: «Я упомянул об учености Лигейи – она была громадна -- такой я не встречал ни у одной женщины. Лигейя обладала глубокими познаниями в области

классических языков, и, насколько простирается мое собственное знакомство с современными европейскими наречиями, я и тут никогда не замечал у нее каких-либо пробелов» [16].

Рис 3. Один из множества кадров экранизации, выполненный в сюрреалистической манере

В экранизации же образ наполняется инфернальным содержанием – Лигейя изображается в качестве ведьмы. Подобный ход не только позволил режиссёру вновь сделать акцент на мистическом аспекте оригинала, но и решить важную для построения сценария проблему, состоящую в низведении

неоднозначности оригинала, открытого для различных интерпретаций. Перерождение Лигеи в экранизации становится фактом, в то время как в оригинале По создает у читателя сомнения в реальности происходящего, посредством изображения болезненного состояния сознания главного героя.

Тем не менее, в экранизациях новелл Эдгара По встречаются и исключения, идущие в разрез с «поэтикой низкого». К таковым следует относить мультипликационную адаптацию новеллы «Сердце-обличитель», созданную в 1953 году режиссёром Тедом Пармли и художником Полом Джулианом. Сама мультипликация представляет собой визуальный эксперимент, в котором посредством авангардистских техник раскрывается заданный в оригинале мотив расколотого сознания [6, 425].

Как мы видим, разнообразие экранизаций новелл Эдгара По огромно, однако все они неизбежно связаны восприятием мистического наполнения новелл По в качестве доминанты. Другим сквозным мотивом здесь становится мотив безумия, предопределяющий большую часть визуальных экспериментов.

Готические мотивы творчества Эдгара По как катализатор развития игровой драматургии

Новеллы-арабески сыграли свою роль и в развитии игровой драматургии. Среди главных особенностей игровой драматургии принято выделять прежде всего интерактивность повествования, когда игрок выступает в качестве одного из главных действующих лиц. Интерактивность повествования подразумевает и возможность выбора, либо же разнообразного взаимодействия с внутриигровым миром [7, 296].

Перенесение же атмосферы новелл Эдгара По в игровое пространство способствовало усилению драматизма и психологизма за счёт весьма специфической для игр-триллеров позиции игрока как жертвы или обыкновенного человека, лишённого героических качеств [7]. Это положение отлично демонстрирует приключенческая игра The Dark Eye («Тёмное око»), созданная компанией Inscare в 1995 году. Игра даёт возможность пережить сюжет трёх новелл – «Бочонка Амонтильядо», «Сердца – обличителя» и «Береники». В течение игры пользователь «исполнял» сначала роль жертвы, а затем – убийцы. Это позволило создать нужную психологическую атмосферу и вызвать у пользователя особые ощущения и эмоции, которые затем усиливались тем, что ни в одном из двух положений пользователь не мог изменить историю. Чувство бессилия, формируемого в ходе истории, позволяло авторам в новом свете раскрыть неизбежность и трагизм происходящего [7, 297].

The Dark Eye также следует отнести к адаптациям, придающим большую значимость визуальной части как средству передачи напряжения и тревоги. Игра выполнена в достаточно гротескном стиле, сочетающем в себе трёхмерную графику и кукольную анимацию.

Таким образом, в рамках игровой индустрии элементы и мотивы ужасного в новеллах Эдгара По также являются элементами, порождающими и определяющими из всех изобразительных средств, применяемых авторами адаптации.

Влияние поэзии Эдгара По на поэтику рок-музыки

Особенного внимания заслуживает взаимосвязь между поэтическими произведениями Эдгара Аллана По и музыкальной индустрией. Как и в случае с экранизациями и прозаическими произведениями Эдгара По, влияние здесь неслучайно. Стихотворения Эдгара Аллана По отличаются музыкальностью. Эту особенность поэтического творчества По отмечали русские символисты, в число которых входили В. Я. Брюсов и К. Д. Бальмонт – одни из наиболее именитых переводчиков стихотворений Эдгара По [8, 146]. Более того, сам Эдгар По также придавал огромное значение взаимодействию музыки и поэтического образа. В символе Эдгар По видел основу музыкальности, способность мощного эмоционального воздействия,

схожего с гипнозом, направленным на создание у читателя необходимого настроения (в рамках поэтики По, часто связанного с депрессией перед лицом неизбежной гибели) [15, 80].

Образная картина поэзии Эдгара По велика, однако наиболее актуальным для поэтики рок-музыки выступает наиболее узнаваемый образ – ворон. Причины подобного связаны, с одной стороны, с огромным количеством интерпретаций данного образа (например, см. песню М. Пушкиной «Ворон» [10]), а также с широким мифологическим содержанием [12, 264]. Ворон предстает вестником богов в «Старшей Эдде» и предвестником несчастья в африканских поверьях [3, 145]. С другой же стороны, именно широкая известность «Ворона» делает это стихотворение и его центральный образ актуальным. Здесь мы возвращаемся к категории тиражируемости – самый известный образ из всего поэтического наследия Эдгара По становится элементом маркетинга или же просто отсылкой к содержанию музыкального альбома, которая легко считывается даже малознакомым с творчеством классика слушателем.

Стихотворение «Ворон» представлено в рамках рок-музыки в различных проявлениях. Например, песня «Raven» немецкой группы «Grave Digger» представляет собой переложение оригинального стихотворения, с сохранением главного стихотворного размера Эдгара По – хорея, которым написано подавляющее большинство поэтических произведений автора. Однако в интерпретации рок-группы присутствует множество деталей, усиливающих мрачность и эмоциональность образной картины стихотворения:

*Thunder, lighting crushed the sky
A raven stood before my eye.
Гром и молния обрушились с небес
ворон возник перед моим взором.*

Значительно отличается по интонации и размеру от стихотворения Эдгара По припев. В нём возникает новый образ ангела, являющийся аллюзией на погибшую возлюбленную:

*Raise your face to the midnight sun
Don't touch the angel, don't hide and run
Look into the eye of this evil toy
Fly with the raven seek and destroy.
Подними лицо к полночному светилу,
Не прикасайся к ангелу, не прячься и не беги
Взгляни в глаза этой злой игрушки,
Лети вместе с вороном, отыщи и уничтожь [3, 149].*

В большинстве адаптаций образ ворона так или иначе несет в себе негативную коннотацию, связанную с преждевременной кончиной или злом. Таковым он выступает и в тексте песни «Ворон» отечественной рок-группы «Ария»: *«Я не суеверен, но мой гость пророчит смерть...»* [13].

Как и в одноимённом стихотворении, подчёркивается траурный окрас ворона, усиливающий взаимосвязь этого образа с загробным миром:

*Траур оперенья – это траур и по мне,
Из другого мира ворон вести мне принес...».*

Отличает же от оригинала состояние лирического героя, пронизанное ощущением не просто депрессии, но предчувствия апокалиптической катастрофы:

*На коне крылатом всадник спустится за мной
Любоваться адом и агонией земной...*

Вывод. Анализ различных адаптаций произведений Эдгара По позволяет с уверенностью сказать, что главным аспектом, актуализирующим произведения того или иного автора, в рамках массовой культуры, становятся:

1) Порождающие мотивы, совпадающие с мироощущением массового зрителя. В случае с творчеством По главенствующими мотивами являются иррациональность мира и раздробленность человеческого сознания.

2) Поэтика автора, позволяющая его произведениям стать подходящим материалом для адаптации в рамках массовой культуры. Фигура Эдгара По здесь наиболее показательна, поскольку созданные при определяющем влиянии Эдгара По жанры детектива, триллера и хоррора идеально подходят для любых форм адаптаций, связанных с визуализацией. А прозорливость Эдгара По как критика позволила ему выстроить структуру произведений в соответствии с запросами читателя не только XIX века, но и для читателя эпохи массовой культуры, возникшего уже значительно позже смерти великого классика.

3) Наличие у произведения интересной фабулы, которая может реконструироваться автором-интерпретатором.

4) Наличие в поэтике автора «вечных образов и мотивов», имеющих часто мифологическую основу и крайне вариативное символическое наполнение.

Всё вышеперечисленное позволяет рассмотреть процесс взаимодействия массовой и элитарной культуры как крайне неоднозначный. Несмотря на факт частичной утраты глубины образов элитарной культуры в адаптациях массовой культуры, именно стремление массовой культуры к переносу содержания исходного классического произведения в иную художественную систему порождает репрезентацию и крайне любопытные творческие эксперименты. Более того, зачастую сами произведения элитарной культуры структурно предрасположены к адаптации в рамках массовой культуры.

Список источников

1. Апенко Е. М. «Фигура читателя» в теории творчества Эдгара Аллана По // Литература двух Америк. 2017. №2. С. 134–139.
2. Гостева Т. Ф. Особенности функционирования пейзажных описаний в «Готических» рассказах Э. По (на материале рассказа «Падение дома Ашероу») // ОНВ. 2006. №7 (43). С. 228–231.
3. Дементьева А. В. Образ ворона в рок-поэзии и влияние на него стихотворения «Ворон» Э. А. По // Практики и интерпретации: журнал филологических, образовательных и культурных исследований. 2022. №4. С. 140–159.
4. Лиходкина И. А. Отражение литературных образов в кинематографе или особенности интерсемиотического перевода // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. №3-3 (69). С. 1–4.
5. Мильдон В. И. Что же такое экранизация? // МИРС. 2011. №3. С. 9–14.
6. Мороз Н. А. «Четырехмерное Искусство»: об одной анимационной экранизации Эдгара По // Литература двух Америк. 2020. №8. С. 417–434.
7. Мошков Н. А. Эволюция драматургических приемов, используемых в компьютерных играх // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. 2011. №131. С. 295–300.
8. Осипова Э. Ф. О переводах Эдгара По в России // Литература двух Америк. 2017. №2. С. 141–154.
9. Пушкина А. А. Готический роман и зарождение неоготического направления в культуре // Вестник ЛГУ им. А. С. Пушкина. 2015. №2. С. 1–12.
10. Пушкина М. «Ворон» (текст песни) [Электронный ресурс] // Aria.ru. URL: <https://aria.ru/albums/nomernoy->

album/himera/%D0%92%D0%BE%D1%80%D0%BE%D0%BD (дата обращения: 30.04.2023).

11. Романенко А. П. Риторика массовой культуры // Записки Горного института. 2005. №1. С. 66–67.

12. Рудакова С. В. К вопросу о фольклорных традициях в поэзии Е. А. Боратынского // Язык. Человек. Культура: Сборник научных трудов, посвященный юбилею Марии Львовны Ковшовой. Москва: Канцлер, 2022. С. 262–268.

13. Сафронова А. «Кто это выдумал: самые экранизируемые американские писатели» [Электронный ресурс] // Кинопоиск.ру URL: <https://www.kinopoisk.ru/media/article/2159712/> (дата обращения: 30.04.2023).

14. Фетисова Т. А. Детектив в пространстве культуры // Вестник культурологии. 2020. №3 (94). С. 165–179.

15. Чалова Л. В. Образ смерти в стихотворении Э. А. По «Ворон» // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2010. №1. С. 78–81

16. Эдгар Аллан По «Лигейя» [Электронный ресурс] // Lib.ru/Классика. URL: <http://www.lib.ru/INOFANT/POE/ligeia.txt> (дата обращения: 30.04.2023).

REFERENCES

1. Apenko E. M. «Figura chitatel'ja» v teorii tvorchestva Jedgara Allana Po // Literatura dvuh Amerik. 2017. №2. Pp. 134–139. (In Russ.)

2. Gosteva T. F. Osobennosti funkcionirovanija pejzaznyh opisaniy v «Goticheskikh» rasskazah Je. Po (na materiale rasskaza «Padenie doma Asherov») // ONV. 2006. №7 (43). Pp. 228–231. (In Russ.)

3. Dement'eva A. V. Obraz vorona v rok-pojezii i vlijanie na nego stihotvorenija «Voron» Je. A. Po // Praktiki i interpretacii: zhurnal filologicheskikh, obrazovatel'nyh i kul'turnyh issledovanij. 2022. №4. Pp. 140–159. (In Russ.)

4. Lihodkina I. A. Otrazhenie literaturnyh obrazov v kinematografe ili osobennosti intersemioticheskogo perevoda // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. 2017. №3-3 (69). Pp. 1–4. (In Russ.)

5. Mil'don V. I. Chto zhe takoe jekranizacija? // MIRS. 2011. №3. Pp. 9–14. (In Russ.)

6. Moroz N. A. «Chetyrehmernoe Iskusstvo»: ob odnoj animacionnoj jekranizacii Jedgara Po // Literatura dvuh Amerik. 2020. №8. Pp. 417–434. (In Russ.)

7. Moshkov N. A. Jevoljucija dramaturgicheskikh priemov, ispol'zuemykh v komp'yuternykh igrakh // Izvestija RGPU im. A. I. Gercena. 2011. №131. Pp. 295–300. (In Russ.)
8. Osipova Je. F. O perevodah Jedgara Po v Rossii // Literatura dvuh Amerik. 2017. №2. Pp. 141–154. (In Russ.)
9. Pushkina A. A. Goticheskij roman i zarozhdenie neogoticheskogo napravlenija v kul'ture // Vestnik LGU im. A.S. Pushkina. 2015. №2. Pp. 1–12. (In Russ.)
10. Pushkina M. «Voron» (tekst pesni) [Jelektronnyj resurs] // Aria.ru. URL: <https://aria.ru/albums/nomernoy-albom/himera/%D0%92%D0%BE%D1%80%D0%BE%D0%BD> (accessed 30.04.2023). (In Russ.)
11. Romanenko A. P. Ritorika massovoj kul'tury // Zapiski Gornogo instituta. 2005. №1. Pp. 66–67. (In Russ.)
12. Rudakova S. V. K voprosu o fol'klornykh tradicijah v pojezii E. A. Boratynskogo // Jazyk. Chelovek. Kul'tura: Sbornik nauchnykh trudov, posvjashhennyj jubileju Marii L'vovny Kovshovoj. Moskva: Kancler, 2022. Pp. 262–268. (In Russ.)
13. Safronova A. «Kto jeto vydumal: samye jekraniziruemye amerikanske pisateli» [Jelektronnyj resurs] // Kinopoisk.ru – URL: <https://www.kinopoisk.ru/media/article/2159712/> (accessed 30.04.2023). (In Russ.)
14. Fetisova T. A. Detektiv v prostranstve kul'tury // Vestnik kul'turologii. 2020. №3 (94). Pp. 165–179. (In Russ.)
15. Chalova L. V. Obraz smerti v stihotvorenii Je. A. Po «Voron» // Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Serija: Gumanitarnye i social'nye nauki. 2010. №1. Pp. 78–81. (In Russ.)
16. Jedgar Allan Po «Ligejja» [Jelektronnyj resurs] // Lib.ru/Klassika. URL: <http://www.lib.ru/INOFANT/POE/ligeia.txt> (accessed 30.04.2023). (In Russ.)

THE PROBLEM OF RECEPTION AND ADAPTATION OF
EDGAR ALLAN POE'S WORKS IN POPULAR CULTURE

Mihail A. Kononov

student, Nosov Magnitogorsk State Technical University,
(Magnitogorsk, Russia)

Constantin N. Savelev

Doctor of Science (Philology), Professor of Department
of Linguistics and Literature, Nosov Magnitogorsk State University
(Magnitogorsk, Russia)

Abstract

The article deals with the interaction of mass culture and classical literary heritage which is reflected by the analysis of adaptations of Edgar Allan Poe's works within the framework of mass culture. The reasons for the interest of various branches of mass culture in the literary heritage of the American classic as well as some of the well-known adaptations and the relationship between the original text and its adaptation, including the problem of adaptation as an interpretation of the original work by the recipient were thoroughly analysed. In the article the emphasis was made on the comparison between adaptations and the original works. The article also examines the inevitable changes in the content of the original works, introduced by the authors of the adaptations. This state of affairs is explained by the need to translate the original work into the language of adaptation. For example, the translation of a literary text into the film language implies the visualization of the key images or rendering the mood of the original through visualization, orientation to the mass audience, who thinks primarily in visual images. To consider the interaction of the original and its adaptation, works from various branches of popular culture were selected. These include: cinema, animation, rock music, computer games industry.

In addition to a comparative analysis of adaptations and original works, the key features of the literary and critical heritage of Edgar Allan Poe are also considered, which ensures the productivity of the process of interaction between Edgar's works and the branches of mass culture. These aspects primarily include the gothic content of Edgar Poe's "macabre" stories, as well as the orientation of Edgar Allan Poe on the reader's perception of a literary text when creating the plot of his works, including the perception of the "average" person.

Keywords: Edgar Poe, mass culture, reception, interpretation, film adaptation, music, computer game, poetry, recipient, visualization

Для цитирования: Коновалов М. А., Савельев К. Н. Проблема рецензии и адаптации творчества Эдгара Аллана По в массовой культуре // Libri Magistri. 2023. № 3 (25). С. 100–114.

Поступила в редакцию 14.05.2023

АВТОРАМ

Уважаемые коллеги!

Приглашаем Вас принять участие в двадцать первом и последующих выпусках периодического рецензируемого научного журнала «Libri Magistri», издаваемого коллективом кафедры языкознания и литературоведения института гуманитарного образования Магнитогорского государственного технического университета им. Г. И. Носова.

В «Libri Magistri» предполагается осмысление следующих вопросов:

- 1) Аксиологические модели
- 2) История и теория жанров: диалектика формы и содержания
- 3) Коммуникативные исследования в филологии
- 4) Компаративистика сегодня: задачи – идеи – школы
- 5) Лингвистика текста.
- 6) Лингвокультурология и страноведение
- 7) Методика преподавания филологических дисциплин
- 8) Научная жизнь
- 9) Национальная модель мира в литературе
- 10) Перевод и переводоведение
- 11) Поэтика русской литературы
- 12) Россия и Запад: исторические мифы и их отражение в текстах культуры
- 13) Семиотика: мир как текст
- 14) Стилистика. Лингвистическая поэтика. Риторика
- 15) Филологический анализ текста: традиции, типы, конкретные разборы
- 16) Филология и ее проблемное поле, перспективы развития
- 17) Филология и междисциплинарные связи
- 18) Философия литературы

Материалы, поступившие в редакцию, проходят проверку в системе «Антиплагиат.ВУЗ» и подлежат обязательному двойному слепому рецензированию. Редакция имеет право отклонить рукопись или предложить автору ее доработать в соответствии с требованиями.

Издание 4 номера 2023 (двадцать шестого выпуска) журнала «Libri Magistri» планируется в декабре 2023 года. Номер журнала будет размещен в РИНЦ (номер договора 336-08/2017).

Свидетельство о регистрации СМИ: ПИ № ФС 77 – 85231 от 25.04.2023.

Форма заявки (в отдельном файле, ее озаглавить следующим образом *Фамилия_заявка*, например: *Иванов_заявка*):

1. Фамилия, имя, отчество (полностью) на русском и английском языках.
2. Название статьи на русском и английском языках.

3. Предполагаемый раздел номера.
4. Город, место работы, должность на русском и английском языках.
5. Ученая степень и ученое звание на русском и английском языках.
6. Домашний адрес с указанием индекса, номера телефона (с кодом города), e-mail.

Для аспирантов и магистрантов (статьи магистрантов публикуются только совместно с научным руководителем) указать кафедру, факультет /институт, учебное заведение, город, страну.

Внимание! Телефон не публикуется, используется только для связи с автором в период подготовки статьи к печати; e-mail публикуется, почтовый дом. адрес не публикуется.

Требования к оформлению статьи

К статье необходимо приложить резюме на русском и английском языках (термины подлежат обязательному переводу; иностранные фамилии и географические названия даются в оригинале). Резюме не менее двухсот слов и список ключевых слов (не более десяти), а также почтовый и электронный адреса авторов, место работы, почтовый адрес работы, должность авторов (на русском и на английском языках)!!!

1. Языки научных статей – русский, английский. По согласованию с редакцией возможна публикация статей на других языках.

2. Статьи предоставляются в электронном виде в формате редактора Microsoft Word 2003 или 2007 на одном из рабочих языков журнала. Файл со статьей именуется следующим образом – **Фамилия_статья** (например, *Иванов_статья*).

3. Максимальное количество авторов – не более 3-х.

4. Автор предоставляет редакции статьи, ранее нигде не опубликованные. Процент оригинальности не менее 70%.

5. **Общий объем статьи** (включая заголовок, ключевые слова, список литературы, аннотацию) – 15 000-20 000 знаков с пробелами, превышение объема статьи возможно по согласованию с редакционной коллегией. Страницы не нумеруются.

6. **Общие требования. РАЗМЕР А5.** Для набора текста необходимо использовать редактор Microsoft Word для Windows. Шрифт – *Times New Roman*, размер – 10. Абзац – 1 см, междустрочный интервал – 1. Выравнивание по ширине. Все поля документа по 2 см. Кавычки в тексте оформляются «елочкой». Без нумерации страниц, без переносов, без сносок. В качестве средств выделения текста используются подчеркивание и *курсив*. Между инициалами автора и фамилией ставим пробел.

7. **Оформление заголовка (см. образец).** На первой и второй строках (выравнивание по левому краю) указываются **ББК** и **УДК** (полужирным курсивом). После интервала на четвертой строке (выравнивание по правому краю) указываются **инициалы и фамилия**

автора (полужирным курсивом). На пятой и следующих строках (выравнивание по правому краю) – *ORCID автора, полное название организации каждого автора, почтовый адрес места работы, адрес электронной почты всех авторов* (курсивом). После интервала – **НАЗВАНИЕ СТАТЬИ** (по центру прописными буквами полужирным). Название статьи (не более 15 слов) должно кратко отражать содержание статьи. Не рекомендуется использовать сокращения и аббревиатуры.

8. После интервала следует аннотация статьи (*без слова Аннотация*) на русском языке **не менее 200 слов**. Аннотация не должна повторять название статьи и должна точно отражать основное ее содержание. Рекомендуется отражать: предмет исследования, цель работы, метод или методологию проведения исследования, основные результаты работы и область применения результатов исследования актуальность, методы, результаты, новизну и значимость исследования.

9. После интервала следуют **Ключевые слова** на русском языке (**не более 7-10 слов/словосочетаний**) без точки в конце. Набор ключевых слов/словосочетаний должен включать понятия, термины, имена, названия и пр., концептуально значимые для статьи.

10. После текста статьи через интервал помещается список **Литературы** с автоматической нумерацией в алфавитном порядке с обязательным указанием издательства, количества или диапазона страниц (Шрифт – Times New Roman, размер – 10). Список литературы должен содержать не менее 15 источников. См. ниже образцы.

11. После списка литературы следует **REFERENCES**, он должен содержать транслитерацию списка из раздела «ЛИТЕРАТУРА». Источники на иностранных языках не транслитерируются и приводятся в оригинале. Транслитерацию наименований журналов следует сопровождать официальным наименованием (соответствующим названию издания в наукометрических системах РИНЦ и др.) на английском или другом иностранном языке. Названия городов указываются полностью: Москва – в »References»: Moscow.

Описание русских, украинских и других работ, написанных не латинским (английским, французским, немецким, итальянским и т. п.) алфавитом, начинается с транслитерированной фамилии автора(ов). **Важно:** необходимо использовать ту транслитерацию фамилии(й), которая используется в издании, на которое Вы ссылаетесь. Если там нет транслитераций, воспользуйтесь или наиболее распространенной транслитерацией этой фамилии (если возможно), или транслитерируйте согласно общим правилам, используя для автоматической транслитерации программу на сайте <http://www.translit.ru>.

Библиографическое описание работ, опубликованных на языках, не использующих латинский алфавит, состоит из двух частей: транслитерации и перевода на английский язык.

12. Текст рекомендуется структурировать *Введение* – постановка рассматриваемого вопроса, актуальность, краткий обзор научной литературы по теме, четкая постановка цели работы. *Основная часть* статьи должна быть разбита на пронумерованные разделы, имеющие содержательные названия. Возможны подразделы. Она должна содержать описание материала и методов исследования, описание проведенного анализа и полученные результаты. *Заключение* – основные выводы исследования.

13. После **REFERENCES** через интервал следуют **ЗАГОЛОВОК, ИМЯ АВТОРА**, информация о месте его работы, слово **Abstract** – по центру, **Ключевые слова** и далее сама **Аннотация – все на английском языке**. На английском языке указать **место работы**.

14. Цитирование без подробных ссылок (с указанием источника и номера страницы в квадратных скобках) не допускается! Ссылки на неавторские Интернет-ресурсы (Википедия и т. п.) не допускаются.

15. Ссылки на литературу даются в квадратных скобках по образцу [1, 13] или [1, IV, 13], где первая позиция(1) – номер цитируемого источника согласно алфавитному списку, вторая позиция (появляется в некоторых случаях) (IV) – номер тома многотомного издания, третья позиция (13) – номер цитируемой страницы.

16. В статье не использовать табуляцию.

17. Кавычки должны быть одного начертания по всему тексту. Внешние кавычки – «елочки» («»), внутренние – «лапки» (“”).

18. С содержанием номеров журнала можно ознакомиться на сайте [elibraryhttps://elibrary.ru/title_about.asp?id=64809](https://elibrary.ru/title_about.asp?id=64809) и на сайте университета <http://magtu.ru/sveden/struct/instituty-fakultety-kafedry/institut-gumanitarnogo-obrazovaniya/kafedry-instituta-gumanitarnogo-obrazovaniya/napravlenie-filologiya-i-zhurnalistika/kafedra-yazykoznanija-i-literaturovedeniya.html>;

19. Оргкомитет сохраняет за собой право отклонять статьи, не соответствующие тематике и не получившие положительной рецензии. Статьи, оформленные не по правилам и без английского блока, к рассмотрению не принимаются!!!! Решение о публикации выносится редколлегией на основе рецензирования рукописей и общим голосованием; о принятом решении сообщается авторам. Присланные в редакцию материалы не возвращаются.

20. Материалы высылать по адресу rudakovamasu@mail.ru

21. Публикация статей бесплатная.

ОБРАЗЕЦ ОФОРМЛЕНИЯ ЗАГОЛОВКА, СПИСКА ЛИТЕРАТУРЫ И АННОТАЦИИ

ББК 83.3
УДК 821.161.1

С. В. Рудакова¹
ORCID: 0000-0001-8378-061X
Магнитогорский государственный
технический университет им. Г. И. Носова
455000, Россия, г. Магнитогорск, пр. Ленина, д. 38
rudakovamasu@mail.ru

К. Н. БАТЮШКОВ И Е. А. БОРАТЫНСКИЙ: «ДИАЛОГИ» С ПАРНИ

Текст аннотации. Текст аннотации. Текст аннотации.

Ключевые слова: легкая поэзия, Парни, Батюшков, Боратынский, традиции, диалог, эпикуреизм

Текст статьи. Текст статьи. Текст статьи. Текст статьи. Текст статьи. Текст статьи.

Литература

1. Абрамзон Т. Е. «Любовная гадательная книжка» А. П. Сумарокова в контексте культуры XVIII века, или Литературная безделка от «северного Расина». Москва: ОГИ, 2013. 192 с.
2. Баратынский Е. А. Полное собрание стихотворений / Вступ. ст. И. М. Тойбина. Сост., подгот. текста и примеч. В. М. Сергеева. Ленинград: Советский писатель, 1989. 464 с.
3. Рудакова С. В. Философия счастья в лирике Е. А. Боратынского // Известия Уральского федерального университета. Серия 2. «Гуманитарные науки». 2012. № 4 (108). С. 103–114.
4. Рылова О. Н. Русская античность в отечественной литературе: к проблеме культурного диалога [Электронный ресурс] // Вестник ТГПУ. 2010. № 5 (95). С. 100–106. URL: http://vestnik.tspu.ru/files/PDF/articles/rilova_o_n_100_106_5_95_2010.pdf (дата обращения: 10.01.2020).

¹ Рудакова Светлана Викторовна, доктор филологических наук, профессор кафедры языкознания и литературоведения, Магнитогорский государственный технический университет им. Г. И. Носова, г. Магнитогорск, Россия.

REFERENCES

1. Abramzon T. E. «Lomonosovskij tekst» russkoj kul'tury' ["Lomonosov Text" of Russian Culture: Selected Pages]. Moscow: OGI, 2011. 240 p. (In Russ.).
2. Baraty`niskij E. A. Polnoesobraniestixotvorenij [Full. Coll. poems'] / Vstup. st. I. M. Tojbina. Sost., podgot. tekstaiprimech. V. M. Sergeeva. Leningrad: Sovetskij pisatel', 1989. 464 p. (In Russ.).
3. Rudakova S. V. Filosofijaschast`ya v lirike E. A. Boraty`nskogo [Philosophy of Happiness in E. A. Boratynsky's Lyrical Poetry] // Izvestiya Ural'skogofederal'nogouniversiteta. Seriya 2. «Gumanitarny`enauki». [Izvestia. Ural Federal University Journal. Series 2. Humanities and Arts]. 2012. № 4 (108). Pp. 103–114. (In Russ.).
4. Ry`lova O. N. Russkaya antichnost' v otechestvennoj literature: k problemekul'turnogodialoga [Russian antiquity in Russian literature: on the problem of cultural dialogue] [E`lektronny`j resurs] // Vestnik TGPU [Bulletin of TSPU]. 2010. № 5 (95). Pp. 100–106. URL: http://vestnik.tspu.ru/files/PDF/articles/rilova_o_n_100_106_5_95_2010.pdf (accessed 10.01.2021). (In Russ.).

K. BATYUSHKOV AND E. BORATYNSKY: «DIALOGUES» WITH PARNI

Svetlana V. Rudakova

Doctor of Sciences (Philology), Professor of Department of Linguistics
and Literature, Nosov Magnitogorsk State Technical University
(Magnitogorsk, Russia)

Abstract

Text. Text. Text. Text. Text. Text. Text. Text. Text. Text. Text.

Keywords: Easy Poetry, Parni, Batiushkov, Boratynsky, Traditions,
Dialogue, Epicureanism

Тел. редакции: 8(3519)22-74-74

LIBRI MAGISTRI

2023. 4 (26)

Научный рецензируемый журнал

Учредитель – Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова (455000, Челябинская обл., г. Магнитогорск, пр. Ленина, д.38). 16+, в соответствии с Федеральным законом № 436–ФЗ от 29.12.10.

Адрес редакции:

455000, г. Магнитогорск, пр. Ленина, 26, ауд. А17.

Тел.: (3519) 227474.

E-mail: rudakovamasu@mail.ru, rudakova@magtu.ru

Адрес издателя:

455000, Челябинская обл., г. Магнитогорск,

пр. К. Маркса, 45/2,

ФГБОУ ВО «МГТУ им. Г.И. Носова», издательский центр

Адрес типографии:

455000, Челябинская обл., г. Магнитогорск,

пр. Ленина, 38, ФГБОУ ВО «МГТУ им. Г.И. Носова»,

участок оперативной полиграфии

Сдано в набор 04.12.2023. Подписано в печать 06.12.2023.

Дата выхода 07.12.2023.

Формат 60×84 ¹/₁₆. Бумага тип. № 1. Плоская печать. Усл. печ.л. 7,6.

Тираж 500 экз. Заказ 393.

Цена свободная.